БЫТЪ
РУССКАГО НАРОДА.

ЧАСТЬ VII.

I. СВЯТКИ.
II. МАСЛЯННИЦА.

Соч. А.В. Терещенки.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ.
1848.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 12 февраля 1846 года.

Ценсоръ *И. Ивановскій.*

СОДЕРЖАНІЕ

VII ЧАСТИ.

I. СВЯТКИ.

I. СВЯТОЧНЫЕ ОБРЯДЫ. II. СВЯТОЧНЫЯ УВЕСЕЛЕНІЯ. III. СВЯТОЧНЫЯ ГАДАНІЯ И ПЕРЕРЯЖИВАНІЯ.

II. Святочныя увеселенія. — Значеніе святокъ у нѣкоторыхъ Славянскихъ племенъ. — Значеніе святокъ у Русскихъ. — Время празднованія святокъ. — Предметъ святочныхъ забавъ. — Древность славянскихъ гаданій и чародѣйство. — Приглашеніе на святки. — Пріѣздъ дѣвушекъ. — Угощеніе. — Вставаніе дѣвушекъ. — Гостинцы. — Препровожденіе времени. — Гости. — Пѣніе славы. — Замужство съ ровнымъ. — Дѣвичье прошенье. — Исполненіе желанія. — Замужство. — Замужство съ милымъ. — Суженый. — Исканіе боярышни. — Отрокъ съ отрочицею. — Подчиваніе. — Исполненіе желанія. — Отъѣздъ. — Будущая прибыль. — Богатство. — Замужство изъза-денегъ. — Замужство съ дворяниномъ. — Замужство съ чиновнымъ. — Свадьба. — Дѣвущкамъ замужство, а холостымъ женитьба. — Замужство съ богатымъ. — Несчастіе. — Великое богатство и счастіе. — Забавы и разставанія. — III. Святочныя гаданія и переряживанія. — Подблюдное гаданіе. — Золото хоронить. — Мѣстное отправленіе святочныхъ вечеровъ. — Смотрѣть въ зеркало. — Спрашиваніе чужаго имени. — Слушаніе подъ чужимъ окномъ и на перекресткѣ. — Слушаніе подъ своимъ окномъ. — Бѣлое полотенце предъ окномъ. — Смотрѣніе въ окно, во время ужина. — Церковное пѣніе. — Выдернутое дерево изъ полѣницы. — Полоть снѣгъ. — Гаданіе курицами и пѣтухами. — Курица и пѣтухъ. — Бросаніе башмаковъ. — Хрюканье. — Лошадь. — Примѣты у мѣльницы, гумна и анбара. — Снопы. — Хлѣбные сусѣки (засѣки). —Ауканье. — Снѣжные знаки. — Примѣты шапочныя. — Примѣты по ложкамъ. — Примѣты по хлѣбнымъ фигурамъ. — Печеные хлѣбцы. — Сученая нитка. — Примѣта по скрипу дерева и столба. — Примѣта по скрипу вереи. — Гаданіе на кожѣ и шкурѣ. — Чесаніе волосъ. — Четъ и нечетъ. — Бумажные шарики. — Молодой вдовецъ. — Счетъ кольевъ, или, замужъ, — нѣтъ. — Волъ и баранъ. — Овцы. — Пуганіе воробьевъ. — Объ узнаніи впередъ своей участи. — Березовая лучина. — Узнаніе имени жениха. — Яичный бѣлокъ. — Клокоченіе воды. — Кольцо, кусокъ хлѣба и пукъ соломы. — Перстень, хлѣбъ, щетка и табакъ. — Кусочки хлѣба въ окнѣ. — Ломаніе косточки, называемой дуга. — Соломинка. — Игры. —

Бобы. — Рѣшето. — Кофейная гуща. — Гаданіе на картахъ. — Четыре карточныхъ короля. — Три прутика изъ вѣника. — Сниманіе сапога. — Луковица съ солью. — Три ангела. — Бросаніе монеты въ воду. — Кольцо въ водѣ. — Башмаки съ золой. — Кудель съ пряжею. — Суженый съ водою. — Мостикъ изъ прутиковъ. — Квашня. — Загадываніе предъ воскресеньемъ. — Литье изъ разныхъ веществъ. — Сженіе бумаги. — Цвѣтокъ изъ подвѣнечнаго убора. — Снотолкованіе. — Переходъ отъ вѣрованій къ гаданіямъ. — Происхожденіе переряживанія. — Опредѣленіе стоглава: объ искорененіи богопротивныхъ и безнравственныхъ обыкновеній. — Окрутники и опричники. — Переряживаніе.

II. МАСЛЯНИЦА.

Разгульные дни, общіе всѣмъ народамъ. — Карнавалъ. — Названіе масляницы. — Отправленіе масляницы. — Маскарадъ и санное катанье, данное Петромъ I. — Разное отправленіе масляницы. — Суевѣрныя замѣчанія. — Банные проводы.

I. СВЯТКИ.

I. СВЯТОЧНЫЕ ОБРЯДЫ. II. СВЯТОЧНЫЯ УВЕСЕЛЕНІЯ. III. СВЯТОЧНЫЯ ГАДАНІЯ И ПЕРЕРЯЖИВАНІЯ.

I. святочные обряды.

Никакой народъ не представляетъ намъ столько забавъ, на Рождественскіе праздники, какъ нашъ Русской, который, благодаря Богу! еще не очужеземился. Дотолѣ онъ будетъ своимъ, доколѣ будетъ одушевленъ народнымъ чувствомъ. *Вступленіе.*

Нѣкоторые мнимые просвѣтители наши, постоянно трубятъ о распространеніи народности, а между тѣмъ вводятъ иностранное; умы юношей напитываютъ противнымъ и нашему воспитанію и нашимъ нравамъ. Въ высокопарныхъ своихъ выраженіяхъ, они даже не стыдятся присвоивать незаслуженную имъ честь, тогда какъ она принадлежитъ развитію вѣка и потребности государства.

Нашъ народъ, вѣрный своей землѣ, сберегъ еще обычаи своихъ предковъ; онъ вспоминаетъ объ нихъ съ простосердечно-неподдѣльной радостью; онъ одинъ, среди многихъ превратностей своей судьбы, сохранилъ прежнюю свою веселость и наклонность къ забавамъ.

Изъ разнообразныхъ его увеселеній, въ коихъ онъ познается, это суть святки, доставляющія всѣмъ сословіямъ истинное наслажденіе. Не только дворянство, живущее въ городахъ и деревняхъ, но даже столичные жители любятъ предаваться святочнымъ удовольствіямъ. Разнообразныя въ своихъ дѣйствіяхъ, онѣ представляютъ пространное поле для всѣхъ родовъ забавъ и увеселеній.

Празднество въ честь зимняго поворота.

Восточные народы соблюдали строго приношеніе жертвъ солнцу, въ честь зимняго его поворота, который совпадалъ съ нашимъ декабрскимъ мѣсяцемъ.—Въ Египтѣ праздновали его въ память Изиды (богини земли и луны), Озириса (бога солнца), и Ора (бога звѣздъ).—Тамъ постились за три дни до торжественныхъ обрядовъ, и наканунѣ праздника звали ночью громогласно, въ печальныхъ пѣсняхъ, потеряннаго Озириса. На другой день молились и приносили жертвы, а потомъ начинали радостныя

забавы: пѣли, плясали и гадали о будущей своей судьбѣ.

При Константинопольскомъ дворѣ употреблялись еще въ V вѣкѣ, готѳскія игры, имѣющія связь съ святочными забавами. На Рождество Христово являлись ко двору наряженные, которые бѣгали, плясали и пѣли подъ музыку пѣсни.—Вельможи и чиновники, пожелавъ многолѣтія Императору, пѣли: *Дѣва днесь Пресущественнаго раждаетъ.*

Готѳскія игры, перешедшія въ святочныя.

У Скандинавскихъ и Германскихъ племенъ, отправлялись на Р. Х. готѳскія игры, подъ другими названіями. — Въ Саксоніи онѣ извѣстны подъ именемъ *Рупертовыхъ слугъ.* Въ продолженіи 12 дней Рождества Христова, они одѣвались въ звѣриныя шкуры, натирали лице сажею, украшали голову рогами, во ртѣ носили раскаленные уголья, и бѣгали по улицамъ съ крикомъ, пѣніемъ, и плясали подъ музыку. Въ другихъ мѣстахъ проводили канунъ Р. Х., въ чувственномъ пресыщеніи и пѣніи стыдливыхъ пѣсенъ.

Суевѣрныя отправленія.

Въ Скандинавіи святки извѣстны подъ именемъ *Юуль* или *Іоль* (Juul et Jol), а въ скандинавскихъ сагахъ уже говорится о іолевыхъ дняхъ. Въ Норвегіи онъ праздновался зимою, въ честь Тора, а въ Даніи въ честь Одина.

Празднество продолжалось три недѣли: первые три дня проводили въ благотвореніяхъ; а послѣдніе въ пиршествахъ и веселіи. Въ празднество Юуль или Іоль убивали, въ присутствіи короля, въ честь Фрейера (солнца), большаго кабана, и всѣ подданные, положивъ на него руки, клялись въ ненарушимой вѣрности. Потомъ предавались веселію: плясали, играли, пѣли и ѣли. Понынѣ закалываютъ тамъ свиней и пекутъ пироги, въ видѣ этихъ животныхъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сѣверовосточной Россіи, бьютъ также на Рождественскіе праздники свиней и пекутъ пироги; убитаго кабана окропляютъ водой, окуриваютъ и обризгиваютъ огонь кровью, на коемъ обжигали его. Это дѣлаютъ въ томъ предубѣжденіи, чтобы нечистая сила не ходила по скотнымъ хлѣвамъ, наканунѣ Рождества Христова, и не портила бы ихъ домашній скотъ.

Во всей Европѣ канунъ Рождества Христова, и первый день Рождества Христова, сопровождался суевѣрными замѣчаніями. Въ Сѣверной Германіи долго праздновали Фалліи, какъ Юуль въ Скандинавіи, теперь же замѣнили ихъ играми, пѣніемъ и гаданіемъ.

Тамъ существуетъ повѣрье, что на канунѣ Рождества Христова говорятъ скоты. — Про-

стой же народъ любитъ наряжаться въ Рождественскіе дни, и посѣщать своихъ знакомыхъ.

Въ Голландіи былъ обычай, что сторожъ, восемь дней до Р. Х., и восемь дней по Р. Х., возвѣщая по утру о пробитіи часовъ, совѣтовалъ жителямъ ѣсть кашу съ изюмомъ и медомъ.

Въ Англіи играютъ и поютъ по улицамъ, нѣсколько ночей сряду. Объ Рождествѣ Христовомъ кланяются яблонямъ, чтобы родилось много яблокъ, или совершаютъ обходы по садамъ, и кланяются одному какому нибудь дереву; потомъ орошаютъ его яблочнымъ сокомъ. Приготовляютъ еще особыя толстыя свѣчи, которыя горятъ всю ночь, и если погаснутъ при горѣніи, то предзнаменуютъ великое несчастіе.

Въ Сѣверной Шотландіи лавочники дарятъ покупщикамъ *Юлевыя свѣчи*, которыя зажигаются на всю ночь, съ тѣми же примѣтами, какъ въ Англіи, только оставшіеся огарки берегутъ для предохраненія своего отъ разныхъ недуговъ. Въ другихъ же мѣстахъ замѣчаютъ, кто первый отворитъ дверь, въ праздникъ *Іоля и Юуля*, тотъ будетъ счастливъ во весь годъ. Существуетъ еще повѣрье, что если войти во время полночи въ хлѣвъ, то найдешь весь скотъ на колѣняхъ. Многіе увѣрены, что въ

это время пчелы поютъ въ ульяхъ. Тоже самое думаютъ въ Малороссіи.

Женщины не оставляютъ вечеромъ кудели на прялкахъ, чтобы дьяволъ не сѣлъ прясть вмѣсто ихъ. Такое повѣрье господствуетъ во всей Западной Россіи, гдѣ еще думаютъ, что если не допрядутъ кудели, то она будетъ ходить за ними. Дѣвушки такъ настращены этимъ, что отъ души вѣрятъ, что кудель пойдетъ за ними въ церковь во время ихъ вѣнчанія, дабы показать мужьямъ: какія онѣ лѣнтяйки и лежни. Останутся ли нитки на мотовилѣ, то не снимаютъ ихъ, а перерѣзываютъ.

Въ Англіи кто нибудь изъ домашнихъ, долженъ встать ранѣе прочихъ, и заняться печеніемъ пироговъ на яйцахъ, для каждаго въ семействѣ по пирогу. Чей пирогъ разлѣзится во время печенія, или развалится, тому не дожить до будущаго праздника. Приготовленные пироги ѣдятъ въ постели. Въ старину первое блюдо, у каждаго Англичанина, состояло изъ кабаньей головы на уксусѣ; въ пасти кабана торчалъ лимонъ. У насъ на Руси было непремѣннымъ кушаньемъ, въ Рождество Христово, начиненный поросенокъ кашею или кабанья голова съ хрѣномъ. Датскіе мужики доселѣ дѣлаютъ изъ тѣста кабановъ, ставятъ ихъ на столъ съ прочими кушаньями и не тро-

гаютъ во весь Рождественскій праздникъ, полагая, что отъ этого зависитъ благополучіе цѣлаго дома.

Нѣтъ въ Европѣ мѣста, гдѣ бы не было предъ Рождественскимъ днемъ своихъ примѣтъ, и если онѣ нынѣ не такъ рѣзко бросаются въ глаза, то это зависитъ отъ образованности народа.

Календы. Многія жертвоприношенія у Римлянъ, образовали гражданскіе праздники; въ числѣ ихъ появились Календы, которыя такъ сильно вкоренились въ народѣ, что Константинъ Великій не могъ истребить ихъ. Церковь Христіянская, стараясь замѣнить суевѣрный обычай празднованія Миѳы или Митры (декабря 24 и 25 дня), которой покланялись подъ именемъ Вру-Малій (солнца), и этотъ обычай совпадалъ съ декабрскимъ Рождественскимъ праздникомъ.—Церковь учредила празднованіе декабря 24, въ воспоминаніе предшествовавшаго торжества Рожденію Спасителя міра.

Кромѣ декабрскихъ календъ, были январскія, совершавшіяся почти также какъ и декабрскія: во время этихъ дней, производили забавы и гаданія. Въ эти дни никто не подавалъ постороннему огня, и никому изъ домашнихъ не дозволялось выносить его изъ дому, въ томъ

мнѣніи, что невидимые духи ищутъ повсюду огня, для сожженія домовъ.

Изъ календскихъ празднованій образовались, подъ разными названіями, народныя забавы, въ коихъ участвовало самое духовенство.

Праздникъ вольности, дураковъ и ословъ.

Въ Римско-Католической церквѣ существовало празднество, подъ именемъ декабрской *вольности* (libertas decembrica): она дозволяла епископамъ и всему духовенству пировать, плясать и бѣгать въ личинахъ (маскахъ). Во Франціи долгое время совершался праздникъ дураковъ, который приходился въ иныхъ мѣстахъ въ день Обрѣзанія Господня, въ другихъ въ день Богоявленія, а въ иныхъ въ день избіенія младенцевъ. Онъ состоялъ въ томъ, что духовенство, избравъ изъ среди себя папу, архіепископа и епископа, провожало ихъ съ великолѣпіемъ въ церковь. Избраннаго папу, называли папою дураковъ. Во время священнодѣйствія, они плясали въ женскихъ шутовскихъ одеждахъ; надѣвали на себя личины страшныя, облекались въ шкуры звѣрей; пѣли постыдныя пѣсни; ѣли на олтарѣ жирную пищу (offa pinguis), скакали и бѣгали въ изступленіи по храмамъ, играли на олтарѣ въ шашки, жгли вмѣсто ладана кожу изъ старыхъ своихъ башмаковъ, совершали непристойныя

тѣлодвиженія и кривлянья. Неуваженіе къ папѣ, было поводомъ къ учрежденію этого праздника. Парижскій соборъ два раза запрещалъ такое безчинство (1212 и 1444 гг.), но никакъ не могъ, пока просвѣщеніе не смягчило нравы, что продолжалось до XVI вѣка. Петръ I, выставляя всенародно злоупотребленія духовенства, въ наряживаніи и потѣхахъ, хотѣлъ вдругъ истребить слѣпую къ нему преданность. Великій Монархъ любилъ истину.

Не менѣе гнусный праздникъ, это праздникъ ословъ, учрежденный въ воспоминаніе бѣгства Божіей Матери въ Египетъ. Избирали прекрасную молодую дѣвушку, сажали ее на богато убраннаго осла, давъ въ руки младенца: дѣвушка представляла Богородицу, а младенецъ Христа. Окруженная епископомъ и всѣмъ духовенствомъ, она ѣздила отъ одной церкви къ другой, въѣзжала въ храмъ на ослѣ и останавливалась у олтаря, — тогда начиналась служба. Пѣли: Introit, Kyrie, Gloria и Credo; послѣ оканчивали ослинымъ ржаніемъ и читали похвалу ослинымъ достоинствамъ, оканчивая каждую строку этими стихами: Et sire ane! ça chantez belle bouche, rechignez. Vous aurez du foin assez et de l'avoine à plantez. — Потомъ преклоняли колѣна съ произне-

сеніемъ: аминь, аминь! Вмѣсто словъ: ita missa est, священникъ ржалъ по ослиному три раза, а за нимъ всѣ повторяли: игого! игого! игого! *.

Въ Рождественскіе праздники становили столы съ кушаньями, которыя не снимали цѣлую ночь, думая, что этимъ способомъ могутъ умилостивить злыхъ духовъ, и что цѣлый годъ будетъ изобиліе въ ихъ домѣ; бѣгали въ личинахъ и плясали, представляли, по словамъ Блаженнаго Августина, оленей съ рогами, и тѣмъ самымъ осмѣивали невѣрность супружеской любви, ибо роги означаютъ прелюбодѣяніе.

Значеніе роговъ.

Извѣстно, что Греки и Римляне изображали супружескую невѣрность рогами; ихъ имѣли не только смертные, но самые боги. — Юпитеръ называется *рогатымъ любовникомъ*, потому что онъ похитилъ Европу въ видѣ быка, и предавался чувственному удовольствію подъ разными образами. Венера приставила рога Вулкану,—потому еще въ древности вошло въ пословицу: *ставить рога, дѣлать рога*, и всегда относилось къ женамъ, ставившимъ рога своимъ мужьямъ.—Тоже самое разумѣется и нынѣ. — Не мужской полъ

---

* Болтинъ: Примѣч. на Леклерка, ч. I. с. 169—171.

сдѣлался первымъ нарушителемъ вѣрности, а прекрасный полъ, въ этомъ свидѣтельствуетъ вся исторія человѣческаго рода и всѣ дѣянія богинь.—Преступившихъ вѣрность, наказывали Греки и Римляне, извѣстную часть тѣла, не розгами, а рѣдькою *.

Языческо-Римскій міръ считалъ календы первыми числами каждаго мѣсяца, и если Христіянскіе проповѣдники старались уничтожить календскіе праздники, то это отъ того, что суевѣрный народъ, смѣшавъ ихъ съ церковными праздниками, отправлялъ ихъ за одно. Донынѣ видимъ повсюду остатки языческихъ обыкновеній, совершаемыхъ наканунѣ Рождества Христова и на святкахъ. Восточные Императоры: Константинъ Великій и Валентіанъ IV (конца IV. в.), строго повелѣвали наблюдать праздничные дни, не смѣшивая ихъ съ календами. Каждому Христіянину было вмѣнено въ священную обязанность знать Рождество Христово, Богоявленіе Господне и Пасху. Константину Великому стоило великихъ усилій и трудовъ, чтобы заставить гордый Римъ, ниспровергать свои кумиры. Перенесеніе сто-

Стремленіе уничтожить календскія потѣхи.

---

* Cattul: podici moechorum injici solebat raphanus vel mugil.—Въ Дельфійскомъ храмѣ такъ уважали рѣдьку, что говорили: raphanus ex auro, beta ex argento, rapum ex plumba.

лицы въ Византію, побѣдило упорный духъ язычниковъ; но протекали съ того времени столѣтія, а Европа еще блуждала въ хаосѣ повѣрій.

Коляда. Наша Коляда, которую несправедливо производятъ отъ сходства съ Римскимъ празднествомъ *Календе* (Kalendæ), совершалась и нынѣ совершается наканунѣ Р. Х. и въ Рождественскіе праздники. Отъ чего происходитъ *коляда?* и что она значитъ?

Нѣкоторые изъ нашихъ писателей думаютъ, что Русскіе язычники славили *Коляду*, бога торжествъ и мира, и что въ Кіевѣ стоялъ ему кумиръ *. Ни бога мира и торжествъ, ни идола въ Кіевѣ, никогда не было, и всѣ наши святочныя забавы ничего не имѣютъ общаго съ праздникомъ Римскаго Януса, бога мира.

Ближе всего можно думать, что Коляда произошла отъ Польскаго *Коленда*, значущая поздравленіе.

Допустить можно, что Латинское слово *Календе*, усвоено Славянскими племенами, какъ это бываетъ со всякимъ языкомъ, но отнюдь

* Кар. И. Г. Р. т. 1. с. 91.; Чулковъ; Абев. Русск. суев.; Гизеля Синпсисъ; Поповъ: Крат. опис. религіи Славянъ; Кайсаровъ: Славянская и Россійская Миѳологія; она же перевед. на Нѣмец. яз.

нельзя смѣшивать Календскія празднества съ нашими Колядскими обрядами *.

Колядованье вошло въ обычай прежде на югѣ Россіи, а потомъ распространилось по всей Россіи, съ значительными измѣненіями.

* На всѣхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ, Коляда означаетъ поздравленіе; см. словари: Юнгманна, Бернолака и Вука Стефановича; у Словаковъ она означаетъ еще славленіе, а *колядовать*—славить. Кроаты, Босняки употребляютъ въ томъ же самомъ смыслѣ. Колларъ: Narodn. Zpiewanky, ч. I. с. 410, изд. Буд., 1834 г., производитъ *коляду* отъ Кроатскаго слова *колдушъ*, нищій; *колдунство*, бѣдность, *коледуемъ*, нищенствую. Онъ еще болѣе надѣлалъ ошибокъ, когда послѣдовалъ слѣпо неосновательному сочиненію Кайсарова, и ему подобнымъ. Линде, см. его словарь, несправедливо производитъ *коленду* отъ колѣно-даванія. Вѣроятно хотѣлъ сказать отъ колѣно-преклоненія. Его увлекъ стихъ, который поется въ западной церкви: collaudemus, collaudemus, Christem regem, и Греческое слово *коллавдо*, воспѣваю, хвалю. Онъ нашелъ еще у Кроатовъ *koelda*, подарокъ, подносимый въ новый годъ. У Боснійцевъ онъ нашелъ календу, означающую пѣснь въ честь идола или на новый годъ; у Краинцевъ *коленду*, богиню цвѣтовъ. Потомъ онъ началъ выводить отъ Греческаго *такаландина*, Латинскаго *календалія*, *календы*, первые три числа каждаго мѣсяца. — Такимъ словопроизводствомъ онъ ничего не доказалъ, а только затемнилъ и заставилъ насъ думать, что онъ производилъ по произволу, что было созвучно съ колядою. По извѣстію Валвасора, *коленда* значитъ у Далматовъ тоже самое, что Ивановъ день. Нѣкоторые производили коляду отъ Индѣйскаго слова *кали*, часъ, зачатокъ; другіе отъ *колѣна* и преклоненія колѣна предъ изображеніемъ Креста. Г. Гнѣдичь, см. его введеніе къ новогреческимъ пѣніямъ, рѣшился произвесть коляду отъ *колядисъ* (κολαδεῖς), кишки, потому что изъ кишокъ дѣлаются колбасы и раздаются въ Малороссіи и Россіи тѣмъ, которые

Ничего нѣтъ похожаго у нашихъ колядованій, съ празднествомъ восточныхъ народовъ: Египтянъ, Индѣйцевъ, Греко въ и Римлянъ *. Въ которое время появились колядованія на югѣ, и когда перешли отсюда на сѣверъ Россіи? — вовсе ничего неизвѣстно. — Никакихъ не осталось памятниковъ, ни историческихъ воспоми-

ходятъ поздравлять на Рождество Христово. Многіе стали утверждать еще, что правильнѣе произвесть отъ *коло*, по сходству съ греческимъ *киклось*, колесо, и отъ *киліо*, *калиндіо*, катаю,—основываясь на томъ, что годъ обращался въ это время колесомъ? —

Когда многимъ понравилось слово *коло*, тогда начали доказывать, что окончаніе его *ада*, *еда*, произвело *коляду*, коледу. Окончаніе же *ада* и *еда* объяснили обходомъ, торжественнымъ вокругъ хожденіемъ, сопровождаемымъ пѣніемъ и поздравленіемъ, а напослѣдокъ заключили, что все это означаетъ *собраніе* !! Не довольствуясь этимъ, вывели слѣдствіе: что всѣ слова, какъ напримѣръ: грома-*ада*, мокрі-*ада*, весъ-*да*, сере-*да*, имѣютъ окончанія и значенія Латинскія, а начала Славянскія !!! Этимъ бы слѣдовало кончить толкованіе, но словопроизводители противурѣча самимъ себѣ, сознались наконецъ, что они сами не знаютъ: отъ чего происходитъ *коляда*, а думаютъ, что она сначала была народный обычай, потомъ обратилась въ божество и въ честь его составили молитвы. — Колларъ: Narodn. Zpiew. с. 409—411.

Послѣ многихъ словопроизводствъ, увидѣли еще, что *коледы*, *коледуемъ* и *коледованье*, близко съ колдованьемъ. Снегир. Руск. прост. праздн. и проч., вып. II. с. 28. — Словопроизводителямъ не доставало вывесть коляду, отъ американскаго танца *календы*. Roberts: Hist. of. America. кн. IV. с. 128, изд. 1828 г.

* Успенск. Опытъ о древн. Русск. с. 417.

ній. — Если бы коляда праздновалась во время лѣтописца Нестора, то нѣтъ сомнѣнія, что онъ упомянулъ бы объ ней въ своей лѣтописи. Даже ни въ продолжителяхъ его лѣтописи, ни въ другихъ лѣтописяхъ, до половины XVI в., не встрѣчаемъ названія коляды. Это доказываетъ, что коляда отнюдь не была божество; но составляла однѣ народныя увеселенія. Если Польскій лѣтописецъ Стрыйковскій говоритъ о богѣ колядѣ, то онъ самъ его выдумалъ, потому что до него (жившаго въ концѣ XVI в.), мы нигдѣ не встрѣчаемъ даже названія. Архимандр. Кіево-Печер. Лавры, Иннокентій Гизель, повѣрилъ ему, а другіе, какъ-то: Глинка, Кайсаровъ, Поповъ, Чулковъ не только списывали съ него слово въ слово, но выдумали такое число новыхъ боговъ и богинь, что ввели въ заблужденіе знаменитаго Историографа Русской Исторіи.

Многіе стали искать значенія коляды у языческихъ праздниковъ, и оказалось, что она не соотвѣтствуетъ нашему празднеству. Писали большія по сему предмету разсужденія, и внесли новыя погрѣшности.

Коляда у Словаковъ.

Пробѣжимъ предрождественскіе обычаи Славянъ, совершаемыхъ подъ разными названіями.

Коляда у Словаковъ, обратившаяся въ церковный обрядъ, составляетъ поздравленіе на Рождество Христово и новый годъ. Священникъ съ своимъ причетомъ, и мальчики, ходятъ по городамъ и деревнямъ поздравлять на новый годъ, хозяиновъ домовъ, и поютъ: *Рокъ новы за се къ намъ прищелъ.* Одинъ изъ поющихъ носитъ на плечахъ мѣшокъ, для собиранія подарковъ. Мущины дарятъ ихъ деньгами, хлѣбнымъ зерномъ, овощами, калачами; женщины полотномъ и нитками. Пѣсни, обыкновенно духовнаго содержанія, поются подъ открытымъ небомъ.

Добре е князови,
Кедъ пріиде рокъ новы:
Иде на коледу,
А нетпры бѣду.
Але у рехтора,
Празна е комора.
Цо рехторъ выбласы,
Рехторка вывласы.

У тѣхъ же самыхъ Словаковъ, мальчики, дѣвицы, женщины, молодые мущины, а иногда пожилые, собираются вмѣстѣ, и какъ довольно смеркнетъ, идутъ пѣть щедрый вечеръ (štrdzy wěcer), который иными празднуется довольно роскошно. Иногда ходятъ по улицамъ по нѣсколько вмѣстѣ, а иногда толпою, и поютъ громкимъ голосомъ пѣсни, въ честь свя-

того вечера или новаго года. — По окончаніи пѣсней, получаютъ въ награду калачи, деньги и тому подобное. Если поющимъ не даютъ долго, то они говорятъ:

Отбавте ма, озяба ма,
(Отпустите, я озябъ),
Пріиде вѣторъ ухитима ма;
(Налетитъ вѣтеръ, обхватитъ меня);
Акъ ми немати цо дати,
(Если не имѣете что дать),
Нехъ васъ Панъ Богъ обогати.
(Пусть обогатитъ васъ Богъ).

У Венгерскихъ Словаковъ ходятъ съ деревяннымъ ужемъ, которой сжимается и раздвигается по произволу; пасть его красная, на лбу корона изъ позолоченной бумаги. Нынѣшніе Греки ходятъ и теперь, какъ во времена Гомера, съ ласточкою, и поютъ пѣсни, совершенно подобныя нашимъ Колядскимъ.

Вотъ еще нѣкоторыя Словакскія колядки:

Боже мой, Боже мой,
Высокого неба!
Недай же мнѣ ѣсти,
Жобранего хлѣба!

Семь, семь кралей.
Семь цезарей.
Съ достоверностью поспѣхайте,
Вымецы ся му понижуйте,

Господину маленькому,
Люда Спасителю. —

Я бувъ со химе разъ,
Не пойде другій разъ:
Ле бо мѣ тягали,
За власы съ повали. —

Боже мой, Боже мой!
Противъ меня опустилъ:
Волкъ мѣ жену забылъ. —
Лесо му вонъ пустилъ. —

Пасли овцы веселы,
При Бетлемскомъ салаcѣ.
Аньелъ ся имъ оказавъ,
До Бетлема расказавъ:
Станьте горѣ и подьте,
Пана Христа найдете.
Найдете его въ ѣсличкахъ,
Повинута въ плѣночкахъ,
Марія го колебе:
«Нини, нини, нинички,
«Спи, мой сыяну малечкій (*)!»

Коляда у Богемцевъ и Моравовъ.

Чехи и Моравы также ходятъ толпою на святой вечеръ, отъ дома къ дому, и поютъ коляду, за что получаютъ разные подарки. У Чеховъ извѣстны немногія колядскія пѣсни; представляемыя здѣсь, суть болѣе причитанія.

(*) Словацкія пѣсни. Харьк. 1832 г.

Коледницы о пулъ ночи,
Цо хцете у двора?
Щедраго вечера!
Пани стара поскочила,
Коляды намъ дала.

Еще поютъ: а) По златымъ кулатымъ.
б) По гроши широкимъ (*).

У Славянъ задунайскихъ: Кроатовъ и Далматовъ, празднуютъ наканунѣ Р. Х. *бѣдай*, у Карпато-Россовъ *крачунъ*, а у Герцеговинскихъ Славянъ *полажайникъ*.

Бѣдай въ Кроаціи и Далмаціи.

Въ горахъ Кроаціи и Далмаціи празднуютъ, наканунѣ Р. Х. *бѣдай*. У нѣкоторыхъ задунайскихъ Славянъ, канунъ Р. Х. называется *бѣднымъ* или *баднимъ днемъ*, потому что въ тотъ вечеръ сожигаютъ истуканъ *бѣдай*. Поселяне отправляются въ лѣсъ рубить дубовые чурбаны, называемые *баднякомъ*, привозятъ домой и кладутъ нѣсколько ихъ въ печь, въ тотъ же день. Вносящіе *баднякъ* въ избу, привѣтствуютъ *дебаръ вечеръ и честитъ вамъ*

(*) Эти пѣсни помѣщены у Челяковскаго: Zbirce slow. pisny.—Къ колядскимъ пѣснямъ духовнаго содержанія, принадлежатъ: 1) Моцъ божи давна. 2) Кристусъ сынъ Божій. 3) Народилъ се Кристусъ Панъ. 4) Іезу Кристе Пане милы. 5) Третьего дне.—Kollar. Narodn. Zpiew. с. 7. и 409—411; Paul. Piesn. lud. polsk. w. Galicie.—Жаль, что мы не можемъ сообщить вполнѣ сихъ пѣсней, потому что только это извѣстно объ нихъ.

бадній день.—Ихъ осыпаютъ зерновымъ хлѣбомъ и отвѣчаютъ: *дао ты Богъ сретній и еститый.*—(Дай Богъ тебѣ счастія и благословенья).

Крачунъ у Карпато-Россовъ.

Карпато-Россы совершаютъ, накапунѣ Р. Х. *Крачунъ,* который у нихъ есть покровитель домашнихъ животныхъ и птицъ. *Крачунъ* происходитъ отъ *крачу*, выдергиваю шерсть изъ животныхъ.

Домашнія животныя у Карпато-Россовъ, начинаютъ линять съ Р. Х., какъ въ Россіи, съ поворота солнца на лѣто, и это линянье извѣстно подъ именемъ *искраканья.* Если великимъ постомъ въ *искраканныхъ* животныхъ появляется новая шерсть, то это признакъ, что скоту занемочь, хозяину обѣднѣть, и думаютъ, что всему виной *Крачунъ,* который, истребляя животныхъ, караетъ вольнодумныхъ и негостепріимныхъ хозяевъ. Лѣтомъ насылаетъ онъ на стада медвѣдей и волковъ. Для защиты отъ бѣдствій, хозяева даютъ пиръ Крачуну. До вечерней звѣзды ничего не ѣдятъ; цѣлой день приготовляютъ постныя и даже безрыбныя кушанья, до двадцати блюдъ, и разливаютъ по кружкамъ разныя напитки, для вечерняго стола.

Изъ хлѣбныхъ яствъ занимаетъ главное мѣсто огромной величины бѣлый хлѣбъ съ

коркою, называемый *Крачуный* или *Крачунъ*. Его сажаютъ въ печъ, около третьяго часу, и обставливаютъ вокругъ калачами, подкалачами, калачиками и подкалачиками. — Когда начинаетъ смеркаться, тогда приступаютъ къ принятію *Крачуна*. Отъ порога сѣней до главнаго стола, покрытаго полотномъ, устилаютъ дорогу чистой соломою. — На столъ ставятъ большую миску, наполненную домашними овощами и хлѣбнымъ зерномъ; послѣ выносятъ приготовленныя кушанья, убираютъ ими столъ, а въ срединѣ ихъ становится большой Крачунъ, окруженный мелкими Крачунами. Съ появленія звѣзды, возвѣщаютъ шествіе *Крачуна*. Если же за непогодой невидно звѣзды, то объявляютъ шествіе *Крачуна*, когда довольно смеркнется.—Двое почтительно выносятъ большой овсяный или ячменный снопъ, и ставятъ его въ уголъ избы; прочіе встрѣчаютъ его осыпкою зерновымъ хлѣбомъ изъ миски. Всѣ присутствующіе садятся, во время шествія *Крачуна*, за одинъ столъ, не исключая работниковъ, хотя бы это происходило въ домѣ господъ; ѣдятъ безъ чиновъ и оканчиваютъ пиръ шумной попойкою, которая заключается пистолетными выстрѣлами въ окошко, но честь стрѣлять, предоставляется преимущественно домо-

хозяину. Женскій полъ начинаетъ потомъ гадать, а мальчики поютъ.

Около дячища,
Было лозище.

Рочкенде
Рочкенде, кенде,
Рочке—куренде.
Рочкекуренде,
Пременде.

На ту лозище,
Взлѣзла козище.

Рочкенде
Рочкенде, кенде,
Рочке—куренде.
Рочкекуренде,
Пременде.

Подъ ту лозище,
Пришовъ волчище.

Рочкенде
Рочкенде, кенде,
Рочке—куренде.
Рочкекуренде,
Пременде.

Его ушища,
Якъ руковища.

Рочкенде
Рочкенде, кенде,
Рочке—куренде.
Рочкекуренде,
Пременде.

Его хвостище,
Якъ помелище.
Рочкенде
Рочкенде, кенде,
Рочке—куренде.
Рочкекуренде,
Пременде.

Его зубища,
Якъ граблища.
Рочкенде
Рочкенде, кенде,
Рочке—куренде.
Рочкекуренде,
Пременде.

Пѣснь оканчивается изгнаніемъ волка въ горы, а коза спасается.—

Полажайникъ въ Герцеговинѣ.

Накануне Р. Х. привозятъ въ Герцеговинѣ *баднякъ* (чурбанъ) шестью быками; везутъ его въ домъ, черезъ особо устроенныя ворота. Для избѣжанія непріятныхъ предзнаменованій, приглашаютъ въ домъ гостя, за нѣсколько дней до праздника, а иные имѣютъ постояннаго своего гостя, которой называется *полажайникомъ*. — Онъ посѣщаетъ на Р. Х. домохозяевъ, которые по его дѣйствіямъ толкуютъ о счастіи и несчастіи, на цѣлой годъ.—*Полажайникъ*, поздравляя съ Р. Х., посыпаетъ избу зерновымъ хлѣбомъ, и говоритъ: *Христосъ се роди*. Ему от-

вѣчаютъ: *ва истину се роди*, и осыпаютъ его взаимно зерновымъ хлѣбомъ. Потомъ онъ беретъ кочергу, разбиваетъ головни догарающаго бадняка, чтобы летѣли отъ нихъ искры. При всякомъ ударѣ приговариваетъ: *оволико говеда, оволико коня, оволико коза, оволико овца, оволико кармака, оволико кошница, оволико сретья и напредки* (столько рогатаго скота, столько лошадей, столько козъ, столько овецъ, столько кабановъ, столько ульевъ, столько счастія и успѣха). Наконецъ разгребаетъ золу, и бросаетъ туда нѣсколько денегъ; изъ присутствующихъ бросаютъ также кто сколько можетъ.— Иные вѣшаютъ на своихъ воротахъ *повѣсмо* (связку льна). *Полажайника* сажаютъ, накидываютъ ему на плеча покрывало, чтобы у коровъ были густыя сливки и молоко, и подчиваютъ его водкою и завтракомъ.—Позавтракавши онъ уходитъ домой, но послѣ обѣда опять возвращается сюда. — Тогда угощаютъ его до глубокой ночи. Когда уходитъ домой, тогда дарятъ его платкомъ, чулками или исподнимъ платьемъ и калачемъ. (*)

Бадній данъ у Черногорцевъ.

Канунъ Рождества Христова у Черногорцевъ называется *бадній данъ*, и совер-

(*) Венел: Древн. и нынѣшніе Болгаре, и проч. т. II. с. 137—145; и собственныя замѣчанія, собранныя мною въ путешествіи около Карпато-Россскихъ горъ.

шается почти такъ же, какъ полажайникъ. Послѣ солнечнаго захожденія привозятъ изъ лѣса, въ каждой домъ, чурбанъ, называемый *баднякъ*, украшенный вѣнками. Его кладутъ на очагъ, льютъ на огонь масло и вино, бросаютъ потомъ горсть соли и муки. Когда загорится баднякъ, зажигаютъ отъ него свѣчи и лампаду предъ иконами, а главарь читаетъ молитву: о благосостояніи семейства и всѣхъ христіянъ. Послѣ онъ беретъ кубокъ, отвѣдываетъ вино, и передаетъ старшему; тотъ другому и такъ далѣе, пока кубокъ не обойдетъ всѣхъ. За тѣмъ мущины выходятъ на ближнія горы, и при восклицаніяхъ: *Христосъ се роди!* стрѣляютъ изъ орудій. Потомъ идутъ домой, садятся за столъ, застланный соломою, на коемъ лежатъ три хлѣба, одинъ на другомъ, а въ-верху воткнута лавровая вѣтвь съ апельсиномъ или яблокомъ; предъ каждымъ изъ мущинъ, лежитъ изъ хлѣба лукъ со стрѣлою.

Первый посѣтитель, въ первый день Рождества Христова, служитъ предметомъ особыхъ истолкованій: если приходитъ прежде всѣхъ, любимый человѣкъ; то онъ приноситъ въ домъ счастіе и благословеніе; если не добрый, то за нимъ неминуемое горе. Таковые посѣтители называются *полазники и полажайники.* Полажайникъ сѣетъ по избѣ зерновымъ хлѣбомъ,

и говоритъ: *Христосъ се роди.* Хозяинъ осыпаетъ его самого зернами, и говоритъ: *во истино роди.* За тѣмъ слѣдуютъ взаимныя поздравленія и желанія. Послѣ полажайникъ подходитъ къ очагу, въ коемъ горитъ баднякъ, ударяетъ по немъ кочергою. За каждымъ ударомъ, когда сыплются искры, приговариваетъ: оволико говеда, оволико коза, оволико овца, «оволико кармака, оволико кошница, оволико сретья и напредки». Далѣе разгребаетъ жаръ, и бросаетъ туда нѣсколько мелкихъ денегъ, а кто тароватѣе, тотъ червонецъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ полажайники вѣшаютъ *повѣсмо.* Какъ онъ сядетъ за столъ, ему вѣшаютъ на плеча коверъ, чтобы у коровъ были густыя сливки. Послѣ завтрака полажайникъ уходитъ, но по полудни опять приходитъ и получаетъ въ подарокъ платки, чулки, рубашки и непремѣнно калачь. Но если къ бѣдному приходитъ богатый съ поздравленіемъ, то онъ приноситъ ему пищу и подарки. Предъ кушаньемъ всѣ молятся, держа въ рукахъ зажженныя свѣчи. По совершеніи молитвы, всѣ цѣлуются, неизключая женщинъ, приговаривая: *миръ Божій! Христосъ се роди, во истину роди. Покланяймо се Христу и Христову рожанству.*—Цѣлованіе у нихъ при семъ обрядѣ, означаетъ примиреніе и забвеніе всѣхъ обидъ.—Въ про-

долженіи восьми дней, не убираютъ со стола и не метутъ комнатъ (*).

Коляда въ Польшѣ и Галиціи.

Въ Польшѣ, Галиціи и Червонной Руси, совершеніе колядскаго обряда, почти тоже самое. — Вмѣсто древнихъ языческихъ пѣсней, поютъ весьма часто духовнаго содержанія.

Nasród dworu jawor stoi, — hej leluja!
Na jaworze slota rzęsa, — hej leluja!
J przylecieli rajskie ptaszęta, — hej leluja!
J obtrzęsli zlote, zlote rzęsy, — hej leluja!
J wybiegła nadobna dziewczyna, — hej leluja!
J rospuścila swoj bialy fartuszek,—hej leluja!
J pozbierała złote, zlote rzęsy, — hej leluja!
J skoczyła do złotniczeńka, — hei leluja!
«Złotniczeńku, rzemiśnieczeńku, — hej leluja!
«Ulij że mi złoty kubek, — hej leluja!
«Ktoż ci się będzicz niego napial? — hej leluja!
«Sam Pan Jezus ż aniolami, — hej leluja!
Nadobna dziewczyna z kawalerami, — hej leluja!

Коляда начинается на канунѣ Рождества Христова, послѣ солнечнаго захода. Тогоже вечера поселяне устилаютъ, внутренность избъ, соломою или сѣномъ; по угламъ ставятъ снопы; подъ образомъ и на столѣ, сѣномъ покрытымъ, кладутъ предъ каждымъ человѣкомъ

(*) Боричевскій: Пов. и пред. нар. Славянск. плем. ч. 2. с. 123—125, изд. 1841 г.; и собственныя замѣчанія, записанныя мною въ бытность у Карпато-Россовъ.

головку чесноку, для отогнанія всѣхъ болѣзней. — Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ кладутъ на столъ, земледѣльческое орудіе отъ плуга, чтобы мыши и кроты не портили нивъ. Хозяинъ приглашаетъ всѣхъ домашнихъ къ столу, и угощаетъ ихъ напередъ водкою, потомъ ломаетъ коржи и желаетъ всѣмъ дожить новаго года.—Пшеничный хлѣбъ или калачи съ чернушкой (тминомъ), которые подаются по обычаю въ сей вечеръ, ѣдятъ съ особыми примѣтами, и никто не долженъ осуждать поданнаго на столъ угощенія.—Послѣ ужина выдергиваютъ нѣсколько колосьевъ изъ сноповъ, и ворожатъ ими на полетѣ. — Хозяинъ пересчитываетъ съ заботливостію: сколько полныхъ и неполныхъ въ снопѣ колосьевъ, и по нимъ предсказываетъ будущій урожай. — Того же вечера и на другой день, ходятъ поздравлять съ Р. Х., и носятъ съ собою изображеніе ясель или звѣзды. Если колядуютъ предъ домомъ, гдѣ есть невѣсты, или колядчикамъ извѣстно, что дѣвушка скоро выйдетъ за мужъ, то поютъ:

A niedzielę, rano,
Do dziewczyny jadą,
Niosą podarunki,
Złociste pierścionki.

По полученіи подарковъ, благодарятъ:

Bywaj że nam zdrowa
Nams kolęde dała;
Tobie wina beczka,
A nam kolędeczka.

Если поютъ въ честь дѣвушекъ, и отъ нихъ ничего не получаютъ, то приговариваютъ:

U naszych dziéweczek,
Dobry porządeczek:
Swinie u piecu ryją,
Psy naczynie myja,
A tyszki pod ławą,
Zarosły murawą;
Krowy nie wydói,
Ogona się boi;
Izby nie zamiecie,
Kolędy nie dają,
Wszyscy powracają.—

Къ богатой, но гордой госпожѣ.

Z cicha bracia nie dostępujcie,
Do tego dworu szlacheckiego;
Bo w tym dworze grzeczna pani
Na niey suknia bardzo droga:
Za sta złotych za czerwanych,
I za parę koni wronych.—

Въ честь домохозяевъ:

Dalej kolędujmy chłopczęta!
Bo już kolęda zaczęła.
Rok to tego czekać,
Aby nie narzekać.
By na zimną kuchnię nie dmuchać,
Państwo, gospodarstwo rozruchać,

Tak się nam rozchodzi.
Co za politykę wydziewać,
Albo to dzwón wielki kiwać?
Cicho Stachu, nie wołaj,
Gospodarstwa nie gniewaj. —
Bo już niosą nam z bantków koguta,
Będzie wnet wieczerza suta.
Jest i butel miodu,
Nie zginiem od głodu.
Czuję ja gorzałkę w butelie:
Dogodzitbym sobie wiele.
Jak na fantazyją
Wypiłbym z porcyją.
Ozwij że się głodny Bartoszu,
Dostaniemy kolędy po groszu.
O tam że do smutka,
Ja mysłał wsiose z dudka,
Oto kolędujmy póki czas służy,
Bo to tey kolędy nie najdłużej.
Jak przyjdzie do Gromnic.
To powiedzą: nie dam nić —

У католиковъ Gromnić, есть Сретеніе Господне, (февр. 2), послѣ коего перестаютъ колядовать.—Въ Бѣлоруссіи и Литвѣ понынѣ Gromnić, называется Сретеніемъ.

Въ другихъ мѣстахъ празднуютъ (декабря 23) *субботу*, съ особой таинственностію. Домашнимъ животнымъ даютъ немного *свяченаго* (Священной Пасхи), и съ большимъ раченіемъ затворяютъ двери сараевъ, чтобы не проникали

сюда злыя чары. Небо, по мнѣнію простолюдиновъ, разверзается въ полночъ, и только одинъ благословенный свыше человѣкъ, можетъ видѣть небесный рай.

По деревнямъ ворожатъ дѣвицы: около полночи онѣ выходятъ на дворъ, и съ которой стороны залаетъ собака, съ той должны ждать суженыхъ. На другой день праздника, ходятъ мальчики, отъ дома къ дому, съ поздравительными стихами:

Na scieście, na zdrowie,
Nato Boże narodzenie!
Żeby sie dożyla pseniczka i grach,
W komorze w oboze,
Daj ci Panie Boże!
Jw polu żeby byl snop przy snopie,
Kopa przy kopie,
Gazda (Господинъ) między kopami.
Kieby miesiac międz gwiazdami,
Żeby szed wuz za wozem do gumna,
Jako pscoly do ula.

Молодцы, убранные въ праздничное платье, водятъ за собою въ вечеру этого дня, чучело быка или волка, съ коимъ останавливаются предъ домами хозяевъ, играютъ и поютъ, за что получаютъ отъ нихъ въ награду что нибудь изъ кушанья, что приготовлено на святой вечеръ. Обычай водить за собою волка, извѣстенъ былъ въ Польшѣ, еще въ XVI вѣкѣ.

Во время колядскихъ дней, забывали застарѣлую вражду, примирялись и вступали въ новую дружбу; повсюду господствовало гостепріимство, взаимнообразныя одариванія и приглашенія на пиршества.

Дѣти также поютъ, свойственныя ихъ возрасту пѣсни. Любопытная изъ нихъ :

Y na gumieneczu rośnie jabłuneczka,
hej leluja!
Na tej jabłuneczke złote gałązeczki,
hej leluja!
Na tych gałązeczkach złociste listeczki,
hej leluja!
A między listkami złociste kwiateczki,
hej leluja!
A na tych kwiateczkach złociste jabluszka,
hej leluja!
A któż je oberwał?—Nadobna Anuska,
hej leluja!
Komuż ona dała to złote jabluszka?
hej leluja!
Jedno ona dała swemu panu ojcu,
hej leluja!
Drugie ona dała swojey panimatce,
hej leluja!
Trzecie ona dała swemu panu bratu,
hej leluja!
Czwarte ona dała swojej pannie siostrze,
hej leluja!
Piąte ona dała temu, co kochała,
hej leluja!

Piąte ona dała komu rozumiała,
hej leluja!

Въ новый годъ поютъ также колядскія пѣсни, и дарятъ взаимно.

Даренье яблоками дѣвочекъ и мальчиковъ, есть древній обычай южныхъ Славянъ. Молодой мущина въ Сербіи, ищущій руки дѣвушки, посылаетъ ей чрезъ свата найлучшее яблоко съ воткнутыми въ него мелкими серебряными деньгами.

Если дѣвица пріиметъ яблоко, то это добрый знакъ; въ противномъ случаѣ, онъ долженъ искать руки другой.

У подкарпатскихъ Мазуровъ занимаетъ яблоко съ вѣтвью, главное украшеніе на свадьбахъ, и *Цѣшиньскія* яблоки, какъ самыя превосходныя, вошли между ними въ поговорку (*). Моравцы представляли богинею любви Красопану, держащую въ одной рукѣ три яблока.

У Черногорцевъ, брошенное яблоко между соперниками, служило знакомъ къ взаимной битвѣ.

Изъ вышеприводимыхъ пѣсней видно, что коляда означала то подарокъ, то поздравленіе, то славленіе, и она ни у какихъ другихъ, кромѣ Славянскихъ народовъ, не составляла народную забаву, и съ такими веселыми обрядами.

(*) Pauli: Piesn. ludu polsk. w Galic., c. 1—9.

Если у Грековъ и было нѣчто похожее, то оно различествовало во времени и дѣйствіи.

Колядa въ Черной и Червонной Россіи.

На другой день Рождества Христова, ходятъ чeромъ въ Черной и Червонной Россіи, подъ окнами домовъ и колядуютъ; домашная прислуга колядуетъ предъ дверьми своихъ господъ. Иногда крестьяне являются на господскомъ дворѣ, съ кукольной комедіею и вертепомъ. Нѣкоторые поютъ колядскія вирши, по-польски; другіе на своемъ природномъ, чернорусскомъ языкѣ. Червонорусцы поступаютъ почти также, и колядуютъ на своемъ языкѣ. Вотъ дошедшія до насъ ихъ пѣсни:

Изъ за горы, изъ за каменной, святый вечеръ!
Да воттоль выступа велике війско,
А по переду панъ иде,
Панъ иде, коника веде,
Хвалится конемъ передъ королемъ:
Да нема у короля такого коня,
Якъ у нашего пана.
Хвалится стрилою,
Передъ дружиною:
Да нема у дружины,
Такой стрилы
Якъ у нашего пана,
Хвалится лукомъ,
Передъ гайдукомъ:
Да нема у гайдука,
Такого лука,
Якъ у нашего пана.

Да бувай же здоровъ, пане!
Да не самъ собою,
Съ отцемъ, съ матерью,
Со всимъ родомъ, —
Живите съ Богомъ.

Эй заказано и зарадано, святый вечеръ!
Всѣмъ козаченькамъ у войско идти,
Пану коригивъ нести.
А у его ненька
Вельми старенька,
Выпровожала
И научала:
«Ой, сыне мій, сынку!
Не попережай у передъ війска,
И не оставайся позади війска.
Держися війска все середняго,
И козаченька все статечного»
Молодый не послухавъ нени своей:
У передъ війска конемъ играе,
А позадъ війска мечемъ махае.
Угляне! се самъ царь на кресли.
«Ой, колибъ я знавъ,
Чій то сынъ гулявъ,
То ябъ за него свою дочку отдавъ,
Половину царства ему бы отдавъ».

Ой рано, рано, куры запили, святый вечеръ!
А еще раньше панъ вставъ,
Лучкомъ забрящавъ,
Братьевъ побужавъ:

Да вставайте братья, кони сидлайте,
Кони сидлайте, хорты скликайте:
Да поидемъ въ чисте поле,
На прогулянье,
На разгледанье.
Да найдемо братье, куку въ деревнѣ,
Дѣвку въ теремѣ.
Отъ-се вамъ, братья, кука въ деревнѣ.
А мини, братья, дѣвка въ теремѣ.

═══

Ой ясна, красна калина у лузи,
А еще краснѣйша у домѣ,
По двору ходитъ.
Якъ заря сходитъ,
Въ синочки вошла,
Якъ заря зышла,
Въ свѣтлоньку войшла, — паны встаютъ,
Шапки иснимаютъ, іи пытаютъ.
Чи ты царевна, чи Королевна?» —
Я дочка ротмистрова (*).

Колядчики вставляютъ имя или званіе той дѣвушки, въ честь которой поютъ, а потому послѣдній стихъ: я дочка ротмистрова, прибавленъ здѣсь для полноты.

Коляда въ Россіи.

Въ Россіи коляда, также извѣстна съ давнихъ временъ. Она появилась прежде на югѣ, а потомъ перешла на сѣверъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сѣверной и восточной полосы Россіи, коляда называется *авсенемъ*

(*) Малорос. и Червонноруc. народн. думы. С. П. Б. 1836 г.

и *таусеномъ*, а въ Малороссіи, Бѣлоруссіи и Литвѣ удержано древнее названіе; однако въ нѣкоторой части Литвы, иногда она называется вечеромъ колодокъ или вечеръ Блоковъ, и вездѣ готовится кутья изъ пшеничнаго зерна, и каша изъ гречневыхъ крупъ; по уваркѣ гадаютъ о будущемъ урожаѣ и неурожаѣ хлѣбовъ.

Католическія лепешки, и печенья изъ тѣста изображенія.

Католическое духовенство заготовляетъ лепешки изъ тѣста, съ изображеніемъ Рождества Христова, и наканунѣ этого праздника разсылаетъ по домамъ. Въ день праздника разламливаютъ въ семействѣ лепешку, по числу домашнихъ; каждый съѣдаетъ свою часть, и поздравляетъ другъ друга съ праздникомъ Рождества Христова. Преломленіе лепешки, напоминаетъ имъ преломленіе хлѣба Іисусомъ Христомъ, за тайной вечерею.

Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Вологодской и Архангельской губерніи, донынѣ приготовляютъ изъ пшеничнаго тѣста различныя изображенія животныхъ, какъ-то: овецъ, коровъ, быковъ, разныхъ птицъ и пастуховъ. Ихъ посылаютъ въ подарокъ роднымъ, друзьямъ и знакомымъ; столы и окна, изукрашены этими изображеніями.

Въ Малороссіи также остался въ употребленіи, хотя не повсюду, подобный обычай. Дѣлаютъ изъ ржанаго или пшеничнаго тѣста кониковъ, ягнецковъ, коровъ, быковъ и проч. и дарятъ ими дѣтей. Нынѣ это обыкновеніе выводится.

Остатокъ язычества и примѣты.

Изъ Стоглава извѣстно, что наканунѣ Р. Х. и Св. Крещенія, мущины и женщины сходились *на нощное плещованье, игры, глумленье и бѣсовскія пѣсни.* —

Простолюдины замѣчаютъ, что если въ ночи на Р. Х. и Богоявленіе, не бываетъ небо ясное, то не будетъ урожая въ этомъ году; но канунъ Богоявленія, есть общая примѣта на весь годъ. Въ Архангельской и Вологодской губерніи замѣчаютъ: если звѣзды горятъ ярко, а мѣсяцъ, освѣщая поля, образуетъ на нихъ сіяніе, подобное окружающему самый мѣсяцъ; то они поздравляютъ другъ друга съ урожайнымъ годомъ. — Напротивъ того, небо темное, заставляетъ ихъ призадумываться. Тяжелый годъ, говорятъ они, ни звѣздочки на небѣ! — Не жди теперь ни хлѣба, ни ягодъ. — Какъ то прожить пособитъ Богъ!

Иные по выходѣ изъ крещенской заутрени, запрягаютъ сани; въ нихъ насаживаютъ ребятишекъ, и съ ними скачутъ во весь духъ по деревнѣ. Причина этому та, чтобы уродил-

ся хорошій и долгій ленъ. — Этому обычаю слѣдуютъ переселенцы - Малороссіяне, живущіе въ Балашовскомъ уѣздѣ, Саратовской губерніи.

На Р. Х. не должно выпускать домашняго скота изъ хлѣвовъ, для безопасности отъ нечистой силы и знахарей. Мордва приноситъ въ этотъ день въ жертву: птицъ, пироги и напитки, нашимъ святымъ, о коихъ никакого не имѣютъ понятія,—для умилостивленія. Другіе замѣчаютъ (въ Саратовской губерніи Хвалынскаго уѣзда), что если на небѣ много звѣздъ, то родится въ этотъ годъ много ягнятъ и гречихи.

Васильевская и Крещенская коляда.

Коляды въ Россіи двѣ: одна передъ новымъ годомъ, *Васильевская*; другая передъ Богоявленіемъ, *Крещенская* или *водокрещей*. Первая еще извѣстна подъ именемъ *богатой*, а вторая подъ именемъ *постной*. —

Въ Малороссіи, напротивъ, вмѣсто богатой коляды бываетъ *богатая кутья*, тоже предъ Рождествомъ Христовымъ, а вмѣсто постной коляды, *голодная кутья*, предъ Крещеніемъ.

Значеніе Богоявленской воды.

Почти во всей Россіи, наканунѣ Богоявленія, послѣ освященія воды, пишутъ мѣломъ кресты: на дверяхъ, внутри дома, по скотнымъ хлѣвамъ и всѣмъ хозяйственнымъ заведеніямъ. — Во весь день, до вечер-

ней зари, ничего не ѣдятъ и не пьютъ. Въ день Богоявленія тоже постятся, до освященія Богоявленской воды. Въ большихъ городахъ строятъ при рѣкахъ крещальню, называемую Іорданомъ, въ воспоминаніе Крещенія Спасителя въ рѣкѣ Іорданѣ. Въ столицѣ тотъ-же обрядъ, и сверхъ того, воздвигаютъ богатый балдахинъ, надъ прорубомъ рѣки Невы, противу Зимняго Дворца. По окончаніи обѣдни во дворцѣ; духовенство выходитъ на рѣку для освященія воды. Митрополитъ обыкновенно священнодѣйствуетъ; очередные митрополиты, архіепископы и епископы окружаютъ его. Драгоцѣнныя ихъ одежды, пышность и торжественное совершеніе, поражаютъ каждаго. Императорскій Домъ, окруженный первѣйшими государственными сановниками, гражданскими и военными, многочисленная посольская свита, придворные, гражданскіе чины, генералъ штабъ и оберъ-офицеры,—и все въ блестящихъ золотыхъ мундирахъ,—представляютъ глазамъ ослѣпительную картину величія. Тысячи людей стоятъ по обѣимъ сторонамъ рѣки; даже улицы набиты ими. Глубочайшая тишина господствуетъ повсюду: одно духовное пѣніе, только нарушаетъ благоговѣйное молчаніе. Но коль скоро погрузится крестъ въ воду, мгновенно раздаются громовые перекаты пушекъ

съ Петропавловской крѣпости. Съ шумомъ и радостнымъ волненіемъ, бросается народъ черпать Іорданскую воду, и всѣ возвращаются домой съ восторженнымъ чувствомъ небесной радости.

Древнее обыкновеніе бросаться въ прорубъ воды, давно здѣсь неизвѣстно, и тутъ живетъ оно въ одномъ воспоминаніи. Если вѣрить сказанію иностранца Маржерета, нач. XVII в., то Царь и вельможи погружались въ нее. Я самъ видѣлъ, говоритъ онъ, какъ Царь окунывался въ воду (*). До него еще Императорскій посолъ баронъ Герберштейнъ, бывшій въ Москвѣ въ нач. XVI в., говоритъ, что въ Іорданскомъ прорубѣ купались, не одни здоровые, но отчаянно больные, не имѣвшіе никакой надежды на выздоровленіе. Это самое повторяли всѣ иностранцы, описывавшіе нравы Россіи, до конца XVIII вѣка. Еще по нынѣ, во многихъ мѣстахъ Россіи, существуетъ это обыкновеніе. Я былъ однажды самъ свидѣтелемъ въ Малороссіи, что по освященіи воды, казакъ сбросивъ съ себя верхнее платье, погрузился спокойно въ воду. Но больныхъ уже не купаютъ;

(*) Marger. Estat de l'Empire de Russie et Gr. duché de Moscovie.

дають имъ только пить Богоявленскую воду, которая излечиваетъ отъ многихъ недуговъ. Домашній скотъ, во время его падежа или другихъ болѣзней, окропляютъ этой водою или даютъ пить по немногу. Иные хранятъ воду дотолѣ, пока она не испортится.

Погруженіе больныхъ въ воду, произошло отъ вѣрованія, что духъ свыше исцѣлитъ ихъ. Въ Крещенскій сочельникъ многіе не ѣдятъ до появленія вечерней звѣзды, и это строго соблюдается между простолюдинами. Нѣкоторые вѣрятъ, что на канунѣ Богоявленія волнуется въ самую полночь вода, въ ознаменованіе того, что въ это время крестился Іисусъ Христосъ. Многіе ходятъ черпать тогда эту воду, и увѣряютъ, что видѣли, какъ колыхалась она; но тѣ, которые не могли видѣть этого явленія, оправдываются тѣмъ, что они не дождались полночи, или проспали ее. Почерпнувшіе эту воду, хранятъ ее до слѣдующаго года, думая, что она, по особой своей силѣ, помогаетъ отъ многихъ недуговъ, и сама по себѣ не портится: таже свѣжая, чистая и здоровая.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Литвы, дворянство и простой народъ, въ сочельникъ передъ Крещеніемъ, пишутъ на всѣхъ дверяхъ латин-

скія буквы: G. M. B. (Гаспаръ, Мельхіоръ и Балтазаръ), означающія имена царей волхвовъ, приходившихъ съ дарами въ Виѳлеемъ, поклониться младенцу Христу. Кто не умѣетъ написать этихъ буквъ, тотъ пишетъ три креста. Въ церквахъ висятъ тогда на лентѣ, около престоловъ, люльки, въ коей лежитъ въ пеленахъ вылитый изъ воска младенецъ. Вокругъ люльки стоятъ восковыя изображенія: Богородицы, Іосифа и трехъ волхвовъ; у изголовья младенца стоятъ оселъ и волъ. Подходящіе къ люлькѣ, качаютъ ее три раза, и потомъ молятся. На Крещенье ходятъ со свѣчами по улицамъ, и поютъ предъ домомъ хозяина:

Trins karalej ectjoje,	Пріѣхали три короля;
Diewuj pasiklonioje.	Богу поклонились;
Dabor pas jus atejna,	Теперь къ вамъ приходятъ,
Tus namelus aplankity	Домъ сей посѣтить
Jums linksmibe padarily,	Весельемъ одарить, —
Gieray praszom priimily.	Просятъ добраго пріема.

Хозяинъ долженъ принять колядовщиковъ, и ихъ щедро угостить. Если пріемъ нравится волхвамъ, то они гостятъ долго, въ противномъ случаѣ идутъ далѣе колядовать (*).

Въ самый же сочельникъ Рождественскій, дѣвушки, парни и мальчики, ходятъ колядо-

(*) Романовичь, см. его статью: обычаи и игры литовскія, въ Сын. Отеч. 1839 г. мѣс. окт., № X. с. 116—117.

вать подъ окна домохозяевъ, которые дарятъ ихъ пирогами или деньгами.

Славленіе Христа. Въ половинѣ XVII в. было въ обыкновеніи, что знатные люди славили Царя, который, въ свою очередь, ѣздилъ славить ихъ, и это обыкновеніе продолжалось до временъ Петра I., но Великій Монархъ самъ любилъ славить.

Славленіе—означающее хваленіе, начиналось въ то время по полудни. Если Царь ѣздилъ славить, то поѣздъ его совершался слѣдующимъ образомъ: двое изъ чиновниковъ шли впереди, съ барабанами въ рукахъ и обернутыми въ сукно палочками; за ними ѣхалъ Царь на саняхъ, окруженный придворными, боярами и князьями. При входѣ въ домъ, кого-либо изъ вельможъ, пѣли: Тебѣ Бога хвалимъ; потомъ поздравляли хозяина. Хозяинъ подносилъ Царю денежный подарокъ, и угощалъ его съ прибывшими. Послѣ они отправлялись къ другому, пока не обойдутъ знатныхъ особъ. Англійскій путешественникъ Брюнъ разсказываетъ, что наши Государи, предъ праздникомъ Богоявленія, ѣздили славить заслуженнѣйшихъ изъ своихъ бояръ и чужестранцевъ, которые угощали ихъ со всѣмъ поѣздомъ. Петръ I, сопровождаемый толпою царедворцевъ, началъ первое свое славленье съ иностранца Брама,

въ 9 часовъ утра (1702 г. января 3). Съ Царемъ пріѣхало на саняхъ и верхомъ, около 500 челов.; столы были покрыты разными лакомствами, сначала подавали холодныя, а потомъ другія кушанья. Веселость была непринужденная, а напитки лились рѣкою. Около трехъ часовъ Государь поѣхалъ, со всѣмъ своимъ поѣздомъ, къ другому иностранцу, гдѣ такое же было угощеніе; потомъ въ другіе домы, а наконецъ весь поѣздъ отправился отдыхать въ нарочно построенные домы.

Уклонявшіеся отъ славленія, подвергались наказанію кнутомъ и батогами. Нѣкто Григорій Камынинъ, былъ высѣченъ плетьми за то, что бывъ внесенный въ списокъ славленія, не ходилъ славить (*).

Въ Царствованіе Императрицы Елисаветы давалась пѣвчимъ, объ Рождествѣ Христовомъ, дача, подъ именемъ *славленой дачи.*

Долго господствовалъ обычай, между воспитанниками духовныхъ заведеній, что они ходили по домамъ по нѣсколько вмѣстѣ, славить Рождество Христово. При этомъ отличались они своими высокопарнобезмысленными діалогами, рацеями и виршами, которыя про-

---

(*) Bruyn: Travels into Moscovy, Persia and Eastindiens, Lond. inf; Голик. Дѣян. Петра Вел., Снегир. Русск. прост. пр. вып. II с. 56 — 58.

износили иногда на греческомъ и латинскомъ языкахъ, непонимая ихъ сами.

Славленіе Христа совершаютъ нынѣ мальчики, въ первый день Р. Х. Ходя по-утру со звѣздою или вертепомъ, они восхваляютъ Рожденіе Спасителя пѣніемъ изъ священныхъ пѣсней, или нарочно сочиненными для этого празднества стихами.

Въ иныхъ мѣстахъ ходятъ еще цѣлую недѣлю, съ перваго дня праздника Рождества Христова, со звѣздою, которая дѣлается изъ разноцвѣтной бумаги, въ различную величину, и освѣщена свѣчами. Обращая кругомъ звѣзду, поютъ: *Христосъ раждается*, и проч.

Общее обыкновеніе во всей Россіи, что въ день Р. Х. ходятъ священники послѣ обѣдни, поздравлять съ праздникомъ, или какъ говорится въ простонародіи, *славить Христа*, и это продолжается иногда въ теченіе всѣхъ святокъ. Разсказываютъ, что въ старые годы, по прославленіи Христа, священники по просьбѣ женщинъ сажались на порогъ или на разосланную шубу предъ порогомъ для того, чтобы водились куры.

Мѣстное славленіе и колядки.

По разнымъ мѣстамъ не одинаково отправляютъ славленіе. Въ Петербургской губерніи и въ самой столицѣ, ходятъ мальчики со звѣздою только наканунѣ Р. Х. и въ

первые три дня Р. Х. Звѣзду дѣлаютъ изъ *бичайки*, оклеенной желтой и пропитанной масломъ бумагою: на одной сторонѣ ея изображено лице, а на другой поклоненіе пастырей; весь кругъ окаймленъ бахрамою изъ желтой бумаги, и обведенъ шестью рогами, на подобіе лучей, вырѣзанныхъ изъ бумаги и украшенныхъ бумажной цвѣтной бахрамою. Между изображеніями, посредствомъ устроеннаго въ бичайкѣ отверстія, ставятъ зазженную свѣчу, отъ коей рисунокъ и лучи дѣлаются прозрачными. Звѣзду вносятъ въ комнату, или останавливаются съ нею подъ окномъ, и поютъ:

Нова радость стала,
Якъ небу хвала.
Надъ вертепомъ звѣзда ясна,
Свѣтомъ возсіяла.
Пастушки съ ягняткомъ,
Предъ малымъ дитяткомъ,
На колѣна выпадали,
Христа прославляли.
И мы просимъ, Христе Царю,
Небесный Государю:
Даруй лѣто счастливое.
Сего дома господину,
Сего дома господину.

После этого говорятъ иногда стишки:

Маленькія дѣтки,
Счипали вѣтки.

Въ саду стояли,
Христа прославляли;
Христосъ родился,
И рай растворился.

Потомъ поздравляютъ съ праздникомъ, за что получаютъ нѣсколько копѣекъ денегъ.

Крестьяне Смоленской губ. ожидаютъ съ радостію торжественнаго дня Р. Х.; жены ихъ съ удовольствіемъ смотрятъ на убывающіе горшки. Многія изъ нихъ, не умѣя читать, ведутъ особой свой счетъ по горшкамъ. Чѣмъ меньше остается ихъ въ домѣ, тѣмъ ближе время праздника, предъ коимъ обыкновенно закупаютъ новые горшки. Вотъ уже счетъ приходитъ къ концу, и праздникъ валится на дворъ. Бѣготня и заботы въ домѣ. Хозяинъ осматриваетъ праздничные кафтаны, молодые люди приготовляютъ новую упряжь. Въ первый день праздника крестьяне ѣздятъ къ обѣднѣ, на невыѣзжанныхъ молодыхъ лошадяхъ, и надѣваютъ на нихъ новую сбрую: мальчики, забравшись въ уголъ, спѣваются славить коляду. Хозяйка и дѣвушки, начиняютъ колбасы при пѣніи пѣсень:

Дѣдка свинушку убилъ,
Дѣдка бѣлинькую,
Спинку пѣгинькую.
Ай да Божья коляда,
Прилетай къ намъ съ высока,

Разъ въ желанной годъ—
Полюбуйся часокъ.
Мы колбаски чинимъ,
Веретенцемъ сверлимъ.
Рыльце лычкомъ напремъ,
А туда мяскомъ набьемъ.
Ай — й — охъ! коледа,
Лети швыдче съ высока.
Да морозомъ не тряси,
Басловья (благословенья) къ намъ неси.

Эта пѣснь называется *чукать* (звать) коляду, и ее поютъ нѣсколько разъ въ вечеръ. Сначала зовутъ къ себѣ коляду, этой пѣснею; потомъ разговариваютъ или поютъ постороннія пѣсни, и начинаютъ *чукать*, пока не начинятъ колбасъ. По окончаніи работы, приготовляютъ *вечерю*, ужинъ. Въ этотъ день занимаетъ первое мѣсто между кушаньями, кутья,—разваренныя пшенишныя зерна и подслащенныя сытою. Когда окончатъ приготовленіе къ ужину и помолятся Св. иконамъ, тогда хозяинъ беретъ чашку съ кутьею, влѣзаетъ на печь, отдвигаетъ волоковое *оконко*,—выбрасываетъ за окно три ложки кутьи, и говоритъ: морозъ! морозъ! поди къ намъ кутью ѣсть; кутью ѣшъ, а пшеницу не трогай!—Женщины выходятъ въ то время на дворъ, посмотрѣть на небо: звѣздно ли небо, или нѣтъ? Если оно звѣздно, то это означаетъ *грибородное лѣто;* если нѣтъ, то

не будетъ грибовъ. Выполнивъ каждый свое, садятся за столъ, и ѣдятъ сначала кутью, потомъ слѣдующія кушанья. Этимъ оканчивается предшествующій день сочельнику, самый же сочельникъ отличается отъ обыкновенныхъ дней, тѣмъ только, что вечеромъ въ сочельникъ, ходятъ мальчики въ сосѣдніе домы славить коляду:

Пришла коледа па канунѣ Рождества,
Виноградье, красно-зеленое мое!
Блинъ да лепёшка, кладись на окошко,
Виноградье, красно-зеленое мое!
Коли нѣтъ блина, то конецъ пирога,
Виноградье, красно-зеленое мое!
Коли жъ нѣтъ пирога, то корову за рога,
Виноградье, красно-зеленое мое!
А сладкая кутья, сама сыпся изъ окна,
Виноградье, красно-зеленое мое!
Мы кутью посберемъ, да и морозъ помянемъ,
Виноградье, красно-зеленое мое!

Эту пѣснь заключаютъ привѣтствіемъ:

Христосъ народился,
Рай растворился;
Іуда удавился.—
Съ праздникомъ поздравляемъ,
И вамъ того же желаемъ.

Въ Саратовской губерніи ходятъ, на канунѣ Р. Х. молодые люди толпою, подъ окнами и величаютъ *каляду*. Подошедши къ окну, говорятъ: *чанные ворота, посконная борода, не*

кричатъ ли каледа? Если позволитъ хозяинъ, то поютъ:

На горки ленокъ,
Каледа!
Зеленехонекъ ростетъ,
Каледа!
Степанидушка ленокъ,(*)
Каледа!
Тонко прядетъ,
Каледа!
Звонка точетъ,
Каледа!
Ей чарочку винца,
Каледа!
Братыничку пивца,
Каледа!
Сѣна клокъ,
Каледа!
Вилы въ бокъ,
Каледа!

Каледа! гдѣ ты была?
Каледа!
Коней пасла,
Каледа!
Что выпасла?
Каледа!
Жеребеночка въ уѣздѣ,
Каледа!

(*) Всегда величаютъ изъ дѣвушекъ младшую въ домѣ.

*

Гдѣ жеребеночекъ?
Каледа!
За воротами стоитъ,
Каледа!
Гдѣ ворота?
Каледа!
Водой снесло,
Каледа!
Гдѣ вода?
Каледа!
Быки выпили,
Каледа!
Гдѣ быки?
Каледа!
За горы ушли,
Каледа!
Гдѣ горы?
Каледа!
Черьви выточили,
Каледа!
Гдѣ черьви?
Каледа!
Гуси выклевали,
Каледа!
Гдѣ гуси?
Каледа!
Въ тростникъ ушли,
Каледа!
Гдѣ тростникъ?
Каледа!
Дѣвки выломали,
Каледа!

Гдѣ дѣвки?
Каледа!
За мужья ушли,
Каледа!
Гдѣ мужья?
Каледа!
Среди неба на земли,
Каледа!
Въ ашметочкѣ (изношенной старой лапоть)
Каледа!
Въ уголкѣ,
Каледа!

По окончаніи каледы, толпа кричитъ: кокурка! кокурка! въ печи сидѣла, на насъ глядѣла, въ кошель захотѣла.—Хозяинъ подаетъ кокурку, нарочно для того приготовленную:

Выходила каледа за новыя ворота,
На канунѣ Рождества,
Ой каледа!
Свиныя ножки въ печѣ сидѣли,
На насъ глядѣли.
Старой чортъ! подай пирога,
Не подашъ пирога, изрублю ворота.
Ой каледа!

Изъ колядскихъ пѣсней, употребляемыхъ въ сѣверной Россіи, суть:

Виноградье красно, почему спознать,
Что Устиновъ домъ Малофеевича?
Что у его двора, вся шелкова трава,
Что у его двора, все серебряной тынъ.

Ворота у него досчатыя,
Подвороточки рыбьи зубья,
На дворѣ его три терема:
Во первомъ теремѣ да свѣтелъ мѣсяцъ,
Во второмъ терему красно солнышко,
Во третьемъ терему часты звѣзды.
Что свѣтелъ мѣсяцъ, то Устиновъ домъ;
Что красно солнце, то Улита его;
Что часты звѣзды,—малы дѣтушки.
Да дай Боже Устину Малофеевичу,
Съ борзыхъ коней сыновей женить;
Да дай Боже Улитѣ Хавроньевнѣ,
Съ высока терема дочерей выдавать.
Подари государь, колядовщиковъ.
Наша коляда ни рубль, ни полтина,
А всего полъ-алтына.—(*)

(*) Разведеніе виноградныхъ лозъ сдѣлалось извѣстнымъ въ Россіи, не ранѣе 1613 г., и первыя лозы посажены около Астрахани, монахомъ.

Рыбьи зубы, особенно моржовые, имѣли высокую цѣнность; изъ нихъ выдѣлывали для разныхъ вещей украшенія. Здѣсь рыбьи зубья, должно разумѣть дорогіе,—моржовые.— Щучьи зубья собирались суевѣрами съ особымъ раченіемъ, для предохраненія себя отъ укушенія змѣй. Одинъ изъ нашихъ писателей, (Сказ. Русск. народ.) удивляется: почему нашъ народъ предпочитаетъ большіе зубы малымъ, и въ числѣ ихъ считаетъ лучшими моржовые? Это очень ясно: большіе всегда имѣютъ большую цѣнность предъ малыми, а моржовые были такъ дороги, что равнялись цѣнностію слоновой кости, и изъ нихъ выдѣлывали дорогія вещи. В. К. Ростиславъ подарилъ (въ 1159 г.) Черниговскому Князю Святославу, нѣсколько соболей, горностаевъ, черныхъ куницъ, песцовъ, волковъ бѣлыхъ и *рыбьихъ зубьевъ*, а Святославъ подарилъ Великому Князю: леопарда и двухъ коней съ окованными сѣд-

Прикажи, сударь хозяинъ, ко двору прити,
Винорадье красно-зеленое!
Прикажитко ты, хозяинъ, коледу просказать!
Винорадье, красно-зеленое!
Ахъ! мы ходимъ, мы ходимъ по кремлю городу,
Винорадье, красно-зеленое!
Уже ищемъ мы, ищемъ господинова двора,
Винорадье, красно-зеленое!
Господиновъ дворъ на седьми верстахъ,
Винорадье, красно-зеленое!
На седьми верстахъ, на осьмидесяти столбахъ,
Винорадье, красно-зеленое!
Что же около двора, да желѣзный тынъ?
Винорадье, красно-зеленое!
Что на всякой на тычинкѣ по маковкѣ?
Винорадье, красно-зеленое!
Что на всякой же по крестику?
Винорадье, красно-зеленое!
Что на всякомъ же крестику по жемчужинѣ?
Винорадье, красно-зеленое!
А среди того двора, что три терема стоятъ,

лами.—Кіев. лѣт.—Рыбьи зубы могли быть принимаемы въ денежномъ счетѣ, подобно кунѣ и векшѣ. Въ старинныхъ нашихъ сказкахъ, часто говорится о дорогихъ рыбьихъ зубахъ, напр. въ собр. Древн. Русск. стихотвореній.—с. 2.

Въ чердакѣ была бесѣда,
Дорогъ рыбій зубъ.

Герберштейнъ говоритъ, что у насъ назывались рыбьими зубами, моржовые клыки. De reb. Moskov. с. 85. Патріархъ Іосифъ прислалъ въ Соловецкій монастырь, въ 1641 г., пять рыбьихъ зубовъ вѣсомъ въ 11 ф., а цѣною въ 11 тогдашнихъ серебряныхъ рублей, стоющихъ болѣе 200 руб. на ассигн.

Виноградье, красно-зеленое!
Что три терема стоять златоверховаты,
Виноградье, красно-зеленое!
Что въ первомъ терему красно солнце,
Виноградье, красно-зеленое!
Красно солнце, то хозяинъ въ дому,
Виноградье, красно-зеленое!
Въ другомъ теремѣ свѣтелъ мѣсяцъ,
Виноградье, красно-зеленое!
Свѣтелъ мѣсяцъ, то хозяйка въ дому,
Виноградье, красно-зеленое!
Что въ третьемъ терему часты звѣзды,
Виноградье, красно-зеленое!
Часты звѣзды, то малы дѣтушки,
Виноградье, красно-зеленое!
Хозяинъ въ дому, какъ Адамъ въ раю,
Виноградье, красно-зеленое!
Хозяйка въ дому, какъ аладья на меду,
Виноградье, красно-зеленое!
Малы дѣтушки, какъ олябышки,
Виноградье, красно-зеленое!

По окончаніи коляды, поздравляютъ хозяина и хозяйку съ праздникомъ.

Коляда, коляда!
Пришла коляда
На канунѣ Рождества.
Мы ходили, мы искали
Коляду Святую.
По всѣмъ дворамъ, по всѣмъ проулочкамъ.
Нашли коляду

У Петрова-то двора.
Петровъ-то дворъ, желѣзный тынъ,
Среди двора, три терема стоятъ:
Въ первомъ терему свѣтелъ мѣсяцъ,
Въ другомъ терему красно солнце,
А въ третьемъ терему частыя звѣзды.
Свѣтелъ мѣсяцъ, Петръ сударь,
Свѣтъ Ивановичь;
Красно солнце, Анна Кириловна;
Частыя звѣзды, то дѣти ихъ.
Здраствуй хозяинъ съ хозяйкой,
На многія лѣта, на многія лѣта!

Въ окрестностяхъ Москвы возятъ въ саняхъ, на канунѣ Рождества Христова, въ бѣлой рубашкѣ дѣвушку, которая называется колядою и поютъ:

Уродилась коляда,
На канунѣ Рождества.
За рѣкою за быстрою
Ой коліодка, ой коліодка!
Въ тѣхъ мѣстахъ огни горятъ,
Огни горятъ великіе,
Вокругъ огней скамьи стоятъ,
Скамьи стоятъ дубовыя.
На тѣхъ скамьяхъ добры молодцы,
Добры молодцы, красны дѣвицы,
Поютъ пѣсни коліодушки.
Въ серединѣ ихъ старикъ сидитъ,
Онъ точитъ свой булатный ножъ.
Котелъ кипитъ горючій,
Возлѣ котла козелъ стоитъ.

Хотятъ козла зарѣзати.
Ты братецъ Иванушко,
Ты выди, ты выпрыгни!
Я радъ бы выпрыгнуть,—
Горючь камень,
Къ котлу тянетъ.
Желты пески,
Сердце высосали.
Ой колiодка, ой колiодка!

По Дунаю, по рѣкѣ,
По бережку по крутому,
Лежатъ гусли неналаженныя.
Коляда!
Кому гусли налаживати?
Коляда!
Наладить гусли
Зензевею Андреяновичу.
Коляда!
Зензевея дома нѣтъ,
Онъ уѣхалъ въ Царь городъ.
Суды судить, ряды рядить.
Коляда!
Онъ женѣ-то шлетъ,
Кунью шубу.
Коляда!
Сыновьямъ-то шлетъ,
По добру коню
Коляда!
Дочерямъ-то шлетъ,
По черну соболю.
Коляда!

Эта пѣснь перешла, безъ сомнѣнія, отъ южныхъ Славянъ, потому что въ ней упоминаются: рѣка Дунай и имя Зензевей, которое только въ тѣхъ мѣстахъ употребительно. Все прочее придѣлано къ Русскимъ обычаямъ.

Ужъ какъ шли ребята колядовщики,
Виноградъ, красно-зеленая моя!
Колядовщики фабрищики,
Виноградъ, красно-зеленая моя!
Мы искали двора господина своего,
Господиновъ дворъ на семи верстахъ,
На семи верстахъ на осьми столбахъ.
Посреди двора, посреди широка,
Стоятъ три терема,
Три терема златоверхіе.
Въ первомъ теремѣ красно солнышко,
Во второмъ терему свѣтелъ мѣсяцъ,
Въ третьемъ терему часты звѣздочки.
Самъ хозяинъ въ дому, господинъ въ терему;
Хозяйка въ дому, госпожа въ высокомъ;
Малодыя дѣтушки, какъ орѣшки въ меду.
Виноградъ, красно-зеленая моя!
Благодарствуй хозяинъ! на хлѣбѣ, на соли и на жалованьи,
Виноградъ, красно-зеленая моя!
Накормилъ, напоилъ, со двора спустилъ.
Виноградъ, красно-зеленая моя (*).

(*) Чулковъ: Абев. Русск. суевѣр. см. коляда; Фризъ: Руководст. къ физическ. опис. областнаго города Устюга-Великаго, изд. 1793 г.; Снег., Русск. простонар. празд. и проч.

Въ югозападныхъ странахъ Россіи: Малороссіи, Бѣлоруссіи и Литвы до нынѣ въ обычаѣ колядованье.

У Литвиновъ отправлялось въ древности особое празднество, въ честь бога *Оккапирмоса*, что приходилось въ половинѣ марта, а съ перемѣною мѣсяцослова бываетъ оно теперь декаб. 25, и извѣстно уже подъ именемъ *вечера колодокъ*. Оккапирмосъ сопровождался ворожбою, загадываніемъ и примиреніемъ, но съ тѣмъ, чтобы не ссориться впредь. Угощенія и поздравленія, украшали это празднество. Нынѣ на канунѣ коляды, таскаютъ изъ селенія въ селеніе колодки, перескакиваютъ чрезъ нихъ, и потомъ сожигаютъ при пѣніи и обрядахъ. У Латышей сохранилось преданіе *о Блокковомъ вечерѣ* или *вечерѣ колодокъ*, который бывалъ на Р. Х. (*).

Между Жмудью въ Литвѣ, празднуютъ канунъ Р. Х. кутьею, но кромѣ ея приготовляютъ еще изобильный столъ, состоящій изъ рыбы, студеней и сладкихъ кушаньевъ. За столъ садятся не прежде появленія первой зари; подъ скатерть настилаютъ сѣно, въ память того, какъ Спаситель родился въ ясляхъ на

вып. II. с. 65—70; Мясниковъ: Свѣдѣнія о народн. праздн. въ Шейкурскомъ и Вельскомъ округахъ, рукопись.

(*) Golebows. Lud. polsk. i jego zwycz. War. 1830 г.

сѣнѣ; на другой день оно раздается всему домашнему скоту. Тамъ думаютъ, что ночью въ тотъ самый часъ, когда Іисусъ Христосъ родился, вода превращается въ одно мгновеніе, но не возможно уловить минуты этого чудеснаго превращенія. На другой день Р. Х. предаются увеселенію, называемому *важявимсъ ій каралучю,* т. е. прогулка въ Королевецъ (Кенигсбергъ). Для этого пекутъ большой крендель, который засушиваютъ посреди избы, на ниткѣ. Одинъ, принимающій на себя названіе купца, садится съ жгутомъ подлѣ кренделя; прочіе подъѣзжаютъ къ нему на скамеечкѣ, и спрашиваютъ: «какъ поживаете, господинъ купецъ?» —Здоровъ, благодаря Бога! А вы откуда, господа?—«Изъ Самогиціи»—«За чемъ сюда пріѣхали?» — «За товаромъ» — «Какого вамъ надобно?» — «Пригожей дѣвушки, какъ калина, а сладкой какъ малина»—«Пожалуй, у меня есть пригожая и сладкая» — «Хорошо, нельзя ли отвѣдать?» — «Съ удовольствіемъ,—въ цѣнѣ сойдемся.» Каждый старается отвѣдать крендель, котораго никто не долженъ дотрогиваться руками; если же кто коснется, то купецъ гонитъ и бьетъ жгутомъ. Успѣвшій отвѣдать, получаетъ отъ купца въ награду поцѣлуй.

Прогулка въ Королевецъ называется въ иныхъ мѣстахъ *кушанье сыра* (surmatkis), а въ

другихъ мѣстахъ (skajsti mergieli), и почти также совершается, какъ прогулка въ Королевецъ.

Малороссіяне, за нѣсколько дней до Р. Х., приготовляются къ великому празднику, съ шумной радостію. — Чистятъ и убираютъ хаты, перемываютъ до чиста всю домашную посуду, покупаютъ новые наряды и запасаются на цѣлую недѣлю всѣми съѣстными припасами, лакомствами, настойками и наливками, которыя своимъ отличнымъ вкусомъ превосходятъ многія иностранныя вина. Кто ихъ не пивалъ на мѣстѣ, тому трудно повѣрить. Въ богатый вечеръ пекутъ паляницы, пироги: изъ маку, гороху, грушъ, капусты и пр.; въ тотъ же день варятъ *кутью* изъ сарочинскаго пшена или изъ пшеничныхъ крупъ; приготовляютъ медовую сыту и варятъ *узваръ*. Онъ дѣлается изъ высушеныхъ плодовъ: яблокъ, грушъ, сливъ, вишень и изюму; жарятъ и варятъ разную рыбу, но все готовятъ постное. Образа украшаютъ херувимчиками и ангелами, вырѣзанными изъ разноцвѣтной бумаги, и обставливаютъ высокими цвѣтными свѣчами, которыя зажигаются потомъ вечеромъ. Иные ставятъ на столъ церковныя свѣчи, и освѣщаютъ ими ужинъ.

По приготовленіи кутьи и узвару, ставятъ ихъ на сѣнѣ подъ *покутомъ* (мѣсто подъ образомъ), гдѣ они стоятъ до вечерней за-

ри. Въ богатый вечеръ или богатую кутью, не обѣдаютъ, но позволяется ѣсть; напротивъ въ голодную кутью,—которая предъ Крещеніемъ, — ничего не позволяется ѣсть въ теченіи всего дня, до вечерней зари. Столъ застилаютъ чистымъ полотномъ, кладутъ ложки, по числу обѣдающихъ. Иные кладутъ подлѣ ложекъ, по головкѣ чесноку, для предохраненія себя отъ нечистой силы. Дѣвушки и женщины, стараются нарядиться прежде вечера; если не успѣютъ, то это дурное для нихъ предзнаменованіе: — въ первомъ случаѣ не выйдутъ за богатыхъ жениховъ, а во второмъ не будутъ любимы своими мужьями.

По наступленіи вечера освѣщаютъ избу, и ставятъ на столъ приготовленное для ужина. Хозяинъ садится на *покутъ*, съ правой руки его жена, а дѣти кругомъ. Прежде, нежели сядутъ за столъ, молятся Богу и благодарятъ Его, что дождались святаго вечера. Ужинъ начинаютъ водкою, который продолжается довольно долго; взваромъ и кутьею, пресыщаются до крайней возможности, такъ, что отъ нихъ болятъ долгое время животы.

По окончаніи ужина, мущины выносятъ на дворъ опороженные горшки, и разбиваютъ ихъ объ землю, или поставивъ на землю, бьютъ издали палками, чтобы изгнать изъ

дому всякой недостатокъ. Другіе стрѣляютъ изъ пистолетовъ, въ знакъ провожанія богатой кутьи или богатаго святаго вечера. Такою потѣхою, занимались прежде помѣщики.

Иные послѣ ужина, ходятъ къ родственникамъ съ поздравленіемъ. Подносія старшему въ семействѣ хлѣбъ-соль, съ поклономъ въ поясъ, говорятъ: «прославъ батько и маты хлибъ съ силью; на, тоби вечерю (ужинъ)». Принявъ отъ нихъ, ставятъ на столъ и благодарятъ: «спасибо батькови и матери, за хлибъ, за силь и за вечерю». Принесшихъ сажаютъ за столъ, и подчиваютъ пивомъ, медомъ и водкою. Мальчиковъ же дарятъ пряниками и деньгами.

Въ первый день Р. Х. ходятъ мальчики со звѣздою,—поздравлять съ праздникомъ. Пришедши въ чужой домъ, они становятся у дверей, кланяются хозяину или пану въ поясъ, и спрашиваютъ позволенія на славленіе Христа, говоря: *благословите Христа славить*. Если отвѣчаютъ имъ: *добре*, то они начинаютъ. Это славленіе сопровождается часто произнесеніемъ виршей, сочиненныхъ искусными грамотѣями, или вмѣсто виршей, произносятъ церковные стихи: *Рождество Твое, Христе Боже нашъ* и т. д. Вотъ нѣкоторыя вирши.

Я маленькій хлопчикъ,
Злизъ на стовпчикъ;

Въ дудучку играю,
Христа забавляю.

А я маленькій Пахомикъ,
Родився ви вторникъ;
Въ среду рано,
Мене въ школу отдали:
Книги читать, Христа величать,
А васъ зъ праздникомъ поздравляти.
Будьте здоровы зъ праздникомъ,
Съ Рождествомъ Христовымъ.

Горобчикъ летитъ,
Хвостикомъ вертитъ;
А я его не піймаю,
Васъ зъ праздникомъ поздравляю.
Будьте здоровы зъ праздникомъ,
Съ Рождествомъ Христовымъ.

Ой на рѣчци
На Іордани,
Тамъ Пречиста
Рызы прала,
Свого сынка
Сповывала,
На яныни
Колыхала.
Прилетило
Два Аніолы
Взяли Христа,
На небеса.
Вси небеса
Растворилися,

Уси святыи
Поклонилыся.

Христосъ родывся,—
Тварь веселися!
Спасеніе открылось намъ.
Богъ зъ чоловикомъ помырывся,
Прощенъ нашъ праотецъ Адамъ.
Торжествуйте, лыковствуйте!

Чого вы задумались?
Хиба вы не знаете,
Що Христосъ родывся?
Дармо що я малый
Ай въ Церкви бувавъ,
И обо всимъ чувавъ.
Оце й вамъ звищаю,
И зъ праздникомъ Христовымъ поздравлю.

Якъ Христосъ народывся,
Иродъ смутився,
Ставъ дуже боядя
Що не будутъ іого поважаты.
И маленькихъ дитокъ,
Жыдивскимъ бабамъ,
Велівъ убываты.
Отъ лютого Ирода
Начали утикаты.
Я вамъ желаю,
Спасенія въ раю,—
И зъ праздникомъ
Поздравляю.

А пана у Иванэ, да на его двори,
Стояло дерево, тонке высоке,

Тонке высоке, листомъ широке.
И зъ того дерева, Церковка рублена,
А въ той Церковцы стоитъ три престола.
На первымъ престоли, Святее Рыздво:
На другимъ престоли, Святаго Василя;
На третьимъ престоли, Иванъ Креститель.
Святее Рыздво, намъ радость принесло;
Святый Василь, новый годъ принисъ;
Иванъ Креститель, воду перекрестивъ.

Нова радость стала,
Кая не бувала:
Надъ вертепомъ звизда ясна,
Сонцю возсіяла.
Шли тріе Цари,
Ко Христу со дары.
Иродъ ихъ пригласи.
Куда идете? изпросы. —
Отвѣщаху ему:
Идемъ къ Рожденному. —
Къ Рожденному идите,
И мыни возвистите, —
Звизда жъ иде чудно,
Зъ востока на полудень.
Надъ вертепомъ сіяе,
Царя-Христа являе;
Ангелъ имъ вищае,
На путь наставляе.
Инымъ путемъ грядите, —
Ко Ироду нейдите.

Нова радость стала,
И на небѣ слава!

*

Надъ вертепомъ звизда ясна,
Весь свитъ осіяла.
Де Христосъ родывся,
Отъ Дивы воплотывся.
Пришли туда отъ вистока,
Цари поклоныдтця.
Й пастушки зъ ягняткомъ
Передъ тымъ дытяткомъ;
На колинцяхъ упадалы,
Бога восхвалялы.

Христосъ народывся
Весь міръ возвеселывся,
Писля Адамова гриха.
Родывся жъ въ Виѳліеми
Въ стойли, а не въ доми, —
Отъ дыковына яка!
Ы янгелы святіи
Крылати, чудьніи,
Такъ же то лепьско спивалы,
Що мы родылысь и похрестылысь,
А далеби що такъ не чувалы!
Пастухи зъ степу,
Прыйшли ажъ до вертепу
Ы по ягняты принесли;
На дудки грали
Якои знали, —
Тай зиову до стада пошлы.
А тріе Цари
Прынеслы дары
Хрысту, ажъ видъ вистока.—
Тутъ ихъ поклалы и поздоровляли

По письменьски,—зъ высока.
Будь ласковъ Царю,
Благословы насъ такъ:
Щобъ жыто родыло,
Ы війны не було,
Ы щобъ мы пожылы въ смакѣ.
Іська старенькій, (*)
Бувъ іимъ раденькій;
Гостынцы по прыймавъ.
Сидайте жъ у насъ,
Мы почастуемъ васъ,
Чымъ Богъ намъ давъ.
Та якъ пиднисъ имъ,
По каганьцю сывухи,
Ы по кухлю варенухы;
Якъ хлестнулы,
Такъ и поснулы—
Ы Іська свитло погасывъ.—
Янголъ Божій,
Ясный, гожый,
Царямъ во сни шепнувъ:
Мерщій вставайте,
До дому чухрайте,
Щобъ Ыродъ сіого не чувъ. —
Цари схватылысь,
Перехрыстылысь,
Тай до дому почухралы.
У ливо повернулы,
Якъ видъ Янголя чулы.
Одъ-такъ Ырода ошпувалы.

(*) Іська,—сокращенное слово отъ Іосипъ, по-русски Іосифъ. Здѣсь Іська разумѣется Іосифъ, обручникъ Божіей Матер.

Иродъ дожыдався,
Въ викно приглядався:
Що ось, ось, ось,
Прыйдутъ до іого Цари;
А дали схаменувся,
Мовъ видъ сна прочиувся, —
Що воны кебзуютъ зъ іого.

Въ теченіе Рождественскихъ праздниковъ, ходятъ еще мальчики со звѣздою и вертепомъ. Звѣзда также дѣлается какъ въ Россіи, а вертепъ, это деревянной о двухъ верхахъ ящикъ, освѣщенный не большими восковыми свѣчами. Помѣщенныя въ нихъ деревянныя изображенія на проволокѣ, представляютъ знаменія Рождества Христова: появленіе звѣзды на востокѣ, Рожденіе Спасителя въ ясляхъ, явленіе ангеловъ, поклоненіе мудрецовъ, бѣгство Іосифа съ Божіей Матерью въ Египетъ—(*).

Появляется пиръ и музыка во дворцѣ Ирода, царя іудейскаго. Балъ открываютъ деревяшки, какъ водится; онѣ скачутъ, вертят-

(*) Іисусъ Христосъ родился въ полуночь субботы на Воскресенье, потому шестой Вселенской соборъ постановилъ праздновать день Рожденія Спасителя 25 декабря, въ Воскресенье. Въ этотъ самый день Богъ, по сотвореніи міра, озарилъ его свѣтомъ и самъ почилъ отъ трудовъ; сошла съ небесъ манна на бѣдствовавшихъ Израильтянъ въ пустынѣ; Искупитель міра принялъ крещеніе въ Іорданѣ отъ Іоанна; воскресъ изъ мертвыхъ и ниспослалъ Св. Духа на Апостоловъ и Учениковъ.—См. Четью-Минею о Рожд. Іисуса Христа, дек. 25 л. 167. изд. Москов. 1815 г.

ся, кружатся и падаютъ въ обморокъ.—Иродъ, очарованный красотою танцовавшей съ нимъ Иродіадой, приказываетъ отсѣчь голову Іоанну Крестителю, и принесть ее на блюдѣ; за тѣмъ выскакиваетъ смерть. Выпрыгнувъ изъ за угла, тонкая и высокая, на однѣхъ костяхъ, съ предлинной косою, она рубитъ голову Ироду, который, упавши на землю, дрыгаетъ ногами и кричитъ: *Оце жь, лихо мыни! якъ бы я знавъ, що всему причиной дивчата, то бы не таньцовавъ, и не жартововъ бъ ни зъ однею. —Карае за нихъ Царь небесный!*—Часто вертепъ не оканчивается этой забавою, которая сопровождается музыкою и пѣніемъ духовнаго содержанія: иногда представляютъ разныя дѣйствія изъ частной жизни.

Коледованіе малороссійское.

Въ первый вечеръ Рождества Христова, мущины, женщины, дѣвушки и дѣти, ходятъ колядовать подъ окна, а на канунѣ новаго года *щедровать* (щедровать значитъ желать во всемъ изобилія и богатства). Домохозяевъ и господъ, восхваляютъ или поздравляютъ съ святымъ и щедрымъ вечеромъ. — Есть колядчики, которые при пѣніи бьютъ въ бубны, звонятъ въ колокольчики и именуютъ въ своихъ пѣсняхъ хозяевъ, ихъ дѣтей, или величаютъ ихъ особыми прозваніями. Колядуютъ до полночи.—Дѣ-

вушки, ходя подъ окна, стараются подойти тихо и прислушиваются, что говорятъ, и изъ этихъ словъ выводятъ разныя для себя предзнаменованія. Колядскія пѣсни поютъ протяжно, и за каждымъ стихомъ произносятъ *святый вечиръ и добрый вечиръ,* а иногда отдѣльно. По окончаніи пѣсни поздравляютъ съ праздникомъ и святымъ вечеромъ, или Рождествомъ Христовымъ.

Иные изъ колядчиковъ, подходя подъ окно, говорятъ: *чи колядовать?* или *благословите вечиръ славить,* имъ отвѣчаютъ: *добре.* Иногда одинъ изъ колядчиковъ произноситъ громко и скоро:

Колядую, Колядую,
Ковбасу чую.

Сидитъ дядько на стильцы,
Вбуваетця въ постильцы:
Здоровъ дьядьку износы,
А мыни вынеси ковбасы.
Добрый вечиръ,
Добрымъ людямъ.

Ой нашъ Царю, Царю!
Небесный Сапарю.
Пошли Боже многа лита
Сему господарю. —
Добрый вечиръ!

А въ нашего пана
Собака пьяна,
Лежитъ на саняхъ,
Въ червонныхъ штанахъ;
А на пичи сидытъ,
Та въ рожокъ гудыть.

Колядовало четыри бабы,
А пьятый дидъ;
Выколядовали по паляницы,
Ище и хлибъ.—
А въ дядька, дядька,
Дядына гладка,
Не хоче встаты
Ковбасы даты.

Бигла телычка изъ березнячка,
Та въ дядинъ двиръ;
Я тоби дядю заколядую,
Дай пиригъ.
А ты дядынку хоть палянычку,
Ой дай те худко,
Побижу прудко,
Бо змерзъ я.
Коротка свытка,
Измерзла лытка.
Брешу я —
Колы неймете виры.
Не хай вамъ поробляцэ,
На голови диры.
Колядуй баране,
Не вмпю пане! —

Пане господарю!
Богъ тебе кличе.
Дае тоби дви лани жита,
А третью пшеницы, на паляницы,
Четвертую гречки на вареннчки,
А пятую овса, и колядка вся!
Вечиръ добрый!
Дайте пирогъ довгый, здобный.
А якъ не дасте,
То самы съѣсте.

Дѣвушки поютъ:

Ой якъ бье, такъ бье,
На шатры на городъ:
Соколе, соколе ясный!
Молодче красный,
Пане Стефане вельможный.
Вывели ему коня въ наряди,—
Соколе, соколе ясный!
Молодче красный,
Пане Стефане вельможный.
Винъ коня взявъ,
Шапочки не снявъ,
Не поклонывся.
Соколе, соколе ясный!
Молодче красный,
Пане Стефане вельможный.
Вывели ему дивку въ наряди
Соколе, соколе ясный!
Молодче красный,
Пане Стефане вельможный.
Винъ дивку взявъ,

Шапочку снявъ,
И поклонывся.
Соколе, соколе ясный!
Молодце красный,
Пане Стефане вельможный.
Боже! дай вечиръ добрый.
Дайте пирогъ довгій,
А якъ не дасте,
То самы съѣсте.

Богородыця Сына породыла,
У сихъ святыхъ до себе созвала.
Сталы думать и гадать:
Яке Ему имя дать?
Дали Ему имя Святаго Иліи.
Богородыця нивзлюбила,
Всихъ святыхъ посмутыла.
Богородыця Сына породыла,
У сихъ святыхъ до себе созвала.
Стали думать и гадать,
Яке Ему имя дать?
Дали Ему имя Святого Петра.
Богородыця нивзлюбыла,
Всихъ Святыхъ посмутыла
Богородыця Сына породыла,
У сихъ святыхъ до себе созвала
Стали думать и гадать,
Яке Ему имя дать?
Далы Ему имя Іисуса Христа.
Богородыця излюбила,
Всихъ святыхъ восхвалила.

Колядка взрослыхъ:

Чи дома панъ господарь?
А я знаю що винъ дома,
Сидитъ же винъ въ конци стола,
А на ему шуба люба,
А на шуби поясочекъ,
А на поясочку калиточка,
А въ калитоци симъ шиляжечкивъ.
Сіому тому по шеляжечку,
А намъ братцы по пирожечку;
Ще того мало,
Дайте кусокъ сала;
Ще того трышки,
Дайте лемишки. —
Дай Боже вечиръ добрый
Дайте пиригъ довгій. —
Поздравляемъ васъ зъ праздникомъ. —

Эту коляду произносятъ еще такъ:

Чи дома, дома, панъ господарь?
А я знаю, що винъ дома,
Сидитъ же винъ въ кинци стола,
А на немъ шуба нова,
А на шуби калиточка,
А въ калиточки симъ шиляжечкивъ
Сіому тому по шеляжечку,
А намъ братцы по пирижечку.
Боже дай вечиръ добрый,
А намъ дайте пиригъ добрый.
А якъ не дасте,
То возьму кобылу за чуприну,
Поведу въ кабакъ,
Да пропью за пятакъ.

Въ Подлѣсіи поютъ дѣти:

Эй коляду, коляду!
Дайте мачку и кутю.
Якъ не дасте, откажите,
Моихъ ножекъ не забите.
Я дѣтинка маленкая,
Моя ножка босенкая —
Мыкъ, мыкъ!
Вынесте колядникъ (*).

Иные изъ колядчиковъ поютъ на два голоса, но предъ начатіемъ бросаютъ изъ за угла камень или палку, для соотвѣтствія предстоящей колядки.

1. Хтось мене, дядьку,
Кизякомъ учкваривъ.
Святый вечиръ!
2. Да може не влучивъ?
1. Да дежъ тоби не влучивъ,
Що — й гудзь налучивъ. —
Святый вечиръ!
2. Да може не нарокомъ?
1. Да дежъ тоби не нарокомъ,
Щой гудзь пидъ окомъ.
Святый вечиръ!
2. Да може на смихъ?
1. Да дежъ тоби на смихъ
Щой гудзь набигъ
Святый вечиръ!
2. Да може не дуже?

(*) Golęow. Lud. pols. jeg. zwycz. zabobony. ч. 2. с. 281.

1. Да дежъ тоби не дуже,
Що ажъ у мозгу струже.
Святый вечиръ!

Когда имъ выносятъ что нибудь, тогда благодарятъ:

Спасибо тоби, дядьку, —
И шелягивъ кипа.
Щобъ же у тебе у поли,
Всего було вдоволи.

Въ заключенiи говорятъ: доброй вечеръ и всѣмъ на здоровье.

Ишовъ, перiйшовъ мисяцъ по небу,
Святый вечиръ!
Да стрився мисяцъ съ ясною зорею,
Святый вечиръ!
Ой заря, заря де у Бога була,
Святый вечиръ!
Де у Бога була, де маешъ стати?
Святый вечиръ!
Де маю стати?—у пана Ивана,
Святый вечиръ
У пана Иана, да на его двори.
Святый вечиръ!
Да на его двори, да у его хаты,
Святый вечиръ!
А у его хати да дви радости,
Святый вечиръ!
Первая радость, сына жениты;
Святый вечиръ!
Другая радость дочку выдаваты,
Святый вечиръ!

Сына жениты, молодця Евфимка,
Святый вечиръ!
Дочку отдавати молоду Настусю.
Святый вечиръ!
Бувай же здоровъ, молодче Евфимку,
Святый вечиръ!
Да не самъ зъ собою: зъ отцемъ, зъ матерью,
Святый вечиръ!
И зъ милымъ Богомъ и зъ всимъ родомъ,
Святый вечиръ!
Зъ Исусомъ Христомъ Святымъ Рождествомъ.
Святый вечиръ!

По окончаніи пѣсни говорятъ: *поздравляемъ васъ пане добродію, и паниматко, и всихъ вашихъ зъ Святымъ вечеромъ. Дай Боже вамъ довго житы да веселиця.* Колядовщикамъ высылаютъ денегъ, или дарятъ чѣмъ другимъ. Если долго имъ не даютъ, то продолжаютъ пѣть, пока не вышлютъ. Случается, что имъ ничего не даютъ, тогда говорятъ, что хозяинъ и хозяйка скупиндяги (скупые).

Слѣдующія пѣсни поются во время праздничныхъ забавъ:

Ой въ Кіеви да на рыночку,
Та на жовтымъ песочку.
Тамъ дивочка садъ сажала,
Садъ сажала, поливала,
Поливаючи примовляла:
Рости, саду! высче мене,
Высче мене, красче мене!

Ой гула, гула крутая гора,
Що не вродилась шкова трава,
Тылько вродила зелене вино.
Красная паня вино стерегла,
Вино стерегла, крипко заснула.—
Якъ налитили райскіи пташечки,
Одзябали зелене вино.
Да пробудили красну панну—
Ой скоражъ вона тоби учула,
Своимъ рукавцемъ на ихъ махнула.
Ой шуги, въ луги! райскіи пташки,
А мини вина самой надобно.
Брата жениты, сестру отдаваты,
Сама молода зарученая!—

Да чому ты, дивчино, гуляты не йдешъ?
Ой якъ же мини гуляти пійты,
Що мои братики зъ війска пріихали.
Привезли мини три подарочка,
Першій подарокъ, золотый перстень;
Другій подарокъ, зеленая сукня;
Третій подарокъ, перловая нитка.
Золотый перстень якъ огонь сіяе,
Зеленая сукня, слидъ заметае;
Перлова нитка, головку обвязуе.—

А въ сего пана скамья заслана,
Та на сей скамьи, три кубки стоятъ;
Въ першемъ кубци, медокъ солодокъ;
У другимъ кубци, крипкіе вино;
У третьемъ кубци, зелене вино.
Зелене вино, для пана сего,

Крипкіе вино, для жинки его;
Медокъ солодокъ, для дитокъ его.

Въ тому саду три корыстоньки:
Перша корысть, то оришиньки;
Другая корысть, то вышеньки,
Третя корысть, то яблучки.
Оришками чечоватися,
Яблучками подкидатися.
Да бувай здорова зъ батькомъ, матерью.
И зъ милымъ Богомъ и зо всимъ родомъ,
Іисусомъ Христомъ, Святымъ Рождествомъ.

Щедривки.

Колядованье и щедрованье, не есть одно и тоже. Многіе изъ нашихъ писателей соединили ихъ вмѣстѣ. — Колядованье бываетъ въ первый день Р. Х., а въ иныхъ мѣстахъ продолжается и нѣсколько дней сряду; между тѣмъ, какъ щедрованье или *щедривки*, всегда однажды, предъ новымъ годомъ. Это есть собственно праздникъ мальчиковъ и дѣвушекъ, которыя щедруютъ вечеромъ подъ окнами. Случается, что участвуютъ въ щедрованіи молодыя женщины *и парубки*, но въ такомъ случаѣ они подвергаются посмѣянію и имъ ничего не даютъ. — Чтобы получить что нибудь отъ домохозяевъ, они притворяются подъ голосъ дѣтей. Однако ихъ голосъ узнаютъ.—Это они дѣлаютъ изъ одной шалости.

Мальчики щедруютъ и поютъ вездѣ единообразно: или очень протяжно или скоро:

Щедрикъ ведрикъ.
Дайте вареникъ,
Грудучку кашки
Кильце кавбаски.
Ще того мало —
Дайте сала;
Ще того тришки,
Дайте лемишки.
Або дайте ковбасу,
Я до дому понесу;
А якъ дасте кышку,
То зьимъ у затышку.
Дай Боже вечиръ добрый,
Дай те пиригъ довгій,
Поздравляемъ васъ зъ праздникомъ.

Васильева маты,
Пишла щедроваты.
У стола стояла,
Золотый крестъ держала,
И золоту кадилницю.
Христитеся люды,
Отъ вамъ Христосъ буде. (*)
Богу свичу ставте,
А намъ пиригъ дайте.

(*) Въ простонародіи господствуетъ мнѣніе, что родившійся Христосъ невидимо ходитъ на святой вечеръ и въ новый годъ, къ добрымъ людямъ, и ниспосылаетъ на нихъ благословеніе, поэтому здѣсь и сказано: *отъ вамъ Христосъ буде.*

После пѣнія приговариваютъ:

Вечиръ добрый!
Давайте пиригъ довгій,
А хоть коротенькій,
Дабы смашненькій.

Маланка ходыла,
Васыля просыла:
Васыльку, мій батьку,
Пусты мене въ хатку.
Я жита не жала,
Честный крестъ держала,
Золотую кадыльнычку,
Срыбну хрыстынпычку. —
Радуйтеся люды,
Къ вамъ Христосъ буде,
Богу свичу ставьте,
А намъ пиригъ даите,
А на тарылочку и денежку.

Ой на рычци, на Іордани,
Тамъ Пречыста ризу прала;
Прала, прала, тай вымывала.
Щедрый вечиръ, добрый вечиръ!
Добрымъ людямъ на здоровье!
Повисыла та на ялыпи,
Щедрый вечиръ, добрый вечиръ!
Добрымъ людямъ на здоровье!
Прылитилы янголята,
Взяли рызу на крылята.
Щедрый вечиръ, добрый вечиръ!
Добрымъ людямъ на здоровье! —

*

Поныслы ризу по пидъ небесами,
Щедрый вечиръ, добрый вечиръ!
Добрымъ людямъ на здоровье!
Вси небеса разтворылися,
Щедрый вечеръ добрый вечиръ!
Добрымъ людямъ на здоровье!
Вси святіи поклонылися.
Щедрый вечиръ, добрый вечиръ!
Добрымъ людямъ на здоровье!
Несетъ се птахъ, —
А се есть Пречистой сынъ.
Щедрый вечиръ, добрый вечиръ!
Добрымъ людямъ на здоровье!
Дай Боже вечиръ добрый,
А намъ пиригъ довгій. (*)

Да сивъ Христосъ, да вечеряти
Щедрый вечиръ,
Добрый вечиръ,
Добрымъ людямъ,
На здоровье!

(*) Въ изданіи Малорос. пѣсн. г. Максимовича, 1827 г. с. 178 причислена къ щедривки слѣдующая пѣснь.

Улетивъ соколъ изъ улицы въ дворъ.
Ой сивъ же винъ на окопеньку,
Кватырочку одчинне,
У свитличку заглядае:
Ще свитличка не метена,
Ще Марусинька не чесана;
Не чесалась, не вмылась,
На батинька розгнивалась:
Сукню попили, — покоротили,
Черевики зшили, — да помалили.

Да пришлажъ къ нему, да Божая-маты
Щедрый вечиръ,
Добрый вечиръ,
Добрымъ людямъ,
На здоровье! (*)

Въ Черной Россіи также въ обыкновеніи щедровать. Парни и дѣвушки, ходятъ подъ окна домохозяевъ и поютъ пѣсни, за что богатые даютъ имъ деньги, а недостаточные *книши* (долгой хлѣбъ) и пироги:

Щодрый вечиръ!
Добрый вечиръ!
Добрымъ людямъ
На весь вечиръ.
Щодрый вечиръ!
Добрый вечиръ!
Чи есть въ дому
Панъ господарь?
Ой есть въ дома,
Винъ въ конецъ стола;
На нимъ шуба
Соболёва
А въ тей шуби,
Дзенкатора;
Въ дзенкатори, (**)
Сто червонцивъ.

По содержанію она вовсе не соотвѣтствуетъ щедривкамъ, имѣющимъ въ виду поздравленіе предъ новымъ годомъ.

(*) Эту пѣснь щедруютъ дѣвушки, но она здѣсь не полная.

(**) Слово дзенкаторъ, по значенію пѣсни, должно быть карманъ въ шубѣ. —

Сёму, тому,
По червоному,
А намъ, дѣтямъ,
По шеляжечку,
По пирожечку. —
Добрый вечеръ! —

Елка. Колядскія забавы хотя совершаются во всей Россіи, однако въ мѣстахъ, гдѣ живутъ иностранцы, особенно въ столицѣ, вошла въ обыкновеніе елка. Въ Европѣ существовалъ съ давнихъ временъ обычай дарить дѣтей, какими нибудь подарками, предъ Рождествомъ Христовымъ и на новый годъ.

Для празднованія елки избираютъ преимущественно дерево елку, отъ коей дѣтское празднество получило наименованіе; ее обвѣшиваютъ дѣтскими игрушками, которыя раздаютъ имъ послѣ забавъ.—Богатые празднуютъ съ изысканной прихотью. Одинъ изъ петербургскихъ богачей, заказалъ искуственную елку вышиною въ $3^1/_2$ арш., которая была обвита дорогой матеріею и лентами; верхушка елки была испесщрена ленточками разныхъ цвѣтовъ; верхнія вѣтьви ея были увѣшаны дорогими игрушками и украшеніями: серьгами, перстнями и кольцами; нижнія вѣтьви цвѣтами, конфектами и разнообразными плодами. Въ десять часовъ вечера, стали съѣзжаться дѣти;

ихъ привозили маменьки и взрослыя сестрицы. Комната, гдѣ находилась елка, была освѣщена большими огнями; повсюду блистала пышность и роскошь. Послѣ угощенія дѣтей, заиграла музыка. Танцы начались дѣтьми, а кончились сестричками. По окончаніи вечера, пустили дѣтей срывать съ елки, все то, что висѣло на ней.

Дѣтямъ позволяется взлѣзать на дерево; кто проворнѣе и ловчѣе, тотъ пользуется правомъ брать себѣ все, что достанетъ; но какъ эта елка была высокая, и не многіе отваживались взлѣзать, то имъ помогали ихъ миленькія сестрицы: онѣ подставляли стулья и указывали на вещи преимущественно заманчивыя.

Елка эта стоила около 50,000 рублей. — Одни Русскіе сорятъ деньгами. Недаромъ иностранцы думаютъ, что у каждаго Русскаго золотыя горы.—Кто живетъ на чужой землѣ скромно, о томъ думаютъ, что онъ притворяется бѣднякомъ.

Нѣтъ семейнаго дома въ Петербургѣ, гдѣ бы не праздновали елки. Есть еще обычай, что дѣти въ этотъ день и новый годъ, говорятъ поздравительныя стихи своимъ родителямъ, въ коихъ выражаютъ непритворную къ нимъ свою любовь, желаютъ имъ наслаждаться здо-

ровьемъ, долго жить и заключаютъ тѣмъ, чтобы ихъ дарили.

Въ Германіи ставятъ дерево обвѣшанное плодами, конфектами и игрушками, которыя представляютъ исторію Рожденія Спасителя.

Елка доставляетъ дѣтямъ веселое препровожденіе времени. Она первоначально сдѣлалась извѣстною въ Москвѣ, съ половины XVII вѣка; оттуда перешла въ Петербургъ, въ царствованіе Петра I.

Канунъ новаго года извѣстенъ во всей Россіи, подъ именемъ *Васильева вечера*, въ который проводятъ старый годъ съ возможнымъ веселіемъ, чтобы новый былъ счастливой. Въ орловской губерніи жарятъ въ этотъ вечеръ годоваго поросенка, и съѣдаютъ цѣлымъ семействомъ.

Вообще о новомъ годѣ.

Со святками тѣсно соединено празднованіе новаго года, а потому не отдѣляя его, скажемъ: новый годъ не составляетъ церковнаго праздника; онъ есть гражданскій.

Начало года надобно искать въ глубокой древности. Всѣ языческіе народы, ознаменовывали его разными богослужебными обрядами,—торжественными приношеніями и забавами.—Египтяне праздновали воскресеніе Озириса, или новый годъ. Греки и Римляне, ознаме-

новывали радостными и всенародными играми. Не было народа, который не встрѣчалъ бы новый годъ особеннымъ празднествомъ. Пляска и пиршества, слѣдовали за таинственными обрядами. Не только народъ, но жрецы надѣвали на себя маски, съ изображеніемъ разныхъ божествъ; ходили по городу, пѣли и танцовали подъ музыку. Греки, любившіе веселость и удовольствія, переряжались и бѣгали толпами по домамъ, гдѣ ихъ угощали, и всѣ веселились. Женскій полъ, болѣе изобрѣтательный въ удовольствіяхъ, наряжался въ мужскія платья, или, собравшись на вечера званные, занимался гаданіемъ и пѣніемъ подблюдныхъ пѣсней. Римляне встрѣчали новый годъ съ торжественною важностію: консулы и патриціи, приходили въ пышныхъ одеждахъ во храмъ, для принесенія жертвъ. Первосвященникъ молилъ боговъ о ниспосланіи на народъ новыхъ милостей, и объ отвращеніи отъ него всякихъ бѣдствій.—По принесеніи жертвъ, все предавалось забавамъ: пировали, танцовали и бѣгали переряженные въ маскахъ по улицамъ, за полночь. *Въ дни солнца*, такъ называлось перенесеніе этого праздника на первое января, считалось безстыднымъ весть между собою раздоры: всѣ должны были примириться, и самыя тяжбы прекратить. Въ этотъ день ходили поз-

дравлять другъ друга, какъ обѣтный день для мира, и дарили взаимно. Патриціи и богатые отпускали на волю своихъ рабовъ, а дѣти освобождались изъ подъ отцовской власти.

Обычай поздравлять въ новый годъ, перешелъ отсюда въ Европу, и нынѣ онъ въ числѣ праздничныхъ дней.

Старинный гражданскій годъ, съ 1 сентября.

Новый годъ начинался у насъ прежде съ марта мѣсяца, и это продолжалось до 1348 г.; потомъ стали весть съ 1 сентября 1348 г., и таковое лѣтосчисленіе употреблялось до 1700 г.

Въ ветхозавѣтной церквѣ мѣсяцъ сентябрь праздновался ежегодно, въ ознаменованіе покоя отъ всѣхъ житейскихъ заботъ. «Рече Господь къ Мойсею, рцы сыномъ Израилевымъ: мѣсяца седьмаго (сентября, по европейскому исчисленію), въ первый день мѣсяца, да будетъ вамъ покой, всякаго дѣла работая не сотворите во всѣхъ селеніяхъ вашихъ, и принесете всесожженіе Господу (*).»—«Шесть дней дѣлай, въ день же седьмый, суббота Господу Богу Твоему: да не сотвориши всякаго дѣла въ осьмой. Тако и мѣсяцъ седьмый благослови, и освяти его, и повелѣ людемъ своимъ почити въ немъ отъ

(*) Левитъ гл. XXIII, ст. 24 и 25, изъ кн. Мойсея.

дѣлъ своихъ.» «Мѣсяца седьмаго сего, егда оканчаете жита земли, да празднуете Господу (*)».

Съ сентябремъ оканчивалась повсюду жатва, и потому всѣ народы приносили благодареніе Богу. Кромѣ празднованія, за успѣшное окончаніе сельскихъ работъ, мѣсяцъ сентябрь, бывъ достопамятнымъ по важнымъ событіямъ для всего міра, содѣлался предметомъ набожнаго воспоминанія. Въ этомъ мѣсяцѣ остановился Ноевъ ковчегъ на араратской горѣ; пророкъ Моисей вторично сходилъ съ горы синайской, неся новыя скрижали, съ начертанными на нихъ законами; воздвигнута скинія Господня и Архіерей великій приносилъ, во Святая Святыхъ, однажды въ годъ безкровную жертву; каялись люди въ грѣхахъ, изнуряя себя постомъ и смиреннымъ всесожженіемъ предъ Богомъ; освященъ чудесный великолѣпіемъ и роскошью храмъ сіонскій, построенный царемъ Соломономъ, и внесенъ сюда кивотъ завѣта; собирались въ Іерусалимъ всѣ колѣна Израилевы, и праздновали по повелѣнію Господа: «субботы субботъ да будетъ вамъ седьмый мѣсяцъ, и смирите души ваши предъ Господомъ» (**). Когда Израильтяне отправились въ

(*) Исход. гл. XX, ст. 9 и 10; Левит. гл. XXIII. ст. 10.

(**) Исход. гл. XXXIV, ст. 29 и гл. XXXV. Лев. гл. XVI, ст. 31; къ Евреемъ. гл. IX, ст. 3 и 7. Лев. гл. XXIII; II. кн. цар., гл. VIII; Лев. гл. XXIII, ст. 32.

обѣтованную землю, тогда по повелѣнію Божіему, они обязаны были праздновать въ этомъ мѣсяцѣ, каждый пятидесятый годъ, и неубивать никакихъ животныхъ; ни орать, ни засѣвать полей; ни собирать винограду, ни плодовъ отъ садовъ, чтобы все оставшееся было въ пищу убогимъ людямъ, птицамъ и звѣрямъ. — «Возвѣстите трубнымъ гласомъ во всей земли вашей, и освятите лѣто, пятьдесятое лѣто, и разгласите оставленіе на земли, всѣмъ живущимъ на ней: ни сѣяти, ниже жати будете, еже само произникнетъ на ней, и да не обьемлеше освященныхъ ея, но да ясти будутъ убозіи языка твоего; останки же да снѣдятъ звѣріи дикіи, тако да сотвориши винограду твоему, и масличію твоему» (*). Въ это пятьдесятое лѣто, отпускали рабовъ на волю, прощали долги и совершали очищеніе отъ грѣховъ.—Пятьдесятъ лѣтъ раздѣляли на семь седьмицъ, седьмой годъ именовался *суббота* и *покой*, и всегда онъ приходилъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ. «Да возвѣстите лѣто покоя въ седьмый мѣсяцъ, сіе есть въ сей сентемврій, то бо есть седьмый отъ марта, иже первымъ есть отъ бытія міра» (**). Самые язычники праздновали сентябрь мѣсяцъ,

---

(*) Лев. кн. XXV, ст. 9—11. Исх. кн. XXIII. ст. 11.

(**) Лев. кн. XXV. ст. 3, 4 и 9.

ибо съ перваго числа его вели индиктіонъ (пятьнадцати-лѣтнее счисленіе).

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ оканчивалось лѣто и начиналась осень, тогда и самая природа повсюду измѣнялась. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ собирали хлѣбъ съ полей и плоды съ садовъ, люди оканчивали всѣ работы сельскія и веселились послѣ тягостныхъ трудовъ, и въ томъ мѣсяцѣ праздновали ветхозавѣтныя и гражданскія событія,—вотъ почему въ послѣдствіи времени стали весть новый годъ съ перваго сентября, котораго начальный день есть праздникъ *Симеона перваго столпника,* совершаемый донынѣ нашей Церковью (*) и извѣстнаго въ простонародіи подъ именемъ *Семена лѣтопроводца,*

(*) Симеонъ родился въ Сисанѣ, Киликійской странѣ отъ христіянскихъ родителей Сусотіона и Мароы. На тринадцатилѣтнемъ возрастѣ онъ внималъ пѣнію и чтенію блаженнаго Ѳеодорита, и потомъ удалился въ монастырь, гдѣ въ короткое время выучилъ на изустъ весь Псалтырь. На 18-лѣтнемъ возрастѣ онъ былъ уже многотерпѣливый инокъ, и однажды въ недѣлю принималъ пищу. Умерщвляя тѣло свое отъ волненія страстей, онъ обязалъ себя колючей финиковою веревкой, отъ бедръ до шеи, и послѣ десяти дней появились на тѣлѣ раны, а въ костяхъ черьви, которые, во время хожденія, падали съ него и наполняли воздухъ смрадомъ. Онъ оставилъ монастырь, и скитаясь по горамъ и пустынямъ, поселился въ одномъ безводномъ колодезѣ, вмѣстѣ съ гадами. Отсюда онъ перешелъ на гору, близь селенія Талонисъ, и прожилъ въ келіи,—выдолбленной изъ одного камня,—три года. Тамъ онъ постился. Отсюда онъ перешелъ

потому что съ симъ днемъ оканчивалось лѣто, и начинался новый годъ. Онъ былъ у насъ торжественнымъ днемъ празднованія, и предметомъ разборовъ срочныхъ условій, собираній оброковъ, податей и личныхъ судовъ. В. К. Іоаннъ III велѣлъ всѣмъ имѣющимъ жалобу являться *на судный срокъ* въ Москву,—въ день Симеона лѣтопроводца.—Тогда же онъ казнилъ вятскихъ измѣнниковъ.—Если воеводы, окольничіе, волостели и старосты, не могли рѣшить тяжебныхъ дѣлъ или осудить уличенныхъ въ преступленіи; то рѣшались въ Верховной Думѣ, часто самимъ Царемъ, почему и говорили *рѣшилъ Богъ, да Государь.* Уличенному въ преступленіи объявлялся приговоръ, обыкновеннымъ выраженіемъ: *пойманъ ты есть Богомъ и Государемъ*

на высшій холмъ, и чтобы никогда не сходить съ него, онъ приковалъ цѣпью ногу свою къ камню и очи свои возводилъ на небо,—молясь мысленно. Когда распространилась объ немъ слава, тогда стали стекаться къ нему, даже изъ далекихъ странъ, и всѣ недужные получали отъ него изцѣленіе. Блаженный былъ тревожимъ посѣщеніемъ народа, и желая успокоить себя отъ него, онъ поставилъ въ 6 локтей въ вышину столпъ, на немъ келію въ два локтя, и сталъ первый проводить здѣсь время въ постѣ и молитвѣ, потому онъ называется *первый столпникъ.* Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, благочестивые люди выстроили ему столпъ, и возвели въ высоту на 36 локтей, наконецъ окружили двумя каменными оградами. На столпѣ онъ стоялъ 80 л., и скончался на 103 г. отъ своего рожденія. Питался однимъ медовымъ сотомъ и водою.—См. Четью-минею, сентяб. 1.

Великимъ, отъ чего вошло въ пословицу: *вѣдаетъ Богъ да Государь.* Неявившіеся къ отвѣту въ срокъ, признавались виновными, и давалось знать о томъ воеводамъ, намѣстникамъ и проч. правительственнымъ лицамъ, о приведеніи въ исполненіе наказанія, что называлось: *чинить правежъ.* Оправданному въ преступленіи, давалась *правая грамота.* Для явленія на судъ, опредѣлялось три срока въ году: Рождество Христово, Тройцынъ день и Семеновъ день. Къ Семенову дню вносились оброки крестьянскіе, пошлины и срочные платежи. Царь Іоаннъ IV тоже опредѣлилъ срочный оброкъ, въ день Семена лѣтопроводца. Царь Борисъ Годуновъ постановилъ послѣдній переходъ земледѣльцевъ къ первому сентября, повелѣвъ, чтобы послѣ этого срока записать ихъ за тѣми владѣльцами, на землѣ коихъ они жили (*). Царь Василій Шуйскій подтвердилъ его распоряженіе, во всей силѣ. Замѣчательно еще, что въ прежній новый годъ, Годуновъ вѣнчанъ на царство, а Царевичъ Ѳеодоръ Алексѣевичъ объявленъ, отцемъ его Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, наслѣдникомъ престола.

Встрѣча новаго года, въ первое сентября.

На канунѣ новаго года благовѣстили повсюду въ Москвѣ, и отправляли вечерню по уставу.

(*) Судебн. Царя Іоанна Васильевича.

Патріархъ облачался и служилъ молебенъ; всѣ стояли съ зажженными свѣчами. Въ заутреню раздавался снова благовѣстъ, а послѣ заутрени благовѣстили въ *валовой* колоколъ (въ главной). До полудни народъ стекался на Ивановскую площадь,—между Архангельскимъ и Благовѣщенскимъ соборами. Тамъ ставили два налоя съ паволоками; на одномъ изъ нихъ лежалъ образъ Симеона Столпника. По правую сторону отъ Благовѣщенскаго собора, устроивали для Царя мѣсто съ паволоками, а другое для Первосвятителя, съ коврами. Патріархъ Филаретъ, отецъ вѣнцѣноснаго Михаила Ѳеодоровича, совершалъ торжественное моленіе. — По отслуженіи утренней обѣдни въ Успенскомъ соборѣ, выносили Св. образа и хоругви, чрезъ западныя двери; Патріархъ шествовалъ въ великолѣпной одеждѣ, со всѣмъ духовенствомъ, останавливался предъ церковными воротами на востокъ, и начиналъ молитвословіе: «о еже благословити Господу вѣнецъ лѣта, благостію своею». Послѣ молитвословія Царь цѣловалъ Св. Евангеліе, а потомъ Патріархъ благословлялъ его осѣненіемъ Животворящаго Креста, и спрашивалъ о его здоровьи. За тѣмъ оба отправлялись на красную площадь, въ сопровожденіи священнаго пѣнія и безчисленной толпы народа. Тутъ начиналось молебствіе съ водоосвященi-

по окончаніи его, Патріархъ привѣтствовалъ Монарха: «Государь, Богомъ вѣнчанный! Царь и Великій Князь, обладатель многихъ Государствъ и Самодержецъ всея Россіи! Въ настоящій день новаго лѣта мы молились Соборомъ о вселенскомъ устроеніи и благосостояніи Святыхъ Божіихъ церквей, о вашемъ многолѣтіи, Государь, бояръ, Христолюбивомъ воинствѣ и о всемъ Православномъ Христіанствѣ, и чтобы Господь Богъ даровалъ Вамъ, Великому Государю, и Христолюбивому нашему воинству: крѣпость, храбрость, побѣду и одолѣніе видимыхъ и невидимыхъ враговъ; возвысилъ бы Васъ Господь Богъ надъ всѣми иноплеменными народами, покорилъ бы къ стопамъ Вашимъ всякаго супостата, и царство устроилъ бы во благоденствіи. Дай Господи, чтобы Вы, Государь, наслаждались здоровьемъ съ Государынею Царицею и со всѣмъ Вашимъ домомъ, со всѣмъ освященнымъ соборомъ, боярами, Христолюбивымъ воинствомъ и со всѣми Православными Христіянами. Здравствуй Государь, въ нынѣшній годъ и на многія лѣта!» Поздравивъ Царя съ новымъ годомъ, Патріархъ окроплялъ его Святой водою, и возвращался въ Успенскій соборъ для совершенія обѣдни. Государь же поздравлялъ всѣхъ окружающихъ его и народъ, который отвѣчалъ гро-

могласно: «здравствуй на многія лѣта, надёжа Государь!» Послѣ сыпали въ толпу народа мелкія деньги; богатые люди разсылали, по странноприимнымъ домамъ, милостыню; другіе посылали отъ себя кушанье, всякаго рода хлѣбы: калачи, коржи, пироги, пряники и проч.; снабжали съ изобиліемъ жизненными припасами, надѣляли бѣдныхъ одеждою и пріютомъ, и новый годъ ознаменовывался благочестивыми дѣлами.—Колокольный звонъ Ивана Великаго возвѣщалъ о наступленіи новаго года, въ продолженіе цѣлаго дня. Встрѣча новаго года совершалась съ таковымъ же обрядомъ до временъ Петра I, который въ послѣдній разъ торжествовалъ въ 1699 г., по древнему обычаю, на большой Ивановской площади. Онъ сидѣлъ на престолѣ, въ царскомъ одѣяніи, и принималъ поздравленіе отъ Патріарха Адріана, придворныхъ, гражданскихъ, военныхъ чиновъ и всего народа.—Одинъ нѣмецкій путешественникъ, бывшій въ Москвѣ въ царствованіе двухъ Государей: Іоанна и Петра, описываетъ встрѣчу новаго года слѣдующимъ образомъ: «на Кремлевской площади сидѣли оба Царя, на своихъ престолахъ, въ драгоцѣнныхъ одеждахъ; ихъ окружали бояре и народъ. Патріархъ взошелъ на возвышенное мѣсто, окропилъ ихъ и все собраніе св. водою,

далъ Государямъ цѣловать крестъ, и пожелалъ имъ долголѣтія и счастливаго царствованія. — Потомъ обратился къ народу, поздравилъ его съ новымъ годомъ и просилъ Божіяго благословенія во всѣхъ добрыхъ дѣлахъ. Народъ отвѣчалъ: «аминь! аминь! (воистину, воистину).» — Бояре, сановники и присутствовавшіе иностранцы спѣшили поздравить Царей съ новымъ годомъ. По принятіи поздравленій, Цари возвратились въ Кремлевскій дворецъ (*).

Съ истеченіемъ XVII ст., прекратилось празднованіе Царями новаго года, среди своего народа; но Церковь донынѣ празднуетъ новолѣ-

---

(*) Aufang von der Knusischen oder Moshowitischen Religione. Leipzig. 1698 г. Древ. Вивл. Ч. VI. с. 163. Чинъ лѣтопровожденія, изд. 1788 г.; Требникъ мірскій 1639 года. Wichhart: Moshowitischen Beschreibung in dem Fahr 1675., с. 76 — 82, говоритъ между прочимъ, что на Кремлевской площади, при пожеланіи Патріархомъ долгоденствія царственному дому, въ-присутствіи многочисленнаго духовенства, государственныхъ чиновъ, иностранныхъ Посланниковъ и народа, играла музыка; что Царь Алексѣй и Патріархъ цѣловали взаимно другъ у друга руку; что Евангеліе, которое держали два Митрополита предъ Патріархомъ, было цѣною въ 170,000 червонцевъ; что послѣ поздравленія Патріархомъ, ближній Бояринъ Никита Ивановичъ Одоевскій приносилъ поздравленіе Царю, съ первостепенными Боярами и Князьями; за ними поздравляли Государя Митрополиты, а наконецъ и все духовенство.

*

тіе въ первое сентября, которое между народомъ превратилось въ *бабье лѣто*, сопровождаемое особыми своими забавами и увеселеніями.

Обычай поздравленія другъ друга съ новымъ годомъ появился у насъ не ранѣе XVII в. До сего времени онъ составлялъ церковный и торжественный обрядъ для Царей, коихъ наши Святители поздравляли всенародно на Красной площади. Князь Курбскій, любимецъ Іоанна IV и бѣжавшій потомъ отъ его гнѣва въ Польшу въ половинѣ XVI в., охуждаетъ обычай поздравленія съ новымъ годомъ, считая оный противнымъ Христіянину, и думаетъ, что это поруганіе, а не оказываніе чести. «Неистовъ тотъ, говоритъ Курбскій, кто поздравляетъ человѣка, найлучшее созданіе Божіе, съ бездушнымъ новымъ годомъ.... Годы и времена, назначенныя на служеніе человѣку, суть бездушныя. Какъ можно желать здоровья человѣку, безчувственными предметами? — Перекрестись, образумься, прокляни дьявола и впредь не поздравляй.» (*)

Нигдѣ не господствуетъ въ такой степени поздравленіе съ новымъ годомъ, какъ въ Россіи. Люди всѣхъ возрастовъ и сословій спѣшатъ

(*) Сказанія Кн. Курбскаго Ч. II, изд. 1833. с. 210—211. Записки Курбскаго, изданныя подъ именемъ *Сказаній*, есть полезный и добросовѣстный трудъ, Профессора Устрялова.

наперерывъ принесть взаимное поздравленіе съ наступившимъ новымъ годомъ и съ желаніемъ новыхъ благъ.

Поселяне равномѣрно встрѣчаютъ новый годъ поздравленіями, и канунъ его провожаютъ пирушками. Въ орловской губерніи, подъ новый годъ, рѣжутъ годовалаго поросенка и жарятъ. Вечеромъ садятся за столъ и всего непремѣнно съѣдаютъ. Этотъ поросенокъ называется *касарецкимъ*, по имени праздника въ честь Василія Кесарійскаго.—Вмѣняютъ всѣмъ въ обязанность пить во время ужина водку, чтобы прогнать старый годъ.

Новый годъ съ 1700 г., января перваго.

Съ 1700 г. введенъ у насъ нынѣшній новый годъ. — Введеніе новаго года повелѣвалось начать повсюду торжественнымъ молебствіемъ, съ колокольнымъ звономъ, пушечною и ружейною пальбою, и чтобы всѣ, съ наступленіемъ праздника, поздравляли другъ друга; въ Москвѣ же приготовлялись встрѣтить его съ особыми обрядами. Наканунѣ новаго года улицы посыпали ельникомъ а домы украшали зелеными вѣтьвями. Въ полночь начались во всѣхъ церквахъ всенощныя, а поутру обѣдни, послѣ которыхъ отправлялось молебное пѣніе, при колокольномъ звонѣ, съ испрашиваніемъ благословенія Божіяго на новоначинавшійся годъ. Въ то время, бывшее въ Москвѣ

войско, выступало строемъ изъ разныхъ частей города и шло съ распущенными знаменами, барабаннымъ боемъ и воинскою музыкою въ Кремль. Государь, разставивъ войско на Ивановской площади, отправился со всѣмъ дворомъ и вельможами, одѣтыми въ великолѣпныя одежды, въ Успенскій соборъ, для слушанія Божественной литургіи, которую отправлялъ рязанскій Митрополитъ Стефанъ, со всѣмъ духовенствомъ; по окончаніи службы онъ говорилъ проповѣдь, доказывая ею необходимость таковой перемѣны. Послѣ проповѣди, святитель Стефанъ со всѣми архіереями и многочисленнымъ духовенствомъ, совершалъ благодарственный молебенъ съ коленопреклоненіемъ. При возглашеніи Монарху и всему Царскому дому многолѣтія, начался колокольный звонъ во всей Москвѣ, пушечная пальба и троекратный бѣглый огонь отъ разставленныхъ полковъ. Государь поздравлялъ всѣхъ съ новымъ годомъ, и самъ отъ народа принималъ поздравленіе. — Потомъ онъ угостилъ пышнымъ столомъ первенствующее духовенство и всѣхъ знатныхъ Русскихъ и иностранныхъ особъ. Послѣднія находились за столомъ съ своими женами и дочерьми; во время обѣда играла музыка, сопровождаемая хоромъ придворныхъ и патріаршихъ пѣвчихъ. Для народа

были выставлены предъ дворцемъ и тріумфальными воротами разныя кушанья и чаны съ пивомъ и виномъ. Ввечеру всѣ улицы и домы были освѣщены разными огнями и прозрачными картинами, а немного позже, предъ дворцемъ и въ разныхъ частяхъ города, сожжены фейерверки и потѣшные огни, въ сопровожденіи многочисленныхъ пушечныхъ выстрѣловъ. Потомъ во дворцѣ былъ великолѣпный балъ и ужинъ, и симъ заключилось торжественное введеніе новаго года.—Народъ сначала смотрѣлъ съ удовольствіемъ на забавы потѣшныя, но послѣ онъ и многія знатныя стали роптать, не понимая: какъ Государь могъ перемѣнить теченіе солнца! Въ предположеніи, что Богъ сотворилъ весь міръ въ сентябрѣ мѣсяцѣ, недовольные нововведеніемъ долго оставались при своемъ мнѣніи считая новый годъ по древнему обычаю (*).

Значеніе года неопредѣлено на славянскомъ языкѣ. У русскихъ, богемскихъ и вендскихъ Славянъ, онъ называется единообразно годомъ. У Венедовъ годъ собственно значитъ праздникъ, у Поляковъ, *рокъ* значитъ годъ и время неизбѣжное, судьбу или участь. У нихъ глаголъ rokować, доселѣ значитъ догадывать-

---

(*) Голик. Дѣян. П. В. ч. 2. с. 2—6.

ся, гадать по выводамъ или заключеніямъ, потому что на новый годъ производились гаданія. Есть еще польское слово gody, и значитъ пиръ. Нѣкоторые изъ нашихъ писателей думаютъ, что gody былъ народный увеселительный праздникъ, какъ святки. — Но ни по какимъ народнымъ событіямъ не видно, чтобы gody когда нибудь праздновался, или образовалъ какой нибудь праздникъ, и даже урочное увеселеніе, какъ святки, которые у всѣхъ Славянъ доселѣ составляютъ празднество. Другіе стали производить годъ отъ godzic— примирять, договариваться о цѣнѣ. Но и это не справедливо.

Годъ дѣлится нынѣ на четыре части времени: зиму, весну, лѣто и осень; но прежде наши предки раздѣляли его на зиму и лѣто, или на зимнее и лѣтнее время. У древнихъ Германцевъ годъ раздѣлялся на зиму, весну и лѣто; первая часть времени почиталась у нихъ *священною*, потому что тогда отправляли важнѣйшіе праздники въ честь кумировъ. Съ развитіемъ гражданской образованности это раздѣленіе измѣнилось.

У насъ существовало долгое время *пролѣтіе*, т. е., первые три весенніе мѣсяца, и съ марта начинался пролѣтній мѣсяцъ. Въ честь его праздновали *авсень*, *овсень* или *таусень*,

который въ послѣдствіи перешелъ на новый годъ. Самое же лѣто, въ древности, заключалось въ нынѣшнихъ трехъ весеннихъ и трехъ лѣтнихъ мѣсяцахъ,—послѣдніе шесть мѣсяцевъ заключали зимнее время. Потомъ наши предки, усвоивъ слово годъ отъ своихъ собратій Славянъ, приняли его не въ смыслѣ праздника, но въ значеніи всего годичнаго времени, а лѣто, какъ его часть.

Обрядныя дѣйствія въ новый годъ, между Славянами.

Временныя измѣненія въ природѣ подали поводъ къ ознаменованію ихъ разными пиршествами и обрядными дѣйствіями. Новый годъ или новое лѣто принадлежитъ къ числу гражданскихъ праздниковъ.—Кто не провожаетъ стараго и не встрѣчаетъ новаго года съ особою радостію! Иному прошлый годъ былъ несчастливъ, но и тотъ его провожаетъ, въ надеждѣ найти въ новомъ счастіе для себя. Другой радовался и наслаждался всѣми земными благами и встрѣчаетъ новый годъ съ трепетнымъ волненіемъ: таковъ ли онъ будетъ для него и теперь? Перебирая въ своемъ умѣ всѣ счастливыя и несчастливыя выполненія, всякой ждетъ и желаетъ лучшаго въ новомъ. Всѣхъ чувства заняты тревожными гаданіями. Человѣкъ постоянно стремится къ осуществленію своихъ надеждъ, и каждый новый годъ да-

скаетъ его желанія и воображеніе наступленіемъ счастливой будущности.

У многихъ вошло въ обыкновеніе провожать старый годъ пирушками. Наканунѣ новаго и въ самый новый годъ, обдариваютъ дѣтей незначительными подарками. Слугъ и бѣдныхъ людей дарятъ въ тоже самое время. Чиновные осыпаются Монаршими милостями,— повсюду радость и надежда на новое лучшее.

Эпоха этого времени совершается точно также у всѣхъ европейскихъ народовъ.

Всѣ Славянскія племена праздновали, съ незапамятныхъ временъ, новый годъ. У Чеховъ, Сербовъ и Болгаровъ: *ходити по коледе*, значило поздравлять съ новымъ годомъ, за что получали подарки; у Словаковъ *коледовать*, значило благословлять въ новый годъ; у Кроатовъ, Босняковъ и другихъ задунайскихъ Славянъ, *коледою* именуется подарокъ въ новый годъ; у Вендовъ *коледовати,* значитъ хожденіе дѣтей по домамъ съ пѣснями и плясками. У Поляковъ всѣ сословія принимаютъ участіе въ взаимномъ поздравленіи и обдариваніи, и это называется *коленда.* Дѣти ходятъ по домамъ и читаютъ поздравительные стихи на новый годъ, или поютъ пѣсни священнаго содержанія. Употребительнѣйшая у

нихъ доселѣ на новый годъ коленда, слѣдующая:

Nowy rok nastaje,
Ochoty dodaje,
Hej, nam hej, kolęda!
Ochoty szafarzu!
Dobry gospodarzu,
Hej, nam hej, kolęda!
Każ stoły nakrzywać,
My będziemy spiewać,
Hej, nam hej, kolęda!
Aby na tym stole
Był kapłan w rosole,
Hej, nam hej, kolęda!
Do slodyczy jarzyny
Falatek słoniny.
Hej, nam hej, kolęda!
Do kwaśniej kapusty
Dobry jęzior tlusty,
Hej, nam hej, kolęda!
Pokaż że nam laskę:
Daj gorzalki flaszkę,
Hej, nam hej, kolęda!
Nie dlugo sie bawić,
J drugę postawić,
Hej, nam hej, kolęda!
Nie bądz taki sknera,
Nakraj chleba, séra.
Hej, nam hej, kolęda!
Będziesz znakomity
Daj i talar bity,

Hej, nam hej, kolęda!
Bądz że w takim czasie
Daj i dwie kielbase
Hej, nam hej, kolęda!
Już cie odchodzimy
Za to dziękujemy,
Hej, nam hej, kolęda! (*)

Посыпаніе на новый годъ.

Въ Россіи и Малороссіи ходятъ мальчики по домамъ, еще до обѣдни, поздравлять хозяевъ съ новымъ годомъ. Въ это время обсѣваютъ ихъ ячменемъ, пшеницею и овсомъ. Малороссійскіе мальчики, съ разсвѣтомъ дня, отправляются посыпать. Для этого наполняютъ торбу (небольшой мѣшокъ) зерновымъ хлѣбомъ, и повѣсивъ на плеча, ходятъ отъ избы къ избѣ.—Войдя въ хату, мальчикъ кланяется хозяину, и потомъ посыпаетъ, приговаривая: *на счастье, на здоровье, на новое лито; роды Боже житу пшеницу и всяку пашницю.* Ихъ дарятъ деньгами или пирогами. Посыпальное зерно собираютъ съ особыми замѣчаніями, и хранятъ его до весенняго посѣва. Нѣкоторые хватаютъ бросаемыя зерна, и кто сколько заберетъ въ руку какого зерна, то выводитъ по нимъ заключеніе объ урожаѣ на своей нивѣ. — Молодые парни также ходятъ посыпать, только въ такіе домы, гдѣ находятся

(*) Paul. Pieśn lud. poslk., c. 9.

невѣсты. — Этихъ посыпальщиковъ угощаютъ съ особеннымъ радушіемъ, потому что, по замѣчаніямъ стариковъ, они приносятъ съ собою богатство дому и счастіе семейству.

Въ другихъ мѣстахъ кормятъ посыпальнымъ зерномъ птицъ, и по ихъ клеванію замѣчаютъ о будущемъ урожаѣ.

При посыпаніи произносятъ еще причитанье:

Ходитъ Илья
На Василья,
Носитъ пугу,
Дротянную;
А другую,
Жестяную.
Сюды махне,
Туды махне,—
Жито росте.
　　Божая маты,—
　　Жито жала:
Роды Боже,
Жито пшеницю,
И всяку пашницю.
　　Поздравляемъ васъ
　　Зъ праздникомъ,
　　Новымъ годомъ,
　　И зъ Васильемъ.

———

Гиля, гиля,—на Василя;
А у Василя, житня пуга.—

Куда махне,
Жито пахне.—

Въ Червоной Россіи также ходятъ мальчики, отъ самаго утра, съ разнымъ зерномъ въ мѣшкахъ. Засѣвая избу или господскія комнаты, они приговариваютъ: *на счастья, на здаровья, на новой рокъ! Роды, Боже! жито, пшеницю, всяку пашницю, въ запичку дитей копицю.*—Иные бросаютъ рожь подъ ноги проходящимъ, которые за то даютъ имъ нѣсколько денегъ, ибо встрѣча съ посыпальщикомъ въ то время, особенно съ бросающимъ рожь подъ ноги, предвѣщаетъ добрый знакъ.

Овсенъ, старинный русскій посыпальный обрядъ, и разныя названія его.

Подобный обрядъ обсѣванія сохранился въ нѣкоторыхъ мѣстахъ восточной Россіи, такъ, на-прим., въ губерніяхъ: рязанской, владимірской, симбирской, нижегородской, пензенской и саратовской—тамъ онъ именуется *авсенемъ*, *овсеномъ, усенемъ, говсенемъ, бауценемъ, баусенемъ* и *таусенемъ.* Всѣ эти слова суть испорченныя отъ мѣстнаго употребленія. Нѣтъ сомнѣнія, что они означаютъ *овесъ,* коимъ обыкновенно посыпаютъ въ то время, и самое поздравленіе по этому называется *овсеномъ.* Тамъ ходя по домамъ, обсыпаютъ овсомъ изъ лукошка или рукавицы; зерно это собираютъ для весенняго посѣва.

Овсень, въ тѣхъ же губерніяхъ, употребляется часто вмѣсто коляды. Въ этихъ мѣстахъ, по деревнямъ, начиняютъ кишки и желудки и варятъ свиныя ноги, кои раздаютъ посыпальщикамъ вмѣсто подарковъ. Молодыя женщины и дѣвицы (въ рязан. губ.) ходятъ подъ окна пѣть овсень ввечеру новаго года. Одна изъ нихъ носитъ за собою кошель, называемый махоноска, для поклажи подарковъ. Подъ окномъ или у дверей избы спрашиваютъ: прокликать ли овсень? получивъ согласіе, поютъ:

Среди Москвы,
Ворота пестры,
Ворота пестры,
Вереи красны.
Свѣтелъ мѣсяцъ
То самъ хозяинъ — сударь;
Красное солнце,
То подруга его;
Что часты звѣзды,
То дѣтки ихъ.
Прикажите, не держите,
Собаками не травите,
Подайте подачку!

Если не подаютъ подачки, то продолжаютъ:

Наша подачка,
Въ дверь не лѣзетъ,

Въ окошки не идетъ,
Самъ сударь не шлетъ.
Подайте подачку!
Кишки, желудки,
Свиныя шутки
Въ печи сидѣли
На ихъ глядѣли.
Подайте подачку!

Съ полученіемъ подачки, отвѣчаютъ цѣлымъ хоромъ: хозяина и хозяйку поздравляемъ съ праздникомъ, съ новымъ годомъ.

Овсень, овсень!
Ты ходилъ, ты гулялъ;
По крутымъ горамъ,
По святымъ вечерамъ.
Овсень, овсень!
Ты леталъ, ты порхалъ,
Къ Филимону на дворъ
Ко Прокофьевичу.
Овсень, овсень!
Ты сыскалъ, угадалъ,
На широкомъ дворѣ
Полны ведры виномъ.
Овсень, овсень!
У хозяина дворъ,
Осушенъ, омощенъ,
Чисто выметенъ.
Овсень, овсень!
Посрединѣ Москвы
У хозяина дворъ
Воротами красенъ.

Овсень, овсень!
Воротами красенъ,
Вереи ихъ пестры,
Всѣ обточенныя.
Овсень, овсень!
У Прокофьича дворъ,
Весь тыномъ затыненъ,
Серебромъ обнесенъ.

Хозяинъ открываетъ окно, смотритъ и радушно подаетъ подачку. Если она щедрая, то начинаютъ притопывать съ радостнымъ свистомъ, прищелкивать и плясать подъ пѣснь:

На дворѣ у Филимона,
Три теремчика стоятъ.
Высокіе теремочки,
О двѣнадцати вѣнцахъ.
Филимонъ сударь хорошъ,
Свѣтъ Прокофьевичъ пригожъ.
Овсень, овсень!
Свѣтъ Прокофьевичъ пригожъ.

Хозяинъ открываетъ въ другой разъ окно и говоритъ ласково: «милости просимъ, въ избу. Мы рады овсеню, гостю жданому.—Не погнѣвайтесь только, чѣмъ Богъ пошлетъ».—Они входятъ въ избу, съ похвальными припѣвами:

Первой теремъ — свѣтелъ мѣсяцъ,
Другой теремъ — красно солнце,
Третій теремъ — часты звѣзды,
Свѣтелъ мѣсяцъ — хозяинъ самъ,
Красно солнце — хозяюшка,
Часты звѣзды — ихъ дѣтушки.

Въ Муромѣ владимірской губерніи и его окрестностяхъ, толпы колядчиковъ стоятъ предъ домомъ и спрашиваютъ позволенія пѣть таусенъ. Дома ли хозяева? Спрашиваютъ колядчики.—Дома нѣтъ, отвѣчаютъ имъ.—Гдѣ же хозяинъ?—Уѣхалъ на торгъ, соли купить.—Для чего соли?—Мясо солить.—На что мясо?—Сына женить.—На что сына женить?—Чтобы пашеньку пахати, хлѣба промышляти.—

Колядчики тогда начинаютъ:

Ой тавсенъ, тавсенъ!
Мы ходимъ не гуляемъ,
Съ святымъ вечеромъ
Поздравляемъ.
Хозяинъ дома, ой дома,
Хозяинъ давай пирогъ.

Если не высылаютъ подачки, то шумятъ подъ окнами, кричатъ и грозятъ разломить двери, и вынуть изъ печи пироги.

На Васильевъ вечеръ и въ святки, старухи говорятъ причитанья дѣтямъ и дѣвицамъ:

Каледа, каледа,
Гдѣ была?
Коней пасла. —
Что выпасла?
Коня въ сѣдлѣ
Съ золотымъ чепракомъ,
Шелковой уздой.—
Гдѣ кони?

За вороты ушли. —
Гдѣ вороты?
Водой снесло. —
Гдѣ вода?
Быки выпили.—
Гдѣ быки?
Въ рощи ушли. —
Гдѣ рощи?
Черви выточили.—
Гдѣ черви?
Гуси выклевали. —
Гдѣ гуси?
Въ тростникъ ушли.—
Гдѣ тростникъ?
За лугомъ зеленымъ. —
Гдѣ луга?
Дѣвки вытоптали.—
Гдѣ дѣвки?
За мужъ пошли.—
Гдѣ мужья?
По каледу ушли. —
Гдѣ каледа?
На печи въ углу. —
Каледа, каледа!
Въ печи была. —

Коледныя причитанья часто сочиняются по произволу, и принаравливаются къ случаю.

Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ саратовской губерніи, мальчики ходятъ подъ окна и поютъ эту каледу уже съ нѣкоторыми измѣненіями.

*

Коляда въ упомянутыхъ мѣстахъ Россіи такъ искажена народомъ, что она иногда поется на Васильевъ вечеръ, какъ обыкновенная коляда, а иногда замѣняетъ посыпальный обычай. — Такое ощутительное измѣненіе приписать должно мѣстнымъ обыкновеніямъ.

Въ пензенской губерніи, въ вечеръ предъ новымъ годомъ, ходятъ мальчики и дѣвушки и кричатъ подъ окошками:

Таусень! таусень!
Кишки да лепешки, свиныя ножки,
Кто подастъ, тотъ золотой глазъ,
А кто не подастъ, собачій глазъ.

Изъ окошка подаютъ жареную кишку, или сдобную лепешку.

На канунѣ новаго года, женщины саратовской губерніи хвалынскаго и петровскаго уѣздовъ, сносятъ огромный *ометъ* (кучу) соломы, и зажигаютъ его посреди улицы. Горящій ометъ называется тогда *костромою*, которая окружается дѣвушками и ими величается:

О свѣтъ, моя кострома!
У костромушки головушка болитъ,
У костромушки бѣло лице горитъ.

Ходятъ еще подъ окнами съ кошелемъ и поютъ таусенъ.—Подошедши къ окну, спрашиваютъ: старый русинъ! не кричать ли таусенъ? — Если хозяинъ согласенъ, то поютъ:

Таусенъ, таусенъ?
Дома ли хозяинъ?
Таусенъ!
На базаръ уѣхалъ,
Таусенъ!
Топорикъ купить,
Таусенъ!
На что топорикъ?
Таусенъ!
Дровцы рубить,
Таусенъ!
На что дровцы?
Таусенъ!
Пивцо варить,
Таусенъ!
Сына женить,
Таусенъ!

Летѣла пава,
Таусенъ!
Чрезъ наши поля,
Таусенъ!
Роняла перья,
Таусенъ!
Кому перья брати?
Таусенъ!
На что перья?
Таусенъ!
Шапочку шити,
Таусенъ!
Перьями пушити,
Таусенъ!

На что шапочку?
Таусенъ!
На базаръ ѣхати,
Таусенъ!
Топорикъ купить,
Таусенъ!
Дрова рубить,
Таусенъ!
Пиво варить,
Таусенъ!
Мосты мостить,
Таусенъ!
Кому мостами ѣздити?
Таусенъ!
Царю Государю,
Таусенъ!

Если вмѣсто словъ: Царю Государю, говорятъ—молодцу удальцу, тогда прибавляютъ:

На чемъ ему ѣздити?
Таусенъ!
На сивинькой свинки.
Таусенъ!
Чѣмъ погоняти?
Таусенъ!
Живымъ поросенкомъ,
Таусенъ!

По окончаніи таусенъ, приговариваютъ:

Кишки да лепешки
Свиныя ножки,
Въ печи сидѣли,
На насъ глядѣли,
Въ кошель захотѣли.

Хозяинъ подаетъ кишку, лепешку и свиную ножку, нарочно для нихъ заготовленныя.

Въ балашовскомъ уѣздѣ поютъ таусенъ, въ вечеру новаго года. Толпа мальчиковъ и дѣвушекъ сговаривается: къ кому итти прежде?—Пойдемъ къ Онуфричу: онъ вѣдь барана рѣзалъ ныньче, а потомъ зайдемъ къ Сидорычу, и т. д.: они знаютъ, гдѣ что стряпалось. По-очереди подходятъ къ воротамъ, и спрашиваютъ:

Чанны ворота!
Посконна борода!
Кричать ли Таусинъ!

Получивъ позволеніе хозяина, поютъ:

Кишки да желудки,
Таусинъ!
Въ печи то сидѣли,
Таусинъ!
На насъ то глядѣли,
Таусинъ!
Въ кошель захотѣли.
Таусинъ!
Стояла тутъ сосна,
Таусинъ!
На соснѣ то пава,
Таусинъ!
Пава то упала,
Таусинъ!
Перья разроняла,
Таусинъ!

Кому эти перья брать?
Таусинъ!
Кому подбирать?
Таусинъ!
Хозяину дома, Онуфричу,
Таусинъ!
На что ему перья?
Таусинъ!
Шурьевъ то дарити,
Таусинъ!
Шурья то спѣсивы,
Таусинъ!
Съ коней не слѣзаютъ,
Таусинъ!
Сапогъ не ломаютъ,
Таусинъ!

Во время таусена, нѣкоторые изъ поющихъ пляшутъ; потомъ кричатъ хозяину дома:

Чанны ворота!
Посконна борода!
Честь была тебѣ предложена,
Теперь подавай кишки да ножки,
Въ заднія окошки,
Въ честь любимой сношки,

если есть у хозяина сноха; въ противномъ же случаѣ приговариваютъ въ честь любимой дочери или самой хозяйки. Подавшаго хозяина благодарятъ, а на не подавшго закричатъ:

На слѣдующій новый годъ,
Осиновой тебѣ гробъ!

Въ кузнецкомъ уѣздѣ поютъ:

Таусинъ! подай брусинъ.
На что брусинъ?
Косу точить.
На что косу?
Траву косить.
На что траву?
Кормить коровъ.
На что коровъ?
Молоко доить.
На что молоко?
Робятъ кормить.
На что робятъ?
За жолудками ходить.
На что жолудки?
Свиней кормить.
На что свиней?
Свиныя ножки въ печи сидѣли,
На насъ глядѣли.
Таусинъ!
Старой чортъ, подай пирога,
Не подашъ пирога,
Изрублю ворота.
Таусинъ!

Вотъ еще нѣсколько овсеновъ:

Ой овсенъ, ой овсенъ!
Походи, погуляй,
По святымъ вечерамъ,
По веселымъ теремамъ!

Ой овсенъ, ой овсенъ!
Посмотри, погляди,
Ты взойди, посѣти
Къ Филимону на дворъ.
Ой овсенъ, ой овсенъ!
Посмотрѣлъ, поглядѣлъ,
Ты нашелъ, ты взошелъ
Къ Филимону на дворъ!
Ой овсенъ, ой овсенъ!
Какъ въ срединѣ Москвы
Здѣсь вороты красны,
Вереи всѣ пестры.
Ой овсенъ, ой овсенъ!
Филимоновъ весь дворъ
Обведенъ, затыненъ
Кипариснымъ тыномъ.
Ой овсенъ, ой овсенъ!
Филимоновъ то тынъ
Серебромъ обложенъ,
Позолотой увитъ.
На дворѣ у Филимонова,
Три терема стоятъ,
И свѣтленьки и красненьки
Золотыя терема.
Первый теремъ,
Свѣтелъ мѣсяцъ,
Другой теремъ,
Красно солнце;
Третій теремъ,
Часты звѣзды.
Свѣтелъ мѣсяцъ,
Хозяинъ нашъ;

Красно солнце,

Жена его;

Часты звѣзды,

Ихъ дѣтушки.

Ой овсенъ, ой овсенъ!

———

Говсенъ, говсенъ! Я тетерю гоню,

Говсенъ, говсенъ! полевую гоню,

Она подъ кустъ,

А я за хвостъ;

Мнѣ начла хвостъ,

Анъ денегъ горсть.

Колядчики стучатъ потомъ въ окошко, просятъ пироговъ и, вошедши въ избу, поютъ:

Петръ въ орду собирается.

Коледа таусень!

Александръ у ногъ увивается.

Коледа таусень!

Ты не ѣзди въ орду, не служи Королю.

Коледа таусень!

Служи бѣлому Царю.

Коледа таусень!

Ужъ какъ мнѣ ли безъ тебя,

Хлѣба соли не ѣдать.

Коледа таусень!

На постѣли не сыпать.

Коледа таусень!

Ужъ какъ спать въ тоскахъ,

На голыхъ доскахъ.

Коледа таусень!

На горячей печѣ,
На девятомъ кирпичѣ.
Коледа таусень!

Встрѣчаемыя сдѣсь слова: орда, король и бѣлый царь, показываютъ, намъ, что эта пѣснь извѣстна была во время татарскаго порабощенія Россіи.

Ай во борѣ, борѣ,
Стояла тамъ сосна,
Зелена кудрява,
Ой овсенъ, ой овсенъ!
Ѣхали бояре,
Сосну срубили,
Дощечки пилили,
Ой овсенъ, ой овсенъ!
Мосточикъ мостили,
Сукномъ устилали,
Гвоздьми убивали.
Ой овсенъ, ой овсенъ!
Комужъ, кому ѣхать,
По тому мосточку?
Ѣхать тамъ овсеню
Да новому году.
Ой овсенъ, ой овсенъ!

Выхожденіе изъ обычая посыпать.

Въ Бѣлоруссіи и Литвѣ тоже въ обычаѣ посыпать зерномъ на новый годъ. Въ Червоной Россіи самый припѣвъ и обрядъ обсѣванія во многомъ сходствуетъ съ малороссійскимъ; но нынѣ посыпаніе повсюду выходитъ изъ обыкновенія. Въ небольшихъ городахъ и по

деревнямъ встрѣчается еще, но и то рѣдко. Пройдетъ пятьдесятъ лѣтъ и, быть можетъ, этотъ обычай совсѣмъ уничтожится, и посыпальный обрядъ останется въ одномъ воспоминаніи. Его вытѣснили изъ своего круга подарки. Въ старинные годы дарили безъ различія состоянія значительными подарками, которые вознаграждали нетерпѣніе ожидавшихъ новый годъ, а нынѣ и это прекращается: оно досталось въ удѣлъ дѣтей, коихъ дарятъ книжечками, или конфектами. Эта ощутительная перемѣна показываетъ бѣдность повсемѣстную, защищающуюся свѣтскимъ приличіемъ, по формулѣ: что было хорошо въ прошлые вѣки, то нейдетъ къ нашему.

Заключеніе о новомъ годѣ.

Въ честь новаго года столько написано привѣтственныхъ стиховъ и сочиненій, на всѣхъ возможныхъ языкахъ, какими только говорилъ смертный и говоритъ нынѣ, что нѣтъ возможности исчислить ихъ. А сколько еще писать будутъ! Но сколько ни писали, всегда имѣли въ виду подарочекъ: посему новый годъ справедливо назвать можно подарочнымъ. Если-бы кому вздумалось сосчитать, сколько уже сдѣлано подарковъ въ новый годъ, съ того времени, какъ міръ стоитъ, то вѣрно бы онъ сказалъ: считайте сами, если хотите сойти съ ума.

Нынѣ каждый новый годъ заваленъ грудами визитныхъ карточекъ, коими поздравляя, желаютъ каждому счастія, почестей и богатства.

Мы желаемъ, чтобы каждый встрѣчалъ новый годъ съ золотыми подарками, возвышался въ почестяхъ и наслаждался земнымъ счастіемъ; мы желаемъ этого всѣмъ, какъ желаютъ въ поздравительныхъ стихахъ; но болѣе всего желаемъ, и просимъ Бога, чтобы Онъ посылалъ намъ Русскимъ покровителей наукъ, если не каждый новый годъ, то покрайней мѣрѣ чрезъ каждое столѣтіе.

II. Святочныя увеселенія.

Русское житье-бытье нигдѣ не просвѣчивается такъ ясно, какъ на святкахъ. Тамъ все радуется и всѣ забываютъ свое горе. Не однѣ дѣвушки, но и пожилыя женщины предаются тогда безотчетному разгулу веселости. — Здѣсь народность выказывается въ сердцѣ каждаго, и самые враги нашихъ забавъ подслушиваютъ игры, пѣсни и загадки сельскихъ дѣвушекъ. — О, какъ много красавицъ, возлѣлеянныхъ въ блестящихъ палатахъ, спѣшатъ украдкою полюбоваться неподдѣльными играми деревенской жизни!

Значеніе святокъ у нѣкоторыхъ славянскихъ племенъ.

У многихъ славянскихъ племенъ, святки не имѣютъ того значенія, какое у насъ. Нѣкоторые изъ нашихъ писателей производятъ святки, отъ балтійскаго идола Святовита, безъ всякой причины. Въ славянскихъ пѣсняхъ и поговоркахъ, донынѣ въ употребленіи имя Бога *Вита* или *Вида*, въ честь коего приносили жертвы и совершали празднества. — Рюгенскіе Славяне долго праздновали *Святовита*, за-одно съ Св. Витомъ; въ честь его жгли благоухающія деревья. Нѣкоторые обратили *Святовита* въ *витай*, означающее привѣтствіе и поздравленіе. Всѣ прибалтійскіе славяне приносили ему въ жертву медовый калачь или пирогъ, величиною въ ростъ человѣка. Арконскій жрецъ выметалъ, на канунѣ праздника, чистилище, недоступное для всѣхъ, кромѣ его одного. — Въ день праздника, онъ бралъ изъ рукъ истукана Святовита рогъ, и смотрѣлъ: есть ли въ немъ вино? — И по нему угадывалъ о будущемъ урожаѣ. Оставшееся вино выпивалъ, наполнялъ новымъ и вручалъ рогъ божеству. Потомъ подносилъ ему пирогъ и, спрятавшись за него, спрашивалъ у народа: видитъ ли онъ его? Когда отвѣчали ему нѣтъ, тогда онъ объявлялъ благословеніе божества.

Чехи имѣли *Вита* или *Витъ*. Венгерскіе Славяне сохранили пѣснь въ честь святаго *Вита* и святаго *Дюнда*.

Прійдже, шугай, прійде къ намъ,
Сама коморку мамъ.
Никто тя не збада,
А я та мамъ рада.
Прійдемъ, діовча, прійдемъ,
Веру истѣ, прійдемъ.
На Святого Вида
Чо не буде никда.

Эта пѣснь доказываетъ, что святой Витъ, который извѣстенъ подъ именемъ славянскаго апостола, не есть Святовитъ. — Названіе святокъ могло ли произойти отъ Святовита? —

Другая пѣснь въ честь *Динда* или *Дюнда*, между тѣми же Славянами, можетъ служить любопытнымъ свѣдѣніемъ объ остаткѣ язычества, вошедшаго въ хороводную забаву.

Дѣвушки становятся въ два ряда, и поютъ попеременно:

1. Гоя, Дюнда, гоя! Послала насъ Криловна.
Гоя, Дюнда, гоя!
2. Гоя, Дюнда, гоя! На что же васъ послала?
Гоя, Дюнда, гоя!
1. Гоя, Дюнда, гоя! Пре три возы каменья.
Гоя, Дюнда, гоя!
2. Гоя, Дюнда, гоя! На что вамъ каменья?
Гоя, Дюнда, гоя!

1. Гоя, Дюнда, гоя! Златѣ мосты ставити.
Гоя, Дюнда, гоя!
2. Гоя, Дюнда, гоя! Чи насъ цесь не пустатъ?
Гоя, Дюнда, гоя!
1. Гоя, Дюнда, гоя! Чо намъ за даръ несетѣ?
Гоя, Дюнда, гоя!
2. Гоя, Дюнда, гоя! Черноокe дѣвчатко.
Гоя, Дюнда, гоя!
1. Гоя, Дюнда, гоя! По бежтѣ а поспеште.
Гоя, Дюнда, гоя!

Иллирійскіе Славяне празднуютъ *Св. Вита* іюля 15 дня, и совершаютъ языческіе обычаи, употреблявшіеся при поклоненіи идолу Святовиду.

Изъ Церковной исторіи извѣстно, что возвѣстители Евангельскаго слова, измѣняя постепенно языческіе обычаи, соединили празднованіе Святовида въ одно время съ христіянскими святками, а простой народъ принялъ это за одно и тоже.

Новообращенные Славяне возсылали долго такія же молитвы Святовиду, какія самому Богу (*).

(*) Kollar: Národ. zpiew., ч. I. с. 3 и 401; Möhsen: Gesch. der Wissenschaft und der Mark- Brandenb. с. 59; Ant. Ueber die alt. Stary ч. I. с. 44, Gebh. Gesch. der Wenden ч. I. с. 25; Stredowsky: Morava sacra; Кар. И. Г. Р. т. I. с. 99 и 100; Rakowieck: Prawda Ruska, ч. I. гл. II. с. 25. —

Значеніе святокъ у Русскихъ.

Древніе Христіяне освящали всѣ торжественные праздники благочестивыми дѣлами. Государи освобождали народъ, съ Р. Х., отъ разныхъ недоимокъ, уменьшали подати, выпускали преступниковъ изъ темницъ, и проч. Пастыри наставляли людей святить праздники Господни богоугодными приношеніями. Христіане ревностно выполняли благія внушенія наставниковъ, дѣлая въ пользу страждущаго человѣчества посильныя подаянія, которыя Церковь освящала Божескими благословеніями. Эти дни, ознаменованные душеспасительными дѣлами, прослыли святками или Святыми; народъ же обратилъ ихъ въ свои забавы.

Святки, происходя отъ глагола святить, находятся въ тѣсной связи съ воспоминаніемъ о Рожденіи Спасителя міра.

Въ какое время появились святки въ Россіи? — Откуда они перешли къ намъ? — Объ этомъ нѣтъ никакихъ историческихъ свѣдѣній. — Изустные разсказы не превышаютъ древности ста лѣтъ. — Святки конечно сдѣлались извѣстными по введеніи христіанской вѣры въ Россіи, но объ нихъ ни Несторъ, ни продолжатели его лѣтописи не упомянули. — Перерывая многія Русскія лѣтописи, я не встрѣчалъ названія святокъ ранѣе XVII вѣка; исторія же

на счетъ сего предмета совершенно молчитъ.— Лѣтописцы наши, описывая событія гражданскія и церковныя, не заботились о житьѣ-бытьѣ нашихъ предковъ, а старые обычаи изчезли вмѣстѣ съ преданіями. Нынѣ собираютъ преданія, и какъ это тяжело!—Нельзя не допустить, что святки праздновались еще въ отдаленныя времена.—Хотя новый годъ считался первоначально съ марта мѣсяца, со дня Благовѣщенія; послѣ съ сентября мѣсяца, въ великокняженіе Симеона Гордаго, и наконецъ (когда Петръ В. ввелъ общее европейское лѣтосчисленіе) съ генваря мѣсяца 1700 г.: однако это лѣтосчисленіе не измѣняло святочныхъ дней; празднованіе ихъ приходилось въ одно и тоже время, какъ нынѣ. Но при всемъ усиліи, рѣшеніе вопроса о положительномъ появленіи святокъ остается невозможнымъ, по причинѣ недостатка свидѣтельствъ.

Наши праотцы, безъ сомнѣнія, праздновали святки иначе, нежели жившіе послѣ нихъ, и нежели празднуемъ мы сами. Время измѣняетъ много въ жизни. Самыя забавы и игры предковъ уже не тѣ, какія нынче. Весьма было бы полезно, если-бы можно было представить картину житья-бытья давно-минувшихъ вѣковъ: въ ней бы мы увидѣли исторію нашей народности. — Теперь, одни стараго времени люди,

утѣшаютъ насъ разсказами о быломъ, а нянюшки забавляютъ своими простодушными повѣстями о томъ, какъ припѣваючи веселились наши дѣды, и поютъ пѣсни о прошломъ по одному искаженному слуху.

Время празднованія святокъ.

Святки начинаются въ Россіи съ Р. Х. и продолжаются до крещенскаго сочельника. Съ присоединеніемъ Малороссіи къ Россіи, въ половинѣ XVII в., Малороссіяне начали мало по малу заимствовать нѣкоторые святочные обряды отъ Русскихъ.

Святки составляютъ собственно время забавъ.—Мы нигдѣ не видимъ, чтобы святки праздновались съ такой безотчетной веселостію, какъ между Русскими. Многіе славянскіе писатели, оставившіе намъ прекрасные отрывки по части древности, ничего не сообщили о святкахъ.

Предметъ святочныхъ забавъ.

Предметъ святочныхъ забавъ весьма разнообразенъ: онъ выражаетъ народное веселье и семейную жизнь въ гаданіяхъ и переряживаніи, которыя совершаются ночью, а ночи въ это время, бываютъ какъ нарочно темныя, наводящія ужасъ на самихъ участниковъ святочныхъ игръ.—Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи доселѣ думаютъ, что въ святочныя ночи бѣгаютъ черти. Въ орловской губерніи особенно опасаются чертей, и ихъ называютъ здѣсь *святошными* и *святошами*. Никто не

ходитъ ночью поздно въ гости, и никто ни за что не согласится ходить въ полночь, изъ опасенія попасться въ руки чертей.

По мѣрѣ ознакомленія Россіи съ Европою, перешли къ намъ многіе иностранные обряды и повѣрья, но есть обычаи и увеселенія, перешедшіе также отъ Грековъ и Римлянъ. По разрушеніи Западной Имперіи, Готѳы ввели въ Европу свои игры.

Нѣкоторыя изъ святочныхъ игръ суть: фанты, жмурки, жарты, наряжанье козою, журавлемъ, медвѣдемъ. — Хари, личины или маски, употреблявшіяся у насъ издревле, были преслѣдуемы духовенствомъ. Въ *Кормчей* рук. XIII в. они назывались *обличьями игрѣщь*, *ликоственникъ и наличныкъ; въ Стоглавѣ: скаредными образованіями, лицами косматыми, козлими, сатирскими, окрутами, скуратами.*—Переряживанье именовалось *москолюдствомъ* (надѣваніемъ маскъ) и *окручаньемъ.*— Архіепископъ Лука, въ поученіи своемъ XII в., запрещаетъ *москолюдствовать*, т. е., принимать нечеловѣческіе образы.

Древность славянскихъ гаданій, и чародѣйство.

Изъ всѣхъ древнѣйшихъ славянскихъ обрядовъ извѣстнѣйшіе суть гаданія. Ими прославились преимущественно ретрскія и рюгенскія женщины, за ними кіевскія, кои, чрезъ свою наклонность къ чудеснымъ предсказа-

ніямъ, прослыли въ народѣ *кіевскими вѣдьмами.*—Чудь и Финны также славились волшебствомъ, какъ въ Италіи древніе Этруриски. Несторъ разсказываетъ, что Новгородцы въ XI в. ходили въ Эстляндію, узнавать будущее отъ тамошнихъ мудрецовъ, которые водились *съ черными крылатыми духами.* — Жены производили *бѣсовскія волхвованія, искнои бо бѣсъ жену прельсти, а жена мужа. Жены волхвуютъ чародѣйствомъ и отравою.* Одинъ изъ Финновъ торжественно осуждалъ въ Новгородѣ христіанскую вѣру, и хотѣлъ итти пѣшкомъ чрезъ р. Волховъ. Народъ вѣрилъ ему, *что бози живутъ въ безднѣ, образомъ черны и крилаты, хвосты имуще.* Епископъ Ѳеодоръ стоялъ на площади съ Крестомъ въ рукахъ, и убѣждалъ Христіанъ не вѣрить Финну. Но все было напрасно! Тогда Князь Глѣбъ подошелъ къ чародѣю и спросилъ: знаешъ ли, что случится съ тобою въ этотъ день?—Волшебникъ отвѣчалъ: я сдѣлаю великія чудеса.—Неправда! возразилъ Князь, и разсѣкъ ему голову топоромъ (*).

Гаданія сопровождаются иногда пѣніемъ, а иногда таинственнымъ молчаніемъ.—Существенный предметъ гаданій, суть суженые.

(*) Кар. И. Г. Р. т. II. с. 90; Ростовская и Никонов. лѣтописи.

Дѣвушки приступаютъ къ сему съ душевнымъ волненіемъ, и только въ святочные дни, онѣ имѣютъ право сидѣть подлѣ суженыхъ, и гадать при нихъ. Матушки весело тарабарятъ про старину, грустятъ о дѣвичьемъ житьѣ, припоминаютъ прежніе счастливые годы, и шепотомъ просятъ красныхъ дѣвицъ загадать ихъ судьбу.

Изстари ведется обычай, что молодыя женщины ходятъ другъ къ дружкѣ съ работою на весь день, а въ-вечеру приходятъ къ нимъ старушки, потолковать о томъ о семъ.

Приглашеніе на святки.

Въ дружескомъ кругу всѣ были откровенны; матушки тужили, что ихъ дочери уже взрослыя, а жениховъ нѣтъ; молодыя вызывались помочь ихъ горю. Наставали святки и онѣ принимались за дѣло.

Молодыя женщины добровольно вступали въ обязанность свахъ; объ остальномъ предоставляли хлопотать родителямъ.

Богатый домъ, назначаемый сборнымъ мѣстомъ для дѣвицъ, посылалъ *нарядныхъ съ дѣломъ*, просить старыхъ и молодыхъ, посидѣть вечеромъ; но здѣсь разумѣлось просить дѣвушекъ на святочныя игры и посидѣлки. Посылаемыя съ нарядным дѣломъ, были старыя женщины и нянюшки, которыя ходили по домамъ сзывать на святки. — При приглашеніи онѣ приговаривали: *если милости вашей не*

оскорбительно, просятъ пожаловать съ братцомъ--который всегда былъ въ числѣ суженыхъ.

Нарядныхъ съ дѣломъ принимали съ поклонами и почестію и старались наперерывъ угощать. Чарка вина встрѣчала и провожала ихъ. Матушки хлопотали узнать напередъ у нарядныхъ съ дѣломъ: кто будетъ изъ молодыхъ? Но онѣ хранили глубокое молчаніе. Смѣтливая хозяйка дарила ихъ бѣлымъ платочкомъ съ красной обрубкою, или кускомъ полотна, или чѣмъ нибудь другимъ. Тогда нарядныя съ дѣломъ открывали все и обѣщались хвалить ихъ дочерей предъ прочими. Въ-вечеру появлялись *бабки-позыватки;* ихъ угощали еще усерднѣе, нежели первыхъ, потому что онѣ ходили высматривать невѣстъ. Имъ поручали бывать у сосѣдей, родныхъ и знакомыхъ, выслушивать и замѣчать о житьѣ-бытьѣ ихъ, и потомъ избирать, по своему усмотрѣнію, тѣхъ изъ дѣвицъ, которыя согласовались съ видами вечерняго общества.

Бабки-позыватки получали отъ дѣвицъ подарки, узелки съ орѣхами, пряниками и винными ягодами. Отдавая имъ, одна изъ дѣвицъ улыбалась и говаривала: вотъ тѣ, бабушка, возьми, не прогнѣвайся, внучкамъ твоимъ зубки позабавить, а тебѣ на потѣшенье.—Вѣстимо, мать моя, отвѣчала бабка-по-

зыватка, благодарствуемъ, и уходила отъ нея съ поклономъ. Обдаренная трубила по всѣмъ домамъ, о любезности и красотѣ дѣвушки, которая въ домѣ родителей сущій ангельчикъ,— а маленькія дѣтки у нея, что цвѣточки твои!

Въ иныхъ мѣстахъ, приглашенія на вечеръ происходили за нѣсколько дней, а въ другихъ, въ тотъ же самый вечеръ, смотря по дому или мѣстному разстоянію.

Приглашенные гости суетились о нарядахъ: дѣвушки примѣряли старыя платья свои и матушекъ: тогда наряды всѣхъ шли ко всѣмъ. То-то было блаженное время! Смотрѣли другъ на друга, любовались, хвалились и ожидали съ нетерпѣніемъ поѣзда.

Въ старые годы съѣзжались дѣвушки длиннымъ поѣздомъ; матушки неотлучно находились при своихъ дочеряхъ. Если же дѣвица не имѣла матушки, то ее замѣняла няня или бабушка воркунья, которая во всю дорогу толковала ей, какъ весть себя, и не крѣпко засматриваться на суженыхъ: да они, вѣдь, плуты, мать моя!—Въ первыхъ саняхъ сидѣла матушка съ дочкою, въ ногахъ повѣренная тайнъ барышни, горничная; въ другихъ саняхъ няня съ нарядными узлами. Въ третьихъ домашняя челядь, умножавшая тщеславіе ѣхавшихъ. Къ нимъ присоединялись иногда сестрицы и

братцы. Чѣмъ длиннѣе поѣздъ, тѣмъ болѣе чести для званнаго дома.—Разсказываютъ старые люди, что на святки съѣзжалось званныхъ гостей до 100 человѣкъ, и гуляли нѣсколько дней сряду. — Дѣвичьи посидѣлки превращались въ пированіе: веселились, какъ можно веселиться на свободѣ. Хозяинъ обязанъ былъ кормить и поить, не только гостей, и ихъ прислугу, которая числомъ превосходила обыкновенно въ трое противу своихъ господъ; но ихъ лошадей, и имѣть надзоръ за всѣмъ, чтобы всѣ были сыты и довольны.—Домъ таковаго хозяина представлялъ таборъ-скитальцевъ. Не только изъ окружныхъ деревень, но изъ уѣздовъ дальнихъ, съѣзжались туда.

Пріѣздъ дѣвушекъ.

Когда поѣздъ приближался къ дому, тогда выходилъ изъ саней человѣкъ, и стучалъ въ ворота; всѣ прочіе сидѣли въ саняхъ. Хозяинъ немедленно выходилъ съ хозяйкою, чтобы встрѣтить гостей и просить въ теплыя комнаты. Гости чинно входили; молились сначала иконамъ, а потомъ сыпали взаимныя привѣтствія. Гостей просили присѣсть, они отказывались; прозьбы повторялись, но они все отказывались, пока не устанутъ стоя, и сами сядутъ. — Дѣвушки входили въ покои молча, съ особенной робостію, и только отвѣчали на привѣтствіе дочери хозяйской, которая,

изъ уваженія къ богатому поѣзду, выходила въ большія сѣни на встрѣчу, съ своими сѣнными дѣвушками и нянями. Пока матушки усаживались, дѣвушки заводили между собою разговоры, мѣнялись частыми поцѣлуями, садились по мѣстамъ и молчали. — Прислуга между тѣмъ выбирала изъ саней господскіе узелки, сносила ихъ въ отдѣльную комнату, и заваливала углы всякой всячиною.

Если матушки пріѣзжали сюда за тѣмъ, чтобы посмотрѣть, какія собирались дѣвушки, и потомъ оставить гостить одну свою дочь; то онѣ поручали имѣть надъ нею попеченіе дѣвушкѣ-ухаживалкѣ, которую не оставляли безъ подарковъ.

Матушки оставляли своихъ дочерей съ крѣпкимъ наказомъ, какъ весть себя, и прощались съ ними со слезами. Хозяйка старалась утѣшить мать говоря: э, матушка, не всё съ доченькой жить; не всё глядѣть на душку, красавицу ненаглядную. Угостимъ и потѣшимъ, мать моя. Потѣшимъ дѣвицъ разными затѣями, а вось не благословитъ ли Богъ и погулять намъ на свадебкѣ.—Послѣднія слова произносились шепотомъ. Но дѣвушки догадывались, о чемъ шла рѣчь, и лица ихъ покрывались румянцемъ стыдливости.

Дѣвушки, не бывъ никогда знакомы между собою, успѣвали въ нѣсколько минутъ сдружиться; называли одна другую милою подруженькою; сѣнныя дѣвушки величали ихъ красными дѣвушками.

Угощеніе. Званыхъ красавицъ угощали сушеными плодами, пряниками и взваромъ; накармливали вареньями и печенымъ, и укладывали ихъ спать на пуховыхъ подушкахъ, покутомъ въ одной комнатѣ. Нянюшки и сѣнныя дѣвушки расказывали имъ поочередно сказки: про жаръ птицу, семь жениховъ-молодцевъ, похожденіе Іеруслана Лазаревича и проч. Когда замѣчали, что красавицы начинаютъ засыпать, тогда совѣтовали имъ помнить, что приснится, а чтобы незабыть сна, не подкладывать правой руки подъ голову.

Едва начинало разсвѣтать, какъ все въ домѣ поднималось и суетилось: хозяйка отдавала приказанія на кухнѣ, что готовить къ завтраку для барышень. Завтракъ по обыкновенію состоялъ изъ взвару, пирожковъ съ сухими плодами, изъ молочныхъ калачей, яицъ въ смятку, молока, творогу, смѣтаны и т. п.; чаю и кофе тогда не знали. Всякъ старался поставить на столъ яствъ, сколько можно болѣе, не разбирая, что идетъ и что нѣтъ, лишъ были бы онѣ сытыя и здоровыя. Это было главнымъ условіемъ и

заботою хозяйки, потому что хорошо поѣсть и попить, составляло необходимую гастрономическую принадлежность нашихъ предковъ.

Вставаніе дѣвушекъ.

Сѣнныя дѣвушки приготовляли для своихъ барышень платья. Подходили по нѣскольку разъ къ дверямъ на цыпочкахъ, чтобы провѣдать: не проснулись ли онѣ? Имъ строго запрещалось будить, пока сами не встанутъ. Солнце давно взошло. Хозяйка, которая долго ожидала ихъ пробужденія, потому что завтракъ уже былъ готовъ, подходила къ дверямъ, отворяла по-немногу, и слушала какъ онѣ шепотомъ пересказывали другъ дружкѣ свои сновидѣнія; до слуха ея доходили полувнятныя слова: ахъ, моя подруженька! Тяжелый мой сонъ, не къ добру онъ.—И мой тяжелый, говорила другая.— Мой суженый не будетъ сюда, говорила третья; и мой тоже, я не увижу его болѣе!—Но все ли то правда, что во снѣ пригрезится?—Разговоръ дѣвицъ прекращался съ появленіемъ хозяйки: онѣ поскорѣе укутывались одѣялами. Пора вамъ, красныя дѣвушки, вставать, говорила хозяйка, окруженная нянюшками и сѣнными дѣвушками.

Пора, мои голубушки, ягодки малиновыя, продолжала няня, пора! Ужъ ваши суженые давнымъ давно встали, а вы еще въ постели. Чай не добрый сонъ? Разскажи.—Настойчивая

няня не отходила отъ красавицъ пока онѣ не разскажутъ ей про сонъ, и она толковала его, по большей части, въ добрую сторону.

Дѣвушки красавицы набрасывали на себя слегка спальнее платье, и потомъ умывались ключевой, холодной водою; румянецъ игралъ по всему лицу,—куда ваши розы! Волосы подбирались подъ ленту, рукава рубашки заворачивались. Въ плѣнительномъ уборѣ простоты, онѣ обращались къ образу Спаса и горячо молились. Послѣ молитвы садились за уборный столикъ, передъ зеркаломъ, и разчесывали свою богатую, волнисто-русую косу. У кого коса была не длинная и не русая, та, въ глазахъ своихъ подругъ, теряла очаровательную прелесть. Сѣнная дѣвушка расплетала и заплетала косу; алая лента привязывалась къ ея концу. Серьги составляли необходимую часть украшеній. Шейные наряды: жемчужныя нитки, повязки изъ жемчугу, въ видѣ широкой тесьмы, золотые парчевые или бархатные малиновые нарукавники, составляли предметъ роскоши. Бѣлая косынка, малиновый сарафанъ, бѣлые кисейные накрахмаленные со сборами рукава, длиною въ два аршина, а шириною въ аршинъ и болѣе, кастровые или тонкіе нитяные чулки, сафьянные башмаки на высокихъ деревянныхъ каблукахъ, кисейная фата на кокошникѣ,

душегрѣйка шелковая или бархатная, — вотъ простой, но милый уборъ нашихъ прабабушекъ.

Одѣвшись, красавицы собирались въ одну общую комнату, гдѣ подавали имъ завтракъ. Сюда никто не могъ входить изъ мущинъ, кромѣ горничныхъ нянюшекъ и свахъ-похожалокъ, кои обыкновенно приходили съ порученіями отъ матушекъ: не былъ ли кто изъ суженыхъ? что снилось? не скучно ли имъ безъ нихъ? и т. п. А нянюшки держали узлы съ гостинцами, кои состояли изъ орѣховъ, изюму, винныхъ ягодъ, варенья, сушеныхъ сладкихъ плодовъ, моченыхъ яблокъ, грушъ, сливъ и пряниковъ. Углы комнатъ были ими завалены; но хозяйка сердилась, что присылали гостинцы: у насъ дискать будто нечего ѣсть! Нянюшки успокоивали ее, приговаривая: красныя дѣвушки любятъ полакомиться; не сердитесь, матушка сударыня. Вѣстимо, у васъ всего вдоволь, но ужъ такъ водится: дѣтей какъ ни корми, они все не прочь отъ игрушекъ. А красныя дѣвушки, пока еще не любятъ, тоже дѣти.—Нянюшки отдавали дѣвицамъ гостинцы, которые наперехватъ вырывались ими изъ рукъ, и съ такимъ усердіемъ, что забывали даже спросить про здоровье родныхъ. Хитрыя посланницы наблюдали за каждымъ поступкомъ, за каждымъ словомъ барышень, и

Гостинцы.

не упускали имъ пересказывать, какъ грустятъ по нихъ родные. Слезы навертывались на глазахъ дѣвушки, и когда бывало расплачутся подруженьки, тогда стоило великаго труда утѣшить ихъ. Если посланница замѣчала, что подруженька скучаетъ, или что ей не нравится званое общество; то объ этомъ немедленно узнавала матушка дочери ненаглядной; она пріѣзжала за нею и отвозила тотъ же часъ, подъ предлогомъ, что по ней соскучилась, или что ей привидѣлся недобрый сонъ.

Препровожденіе времени.

До съѣзда гостей, подруженьки предавались пріятному препровожденію времени. На большомъ дворѣ стояли ледяныя горы, и саночки-самокаточки, окрашенныя разными цвѣтами. Ворота большаго двора запирались накрѣпко запорами, чтобы никто не смѣлъ входить сюда. Дѣвушки, безъ дальнихъ чиновъ, своzили свои саночки на гору, и съ нея скатывались отлично. Случалось порой перевернуться,—нянюшки и сѣнныя сей часъ на помощь: поднимаютъ, голубятъ красными словцами, обвязываютъ полотнянымъ платкомъ голову, и боль прошла. Сдѣлалась ли на рукѣ опухоль, или на другомъ мѣстѣ, высасываютъ ея языкомъ, или дѣлаютъ припарки.

Наскучивъ катаньемъ, занимались бросаніемъ другъ въ дружку снѣгомъ, или дѣлали снѣжныя

изображенія, представлявшія дорогія для ихъ сердца воспоминанія. Если морозъ загонялъ ихъ въ комнаты, то онѣ приготовлялись къ вечернимъ гаданіямъ, а покамѣстъ препровождали время въ кусаніи орѣховъ, лущеніи сѣмянъ, кушаньи сластей, и разговаривали о предстоящихъ играхъ.

Гости.

Вечеромъ начинали съѣзжаться званые гости. Морозный скрыпъ саней возвѣщалъ хозяину издали о прибытіи гостей. Хозяинъ и хозяйка спѣшили встрѣтить ихъ у крыльца. Дѣвушки выбѣгали сюда посмотрѣть: не пріѣхали ли съ ними суженые? Важныхъ сажали на почетныя мѣста, прочіе сами усаживались. — Старики сидѣли на деревянной лавкѣ, на первомъ мѣстѣ, за простымъ деревяннымъ столомъ, покрытымъ камчатной скатертью; въ концѣ лавки помѣщался хозяинъ. — Въ такомъ порядкѣ усаживались и барыни. Румяная и дородная изъ нихъ принималась хозяйкою съ низкими поклонами; ея усаживали на почетномъ мѣстѣ; съ лѣвой стороны располагались прочіе гости. Только старики и пожилыя женщины могли говорить; всѣ прочіе должны были слушать, не перебивать и не вмѣшиваться въ разговоръ, пока ихъ не спросятъ.

Молоденькія женщины и дѣвушки, потупивъ глаза въ землю, клали на колѣна руки,

сводили пальцы съ пальцами, вертѣли и хрустѣли ими; другія водили пальцемъ около руки, и забавлялись перебираніемъ пальцевъ, что называлось переборочкою. Это было похвальнымъ тогда дѣломъ, потому что оно относилось къ скромности и стыдливости.

Матушки гордились дочерьми, а братцы хвалились повсюду. Суженые садились по угламъ, и высматривали барышень украдкой.—Считалось неблагопристойностію смотрѣть въ глаза дѣвушки, и сидѣть молодому мущинѣ наровнѣ съ нею. Это значило нанесть позоръ семейству. Когда дѣвушки соскучивались отъ переборочки, тогда онѣ могли перешептываться между собою и выбѣгать, для развлеченія, въ другую комнату за гостинцами, или чтобы пошептать съ нянюшками.—Домашняя прислуга стояла за дверями, и порой высовывала головы, изъ любопытства.

Усѣвшіеся чинно гости щеголяли другъ передъ другомъ своими одеждами. Мущины держали въ рукахъ высокія бобровыя, или лисьи съ соболевой опушкою шапки; наряжались въ собольи или лисьи шубы, крытыя персидской пестрой матеріею; рукава у нихъ были широкіе и длинные, воротникъ стоячій съ серебряною и золотою застежкой; любимый кафтанъ былъ синій и голубой, съ золотыми остроконечными пуговицами, почти во всю дли-

ну кафтана, который подпоясывался краснымъ малиновымъ шелковымъ поясомъ, съ висячими напереди концами. Выстроченные сафьяные сапоги были на высокихъ желѣзныхъ или серебряныхъ подковахъ, съ рипами. Носили широкія рукавицы, обстроченныя бисеромъ. Рубашка была бѣлая выстроченная, съ высокимъ стоячимъ или откладнымъ воротникомъ. Шею повязывали бумажнымъ цвѣтнымъ платкомъ. Носовой бѣлый платокъ, вышитый краснымъ шелкомъ, клался за пазуху; строчные концы торчали изъ-за груди. — Одежда была въ то время одинакая для всѣхъ, и отличалась только богатствомъ. — Тоже самое можно сказать и о женскомъ уборѣ. Шили широкое и длинное платье, и чѣмъ оно было шире и длиннѣе, тѣмъ почетнѣе. Головной уборъ состоялъ изъ кокошниковъ, коими славились московскія, калужскія, тульскія и орловскія женщины. Донынѣ орловскіе кокошники въ большой извѣстности. Они дѣлались изъ разноцвѣтныхъ матерій, бархатные, малиновые съ золотою окромкой, съ бисернымъ и жемчужнымъ узорочьемъ, — но это было отличіемъ знатныхъ и богатыхъ людей. — Серьги и жемчужныя нитки на шеѣ, носили боярскія жены. — Епанчи, сарафаны и собольи шубы такія же носили, какъ и дѣвицы.

*

Усадивъ гостей, хозяинъ подносилъ чарку вина прежде всѣхъ *почтеннѣйшему*. Онъ просилъ его выпить за здоровье съ особымъ почтеніемъ; хозяйка держала подносъ и кланялась ему въ поясъ, величая полнымъ именемъ. *Почтеннѣйшій* гость вставалъ съ лавки и выпивалъ по немногу, съ важной медленностію, желая здоровья всему дому хозяина. Особымъ считалось уваженіемъ, когда подносила хозяйка. Гость, вставая съ мѣста, кланялся ей, и потомъ раскланивался по обѣ стороны. Тогда вставали всѣ гости, и не прежде садились, пока не усадится важный гость. За нимъ подносила хозяйка остальнымъ гостямъ по порядку. Молодые мущины и женщины не смѣли пить; имъ дозволялось только прикасаться къ чаркѣ губами и пожелать здоровья. За то они выходили въ другую комнату, когда мучила ихъ жажда. Тутъ ихъ угощали изъ темнаго стакана крѣпкимъ медомъ, а случалось, и крѣпкой наливкою. Потомъ хозяйка обносила гостей, приготовленными на деревянныхъ тарелкахъ лакомствами, которыя потомъ ставились на столѣ въ безпорядкѣ. Чего тамъ не было? орѣхи каленые и простые всѣхъ названій, пряники вяземскіе, крендели смоленскіе, коровайники, папушники, медовые пироги, яблошники, постила, яблоки моченые и

свѣжіе, сухіе сладкіе плоды, варенья изъ вишни, смородины, малины, крыжовника, морошки, брусники, клюквы и проч. На другомъ столѣ находились, въ глиняныхъ закупоренныхъ кружкахъ, наливки: сливянка, вишневка, клубниковка, малиновка и превосходная рябиновка; душистые меды: красные, бѣлые и мартовскіе; пиво красное, черное и бархатное. — Тогда не знали ни заморскихъ винъ, портящихъ желудокъ и здоровье, ни зловредныхъ конфектовъ, истребляющихъ зубы. Тогда жили по-своему и всѣ были здоровы. — Если хозяинъ и хозяйка замѣчали, что гости не ѣдятъ и не пьютъ, то они приступали къ нимъ съ поклонами, и не прежде переставали кланяться, пока не станутъ ѣсть и пить. Чинились ли гости? хозяйка жаловалась, что они ничего не ѣдятъ, и сама насыпала имъ въ руки орѣхи, ягоды и т. п. Хозяинъ также не переставалъ потчивать, сначала чаркой, а потомъ кубкомъ или стопою (*).

Домашняя прислуга, стоявшая толпою у дверей, не прислуживала: вся забота лежала на хозяинѣ. — Прислуга успѣвала заранѣе на-

---

(*) Вмѣстимость кубка и стопы, была неодинаковая. При бракосочетаніи В. К. Іоанна III., кубокъ вмѣщалъ полтора ведра вина, а стопа болѣе двухъ ведръ. Угощальный кубокъ въ два стакана, а стопа въ три.

пиваться зеленаго вина (зеленчаку), а сѣнныя дѣвушки крѣпкихъ медовъ. Все ходило мыслетями. Гостямъ не давали отдыха: они должны были пить и ѣсть, этимъ только доказывали особое уваженіе дому. — Дѣвушки угощали сами себя. Суженые смотрѣли на нихъ изъ-подлобья, перебирая пальцами пуговицы на кафтанахъ, или поправляли свои длинные курчавые на головѣ волосы.

Пѣніе славы.

Вино скоро разшевеливало сердечушки; самая строгая молчаливость забывалась. Неприступные и важные до того гости, дѣлались разговорчивѣе: шутили, смѣялись, а наконецъ принимались пѣть подблюдныя пѣсни. —

Подблюдными онѣ называются по той причинѣ, что ихъ пѣли, и теперь поютъ, за столомъ при кушаньи. Я назвалъ ихъ пѣніемъ славы, потому что каждый стихъ оканчивается припѣвомъ: слава.

Новыхъ подблюдныхъ пѣсней мы не имѣемъ, а потому помѣщаются здѣсь старыя, какія пѣли наши предки. Они пѣли отъ избытка радости и удовольствія, а мы, очужеземленные заморскими вычурами, повторяемъ ихъ пѣсни. Наши бояры, князья и знаменитые сановники не чуждались народныхъ увеселеній, и народъ соперничествовалъ въ томъ съ ними. Знатные люди собирались, въ старые годы,

чтобы повеселиться; нынѣ собираются большею частью для того, чтобы провести ночь за картами. Что скажетъ объ насъ потомство? Оно скажетъ, что мы открыли въ картахъ новый путь къ истребленію просвѣщенія. Больно, когда объ этомъ подумаешъ!—Посмотрите, какъ забавлялись прежде на святкахъ. Знатные гости первые заначинали пѣть славу всему тому, что было достойно славы, что было славно.— Нашъ Бѣлый Царь, всегда драгоцѣнный для русскаго сердца, привѣтствовался прежде всѣхъ:

Слава Богу на небѣ,
Слава!
Государю нашему на сей землѣ,
Слава!
Чтобы нашему Государю не старѣться,
Слава!
Его цвѣтному платью не изнашиваться,
Слава!
Его добрымъ конямъ не изъѣзживаться,
Слава!
Его вѣрнымъ слугамъ не измѣниваться,
Слава!
Чтобы правда была на Руси,
Слава!
Красно солнце свѣтило,
Слава!
Чтобы Царева золота казна,
Слава!

Была вѣкъ полнымъ полна,
Слава!
Чтобы большимъ рѣкамъ,
Слава!
Слава неслась до моря,
Слава!
Малымъ рѣкамъ до мѣльницы,
Слава!
А эту пѣснь мы хлѣбу поемъ,
Слава!
Хлѣбу поемъ, хлѣбу честь воздаемъ,
Слава!
Старымъ людямъ на потѣшенье
Слава!
Добрымъ людямъ на усмѣханье
Слава!

Славу поютъ всѣ безъ различія, примѣняя ее къ предмету и обстоятельствамъ. Дѣвушки краснѣли, когда гости просили ихъ пропѣть, молодыя женщины понимали, къ чему клонилось прошеніе, начинали пѣть, и своими намеками о суженыхъ, забавляли все общество.

Замужество съ ровнымъ.

Катилось зерно по бархату,
Слава!
Еще ли то зерно бурмитское,
Слава!
Прикатилося зерно къ яхонту,
Слава!
Крупенъ жемчугъ съ яхонтомъ,
Слава!

Хорошъ женихъ съ невѣстою,
Слава!
Кому мы спѣли, тому добро,
Слава!
Кому вынется, скоро сбудется,
Слава!
Скоро сбудется, не минуется,
Слава!

Три послѣдніе стиха присоединяются не только къ подблюднымъ пѣснямъ, но большею частію по-произволу къ игорнымъ и гадательнымъ.

Пѣніе славы въ честь дѣвицы невѣсты:

Дѣвичье прошенье.

Идетъ кузнецъ изъ кузницы,
Слава!
Несетъ кузнецъ три молота!
Слава!
Кузнецъ! кузнецъ! ты скуй вѣнецъ,
Слава!
Ты скуй вѣнецъ, и золотъ и новъ,
Слава!
Изъ остаточковъ золотъ перстень,
Слава!
Изъ обрѣзчиковъ булавочку.
Слава!
Мнѣ въ томъ вѣнцѣ вѣнчатися,
Слава!
Мнѣ тѣмъ перстнемъ обручатися,
Слава!
Мнѣ тою булавкою убрусъ притыкати,
Слава!

Исполненіе желанія молодыхъ.

Родители любятъ дочерей своихъ, а еще болѣе любятъ видѣть ихъ счастливыми. Съ какою радостію поютъ они согласіе и любовь молодыхъ!

Летитъ соколъ изъ улицы,
Слава!
Голубушка изъ другой,
Слава!
Сизыми крыльями обнималися,
Слава!
Ужъ и имъ добрые люди дивовалися,
Слава!
Какъ соколъ съ голубкой уживалися,
Слава!
Кому мы спѣли, тому добро,
Кому вынется, тому сбудется,
Тому сбудется, не минуется.

Во время пѣнія, держащая блюдо дѣвушка, даетъ кому нибудь изъ загадавшихъ, положить подъ платокъ руку и потомъ велитъ вынуть вещь на-удачу. Чья вещь вынется, тому спѣтая пѣснь служитъ предвѣщаніемъ.

Другія поютъ эту пѣснь иначе:

Летитъ соколъ изъ улицы,
Слава!
Голубушка изъ другой
Слава!
Слеталися цѣловалися,
Слава!

Сизыми крыльями обнималися,

Слава!

Кому мы спѣли, тому добро,

Слава!

Кому вынется, тому сбудется,

Слава!

Тому сбудется, не минуется.

Слава!

Дѣвушкамъ не суждено вѣчно жить въ родительскомъ домѣ. *Замужество.*

Грустно! но грустнѣе быть одинакой.

Ласточка, ласточка!

Слава!

Не вѣй гнѣзда въ высокомъ терему,

Слава!

Вѣдь не жить тебѣ здѣсь и не летывати.

Слава!

Сердце дѣвушки, вѣщунъ,—оно не обмануло́сь, ожидая суженаго.

Ты мати, мати, порода моя!

Слава!

И ты выгляни, мати въ окошечко,

Слава!

И ты выкини, мати, опутинку,

Слава!

Чтобы было чѣмъ опутать ясна сокола,

Слава!

Что ясна сокола, то мово жениха.

Слава!

Замужество за милымъ.

Ахъ ты гнутое деревцо, черемушка,
Слава!
Куда клонишься, туда склонишься,
Слава!

Суженой.

Сердце дѣвушки грустить: оно ищетъ суженаго, мысленно готовитъ ему полотенце и постель:

По огороду хожу, полотенцы стелю,
Слава!
Я еще похожу, я еще постелю,
Слава!

Снимаетъ колечко, катаетъ его и идетъ за нимъ:

Покачу я колечко кругомъ города,
Слава!
А за тѣмъ колечкомъ, я сама пойду,
Слава!
Я сама пойду, мила друга найду,
Слава!
Мила друга, суженаго.
Слава!

Подъ первой пѣснью разумѣютъ замужество съ милымъ, а подъ другою отъѣздъ.

Красныя дѣвушки сидѣли, какъ на иголкахъ, когда имъ пѣли про будущую ихъ долю; онѣ переставали играть въ переборочки и не смѣли поднять своихъ глазъ. Не однѣ онѣ терпѣли, но и самые суженые:

Скачетъ груздочекъ по ельничку, *Исканіе боярышній.*

Слава!

Ищетъ груздочекъ бѣляночку,

Слава!

Не груздочекъ то скачетъ, дворянской сынъ,

Слава!

Не бѣляночку ищетъ, боярышню,

Слава!

Суженые посматривали на своихъ красавицъ, не смѣя говорить; но разгулье поющихъ вызывало новыя пѣсни:

Я брошу подушечку черезъ ворота, *Отрокъ съ отрочицею.*

Слава!

Ты поди, моя подушечка, черезъ ворота,

Слава!

Что черезъ ворота во высокъ теремъ,

Слава!

Изъ высокаго терема на тесовую кровать,

Слава!

Да кому на той подушечкѣ спать, почивать,

Слава!

Спать отроку съ отрочицею,

Слава!

Еще молодцу съ дѣвицею.

Слава!

Хозяинъ радовался, что его гости веселились и снова подносилъ по чаркѣ вина. Если онъ не догадывался, то пѣли: *Подчиваніе.*

Чарочка поплывушечка,

Слава!

До чего тебѣ доплывати?

Слава!

Князьямъ и боярамъ вино подносить.

Слава!

Подобнымъ образомъ поются, со словомъ слава, всѣ нижеслѣдующія пѣсни:

Исполненіе желанія.

Стоятъ санки снаряженыя
И полостью они подернуты.
Только сѣсть въ сани, да поѣхати.

Отъѣздъ.

Саночки, самокаточки!
И сами катятъ, сами ѣхать хотятъ.

По огороду хожу, полотенцы стелю,
Я еще похожу, я еще постелю.

Будущая прибыль.

Растворю я квашонку на донышкѣ,
Я поставлю квашонку на столбушкѣ,
Я покрою квашонку чернымъ соболемъ,
Опояшу квашонку краснымъ золотомъ.
Ты выйди моя квашонка полнымъ полна,
Полнымъ полна, со краями ровна.

Богатство.

Щука шла изъ Новгорода,
Она хвостъ волокла изъ Бѣла озера.
Какъ на щукѣ чешуйка серебряная,
Что серебряная, позолоченная,
А головка у щучки унизанная.

Замужъ изъ-за денегъ.

Я на корытѣ сижу, я корысти гляжу;
Я еще посижу, и еще погляжу.

И я глядь поглядь, корысть на дворъ,
Корысть на дворъ, сто рублей на столъ.

Ахъ сѣй, мати, мучицу, пеки пироги!
Какъ къ тебѣ будутъ гости нечаянные,
Какъ нечаянные и невѣданные,
Къ тебѣ будутъ гости, ко мнѣ женихи;
Къ тебѣ будутъ въ лаптяхъ, ко мнѣ въ сапогахъ.

Замужество съ дворяниномъ.

Вился, вился ярый хмѣль,
Около тычинки серебряныя!
Такъ вилися князья и бояре
Около дѣвицы, красной души.

Замужество съ чиновникомъ.

Ужъ какъ на небѣ двѣ радуги,
У богатого мужика двѣ радости:
И онъ сына-то женитъ,
Дочь за мужъ отдаетъ.

Свадьба.

Ужъ какъ кличетъ котъ кошурку въ печурку спать:
Ты поди, моя кошурка! въ печурку спать.
У меня у кота есть скляница вина,
Есть скляница вина и конецъ пирога;
У меня у кота и постеля мягка.

Дѣвушкамъ замужество, а холостымъ женидьба.

У Спаса въ Чигасахъ за Яузою,
Живутъ мужики все богатые,
Гребутъ золото лопатами,
Чисто серебро лукошками.

Замужество съ богатымъ.

Иные разумѣютъ подъ сею пѣсныю смерть пожилымъ, а не замужнимъ бракъ, но это не-

правильно: самое содержаніе выражаетъ богатство, а не смерть. Значеніе же золота и серебра употребляется въ гаданіи вмѣсто богатыхъ жениховъ.

Несчастіе.

Жемчужина окатная!
До чего тебѣ докатитися?
Пора тебѣ выкатитися,
Князьямъ и боярамъ на шапочку.

Великое богатство и счастіе.

Идетъ кузнецъ изъ кузницы,
Шубенька на немъ худенькая;
Одна то пола во сто рублей,
А другая пола въ тысячу,
А всей шубеньки цѣны нѣту:
Цѣна то ей у Царя въ казнѣ,
У Царя въ казнѣ въ золотомъ дворцѣ.

Забавы и разставанія.

Подблюдныя пѣсни пѣли по произволу: иногда прежде дѣвичьихъ игръ и гаданій, а иногда послѣ потѣхъ, которыя состояли въ плzскахъ, разсказахъ, прибауткахъ, сказочкахъ и наряжаньи. Не было правила для веселья: все зависѣло отъ расположенія духа гостей; но хозяинъ, чтобы болѣе развеселить ихъ, вводилъ въ комнату наряженыхъ шутовъ. Скоморохи выдумывали забавные наряды, чтобы поразсмѣшить. Узкіе брюки, трехугольная бумажная шляпа съ гусинымъ перомъ, длиннополый съ широкими фалдами до пядей фракъ, долгій носъ, сухощавое лице, ноги тонкія и высокія, и брюхо одавшееся

во внутрь тѣла, были изображеніемъ Нѣмцевъ. *Мой, твоя,* ходили съ низкими поклонами и ѣли траву. Другіе шуты представляли въ смѣшномъ видѣ и боярскую спѣсь, не въ бровь а прямо въ глазъ. Въ числѣ наряженыхъ находились часто самые суженые, которые принимали на себя разнообразные виды. Слѣпые лазари, одѣтые въ оборванное платье и съ кіемъ въ рукѣ, были суженые; они подходили къ дѣвушкамъ просить милостыню, стараясь разсмотрѣть ихъ поближе; съ намѣреніемъ вступали съ ними въ сердечный разговоръ; жаловались на тягостную судьбу, бездомную жизнь. Лазарь, бѣдный Лазарь, чего ты ищешъ? спрашивала суженая. Судьбы своей, отвѣчалъ онъ. Сердце дѣвушки сильно билось, когда она узнавала знакомый голосъ; гости старались открыть его, но приличіе не допускало. Суженому дозволялось тѣшить гостей, а невѣстамъ отгадывать. Иногда, неожиданно вбѣгала въ комнату толпа переряженыхъ мущинъ и женщинъ: лица ихъ окрашивались кирпичемъ и вохрою, а иногда вымазывались сажею; на головѣ торчалъ предлинный бумажный колпакъ, разрисованный произвольными изображеніями. Толпа начинала плясать и скакать. Къ ней принадлежали и не приглашенные гости.

Судя по разнообразію переряживаній, нельзя утвердительно сказать, какіе изъ нихъ были употребительнѣйшія. Говорятъ, что бука, коза, медвѣдь, яга-баба, плясуны и дорожные люди, употреблялись всего чаще. Бука наряжался всѣхъ забавнѣе: лице его было обмазано сажею, голова обставлена рогами, уши обвернуты лохмотьями, руки изъ соломы, ноги толстыя и кривыя, тѣло обвивалось чѣмъ нибудь косматымъ, съ привѣшенными бубенчиками; во рту онъ держалъ раскаленныя уголья, и изъ онаго выпускалъ онъ дымъ. Коза шла за букою, одѣтая въ вывороченный тулупъ, и кричала: *бя*; за нею, неповоротливый въ лаптяхъ медвѣдь, съ палкою, и ревѣлъ: его велъ Литвинъ въ своемъ народномъ платьѣ; по его требованію, медвѣдь плясалъ и дѣлалъ разныя кривлянья. Яга-баба ѣхала въ ступѣ, съ костяными ногами, помеломъ заметала свой слѣдъ и правила костылемъ. Зубы имѣла она черные и открытые, лице старое, морщиноватое; дѣлала загадки и сама отгадывала. «Загадаю я загадку, красная дѣвушка, отгадаешъ, сбудется.—Двое идутъ и двое несутъ, а самъ третъ поетъ. — Или: два кольца водитъ одинъ отецъ; кому на руку, тому всему конецъ. —Не отгадала красная дѣвица! Вѣнчаніе, красавица-душа, вѣнчаніе!»—Загадаю еще загадку. «Подъ лѣ-

Стоитъ гора, въ горѣ нора, въ норѣ жукъ, а въ жукѣ море. (Чугунъ, стоящій въ печи съ водою).

Мать толста, дочь красна, а сынъ подъ облака ушелъ. (Печь, огонь и дымъ).

Старый баринъ, кусочками валитъ. (Овинъ).

Блоха быка родила. (Рѣдька).

Два борова грызутся, промежъ ихъ пѣна валится. (Жернова).

Рѣжу, рѣжу, крови нѣту; ѣду, ѣду, слѣду нѣту. (Корабль).

Утка крякнетъ, берега звякнутъ, собираются дѣтки къ одной маткѣ. (Церковь) (*).

Загадки примѣнялись къ мѣсту и обстоятельствамъ. Яга-баба, (**) высказывая двусмы-

---

(*) Это самая малая часть загадокъ, а ихъ очень много. Должно жалѣть, что онѣ доселѣ не собраны у насъ и не объяснены.

(**) Венгерскіе Славяне произносятъ Ензи-баба.

Ензи-баба,
Стара-баба,
Ту мамъ зубъ костяны,
Дай ми занъ железны.—

У нихъ сохранилась про нея легенда. Одинъ охотникъ, который давно желалъ найти дорогу къ аду, ходилъ, искалъ и долго блуждалъ напрасно. Перезябшій и голодный онъ пришелъ въ лѣсъ случайно, разложилъ около рѣки огонь, вынулъ изъ мѣшка кусокъ солонины, продѣлъ на деревянный вертелъ и пекъ такъ сильно, что потекло изъ него масло, которое капало на подставленный имъ кусокъ хлѣба. Вдругъ онъ слышитъ, въ сторонѣ отъ рѣки, кто-то скрежещетъ зубами, и кричитъ: ой, какъ мнѣ

сленно свои загадки, обращала ихъ преимущественно на семейные домы. Если она замѣчала въ нихъ какія-либо недостатки или пороки, то никого не щадила.—Яга-баба всегда ловко отдѣлывалась отъ вопросовъ. Молодые люди подступали къ ней и спрашивали: «яга-баба, костяная нога! отъ чего болитъ голова?» Отъ того, что болитъ сердце, отвѣчала она.—Ее дергали за косу, и смѣялись надъ нею.

Наряженые важничали, и корчили знатныхъ. Къ ихъ толпѣ приставали плясуны. — Сколько сладостныхъ чувствъ въ русской пляскѣ! Это разговоръ сердца съ сердцемъ, выраженіе мысли и желаній. Почтенные гости

холодно! Ой, какъ мнѣ холодно!—Онъ посмотрѣлъ на рѣку, и видитъ стоящую тамъ женщину. Эй! закричалъ онъ ей, поди сюда и согрѣйся. Она пришла и начала грѣться. Запахъ солонины возбудилъ въ ней пріятный апетитъ. Взявъ сучекъ дерева, она пошла къ ближнему озѣру, вторкнула на сукъ жабу, возвратилась къ огню, и начала жарить ее, приговаривая:

Кому се печи печена,
  Того буде жаба;
Кому се печи жаба,
  Того буде печена.

Въ другихъ мѣстахъ утверждаютъ, что она говорила такъ:

Мнѣ се печи печена,
  А тебѣ се жаба;
Ты хцешъ иттн до пекла;
  Я сомъ Ензи-баба. —

Яга-баба разсказала ему потомъ про адъ, и указала дорогу, посовѣтовавъ, чтобы онъ прежде всего запасся мясомъ, пото-

усаживались на скамьяхъ, и смотрѣли съ невыразимымъ удовольствіемъ на пляску, которая перерывалась на-время переряжеными. Входили дорожные люди, изъ всѣхъ опаснѣйшіе для суженыхъ. Это были нарядные съ дѣломъ отъ матушекъ, чтобы высматривать и вывѣдывать разговоры суженыхъ. Они одѣвались по-просту: ходили съ палкою въ рукѣ, въ лаптяхъ и дорожномъ кафтанѣ. Лица имѣли подкрашенныя; иные изъ нихъ разыгрывали калекъ съ поддѣльными горбами, привязавъ къ спинѣ рѣшето или коробъ; иные были съ отвислыми животами, поддѣланными изъ подушекъ, и съ кривыми, уродливыми ногами. Дорожныхъ людей распрашивали про новости: гдѣ что слышно, и изъ-далека ли идутъ они? Угощали

му что змѣй, который сидитъ у входа, донесетъ его на себѣ до ада, а потомъ онъ будетъ ѣхать на лошади, и въ то время, когда змѣй раскроетъ свою пасть, бросалъ бы ему по куску мяса въ пасть, иначе сожретъ онъ его самого.—Охотникъ набралъ, сколько могъ, всякаго мяса, отыскалъ дорогу къ змѣю, сѣлъ на него и ѣздилъ на немъ по адской пропасти, бросая всякой разъ, въ раскрываемую пасть змѣя, по куску мяса. Охотникъ, осмотрѣвъ весь адъ, опять сѣлъ на змѣя и полетѣлъ изъ преисподней, но къ своему ужасу онъ увидѣлъ, что у него остается мяса немного. Онъ летѣлъ, и уже былъ недалеко отъ земли. Боясь чтобы не быть съѣдену отъ змѣя, онъ отрѣзалъ свою ногу и готовился бросить ея въ разинутую пасть змѣя, но послѣдній проглотилъ охотника со всѣмъ тѣломъ. — Kollar. Norodn. Zpiew. Ч. I. с. 12.

ихъ и вновь спрашивали: куда теперь идутъ, и какъ Богъ привелъ ихъ сюда?—Дорожные отвѣчали: слыхали мы, матушка Ивановна, что сего дня вечеръ красныхъ дѣвушекъ у боярина Ильи Артамоновича, и мы незваные пришли погрѣться; да не прогнѣвается хозяинъ, говорили они, и кланялись послѣднему въ поясъ.— Безъ васъ веселье не веселье, отвѣчалъ хозяинъ. — Не нами оно начиналось, не нами кончится, дорожные отвѣчали ему съ поклономъ. Испоконь вѣка такъ ведется на Руси: гдѣ веселье, такъ дѣвичье потѣшенье. — Вѣстимо, добрые люди, отвѣчалъ имъ хозяинъ. Сажалъ ихъ на лавку, угощалъ виномъ. Между тѣмъ шли обинякомъ разговоры о суженыхъ.

Вино текло рѣкою. Хозяинъ для поддержанія важности своего дома, не переставалъ угощать званыхъ и незваныхъ, наряженныхъ и не наряженныхъ. Тѣ, которые ничего не пили, считались важными и *непитущими* (непьющими). Если же кто изъ почтенныхъ гостей, напившись, началъ засыпать, того принимались качать на рукахъ дворовые люди, и пѣли ему: *слава.*

При наступленіи разъѣзда гостей, сговаривались у кого попировать, и новые снаряжались поѣзды. Не всѣхъ приглашали одинаково ласково. Если пріѣзжали наряженые, то тщательно старались узнавать про нихъ; когда же не бы-

ло возможности успѣть въ этомъ, то принимались качать ихъ. Подхватывая гостя на руки, раскачивали и бросали его вверхъ; потомъ опять раскачивали и бросали, при пѣніи славы, пока гость не скажется. Тогда принимались пить за его здоровье, если гость по сердцу; въ противномъ случаѣ, притворялись, что рады его пріѣзду. За здоровье боярыни, или красной дѣвушки пили изъ башмака, снявъ оный почтительно съ ноги. Это обыкновеніе перешло къ намъ изъ Польши. Считалось великою обидой, если женщина отказывалась отъ этой чести.

Нагулявшись и навеселившись, гости разъѣзжались чинно. Хозяинъ и хозяйка упрашивали ихъ посидѣть еще не множко; они отказывались; хозяинъ и хозяйка кланялись въ поясъ, но они на-отрѣзъ говорили: матушка, свѣтъ! не все пить, надо и спать. Чай пѣтухи пѣли, только черти веселятся въ полночъ. Мы же ни какіе нехристи, и ни какіе окаянные. — И знаемо, Анна Степановна, отвѣчалъ хозяинъ, перекрестя лобъ, и говоря: не при насъ будь сказано, нечистая сила давно гуляетъ въ полѣ! —

Прощанье продолжалось нѣсколько часовъ: гости присѣдали и вставали, отказывались пить на дорогу, и пили; цѣловались, обнимались, и вся-

кое объятіе скрѣплялось новою чаркою вина. Но уже нѣтъ возможности удерживать гостей: давно разсвѣло, и всѣ кричатъ: отпусти насъ хозяинъ!—Начиналось провожанье и наступало новое чмоканье: всѣ должны были перецѣловаться, разцѣловать хозяина, хозяйку и его дѣтей—что частыя звѣзды. — Двинулись санные поѣзды, а гости все кричали издали хозяину, стоявшему еще у воротъ: пожалуй, не забудь, батюшка, побесѣдовать на нашемъ вечерѣ.

У стариковъ понынѣ льются слезы, когда вспомнятъ про былое.

—

III Святочныя гаданія и переряживанія.

Подблюдное гаданье.

Святочные вечера провожались въ старые годы угощеніями, многообразными забавами и гаданіями, которыя назывались *дѣвичьимъ весельемъ.* Гости, особенно суженыя, ожидали гаданій съ нетерпѣніемъ. Къ общему желанію выдвигался столъ, накрытый бѣлой скатертью, и ставился свахою посреди комнаты. Старые люди просили молодыхъ попытать свою судьбу. Сердце дѣвушекъ сильно билось, особенно въ то время, когда няня или кто-либо изъ гостей, ставили блюдо съ водою на столъ. Всѣ усаживались около стола, молодые поглядывали. Сва-

ха собирала перстни и кольца у красныхъ дѣвушекъ и клала ихъ на столъ; придвигались тогда поближе къ столу. Красавицы стояли у блюда, или поодаль, и пристально смотрѣли на дѣйствіе свахи, которая принимала на себя важный видъ. Она клала на столъ нѣсколько угольевъ, кусокъ ржанаго хлѣба, нѣсколько кусочковъ крупной соли. Въ иныхъ мѣстахъ клались, по числу загадывающихъ, угольки, соль и хлѣбъ. Сваха прошептывала надъ ними таинственныя слова, и потомъ приступивъ къ столу, говорила: «суженаго ряженаго, конемъ не объѣдешь» и просила прочихъ гостей также вопросить судьбу о будущности своей.—Гости напередъ задумавъ, отдавали ей свои вещи, которыя складывались вмѣстѣ.

И нынѣ почти также совершаются подблюдныя гаданія, только безъ свахъ, а однѣми дѣвушками, которыя, взявъ блюдо, кладутъ въ него сначала хлѣбъ и соль, потомъ вынутую изъ печи глину и уголь, напослѣдокъ каждая, положа въ блюдо какую нибудь изъ своихъ вещей, на прим., кольцо, перстень, или что нибудь другое, и замѣтя свою вещь, загадываютъ о судьбѣ, начиная обыкновенно пѣснію хлѣбу, съ припѣвомъ къ каждому стиху: слава.

Въ прежніе годы гаданія начинали свахи пѣсныю хлѣбу и соли, за нею пѣли дѣвушки:

Хлѣбу да соли долог вѣкъ,
Слава!
Боярышнѣ нашей болѣ того,
Слава!
Кому мы спѣли, тому добро.

Послѣ этихъ словъ сваха опускала въ блюдо хлѣбъ, соль, угольки, перстни, кольца и другія вещи, и пѣла.

Кому вынется, скоро сбудется,
Слава!
Скоро сбудется, неминуется,
Слава!

Потомъ трясла блюдо и вынимала вещи. Если вынимали вдругъ два кольца, то пѣвали:

Какъ на небѣ двѣ радуги,
Слава!
А у богатаго мужика двѣ радости,
Слава!
Первая то радость, сына женитъ,
Слава!
Другая радость, дочь замужъ отдаетъ,
Слава!
Кому спѣли, тому добро.
Слава!

Изъ самыхъ важныхъ святочныхъ вечеровъ, есть Васильевъ вечеръ. Для него дѣлались богатыя семейныя собранія; тутъ ничего не щадили для угощеній, и производили всѣ

его большимъ бѣлымъ платкомъ и кладутъ на платокъ кусокъ хлѣба, и нѣсколько угольевъ; потомъ каждая изъ дѣвицъ загадываетъ кольцемъ, перстнемъ, запонкою, серьгами, и проч. Перекрещиваютъ блюдо загаданной вещью, и кладутъ каждую отдѣльно подъ платокъ. Пропѣвъ пѣснь хлѣбу, ломаютъ его и уголь на кусочки, дѣлятъ между собою, и потомъ завертываютъ въ рукахъ рубашки, съ коими должны лечь спать, и что приснится, то должно случиться. Послѣ, достаютъ каждую вещь при пѣніи славы, и толкуютъ будущую жизнь по вынутому предмету. Если съ дѣвичьими вещами вынимаются и мужскія, то поютъ:

Пошли гусли вдоль по лавкѣ,
Слава!
Впередъ по скамейкѣ,
Слава!

Дѣвушка ходитъ между рядами суженыхъ и отбираетъ у нихъ вещи:

Мы дойдемъ до умника,
Слава!
До разумника Ивана Михайловича,
Слава!
Ты пожалуй намъ умникъ,
Слава!
Съ правой руки золотъ перстень,
Слава!
Съ буйной головы золотъ вѣнецъ,
Слава!

Когда пѣли для дѣвушки, или для мущины, тогда оставляли ихъ имена.

Пошли гусли вдоль по горницѣ.
Слава!
Ай вдоль да по скамѣечкѣ,
Слава!
Дошли гусли до столечника,
Слава!
Что до дубоваго,
Слава!
Ты возьми, возьми умница,
Слава!
Съ правой руки золотъ перстень,
Слава!
Съ своей ли головы золотъ вѣнецъ,
Слава!

Дѣвушка перемѣшиваетъ вещи и беретъ одну на удачу:

Кому вынется, скоро сбудется,
Слава!
Скоро сбудется, неминуется.
Слава!

Если изъ собранныхъ вещей доставался кому нибудь платокъ, то это означало дорогу съ суженымъ.

Или:

Золотая парча развивается,
Слава!
Кому въ дорогу сбираться,
Слава!
Стоятъ сани снаряженые,
Слава!

И полостью подернуты,
Слава!
Только сѣсть, да поѣхати,
Слава!

За подблюдными пѣснями слѣдовали игры, изъ коихъ самая старинная и понынѣ употребляемая между всѣми сословіями, съ небольшими мѣстными измѣненіями, это есть: «золото хоронить». Дѣвушки садятся въ кружокъ, положивъ руки на колѣна. Одна изъ нихъ, подходя къ сидящимъ въ кружкѣ, отдаетъ тайно которой нибудь свое кольцо, а другая должна отгадывать, кому оно отдано. Отдавшая кольцо поетъ:

Золото хоронить.

И я золото хороню, хороню,
Чисто серебро хороню, хороню;
Я у батюшки во терему, во терему,
Я у матушки во высокомъ, во высокомъ.
Гадай, гадай дѣвица,
Отгадывай красная!
Въ коей рукѣ былица,
Змѣиныя крылица?

Въ это время дѣвушка ходитъ въ кругу, другія передаютъ незамѣтно кольцо, которое быстро обходитъ цѣлый кругъ или остается въ рукахъ хоронящей, иногда весьма долго, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы сбить ищущую, обманывающуюся мнимою передачею кольца:

она часто ищетъ послѣдняго у той, у другой, третьей дѣвицы, и не находитъ. Когда кольцо ходитъ по рукамъ, тогда поютъ:

Палъ, палъ перстень,
Въ калину, въ малину,
Въ черную смородину.
Гадай, гадай дѣвица,
Отгадывай красная,
Въ коей рукѣ былица.
Змѣиныя крылица?

Стоявшая въ кругу ищетъ золото по рукамъ дѣвушекъ, коихъ особая ловкость состоитъ, показавъ кольцо, успѣть вдругъ передать другимъ или скрыть его такъ, чтобы ищущая не знала, гдѣ искать. Если она отыщетъ, то схоронившая золото занимаетъ ея мѣсто, хотя бы не кончилась пѣснь. Въ противномъ случаѣ должно искать, и ходя въ кругу, пѣть:

И я рада бы гадала,
И я рада бы отгадывала,
Какъ бы знала, какъ бы вѣдала,
Чрезъ поле идучи,
Русу косу плетучи,
Шелкомъ перевиваючи.
Златомъ приплетаючи-
Охъ вы, дѣвушки!
Подруженьки (*);
Вы скажите, не утайте,

(*) Въ иныхъ мѣстахъ поютъ:
Ахъ, вы кумушки,
Вы голубушки.

Мое золото отдайте.
Меня мати хочетъ бити,
По три утра, по четыре,
По три прута золотые,
Четвертымъ жемчужнымъ.

Ей отвѣчаютъ:

Гадай, гадай дѣвица,
Отгадывай красная.

Если золото не отыскивалось, то снова:

Палъ, палъ перстень,
Въ калину, въ малину,
Въ черную смородину.
Очутился перстень,
Да у боярина, да у молодаго,
На правой ручкѣ,
На маломъ мизинцѣ. —
Дѣвушка гадала,
Да не отгадала;
Красная гадала,
Да не отгадала,
Его съѣла рыба!
Проглотила рыба
Еще соли солонку.
Наше золото пропало,
Да и порохомъ запало,
Да и мохомъ заросло.
Призаиндевѣло, призаплесневѣло.
Вечеръ, вечеръ молоденька,
Съ дворяниномъ поиграла,
Съ руки перстень потеряла.
Молодайка, отгадайка!

*

Искавшая золото нашла и тѣмъ прекращается игра. Тогда занимаетъ мѣсто та, у коей было найдено, и продолжаютъ играть прежнимъ порядкомъ.

Всѣ сословія праздновали святочные вечера, и сколько они доставляли потѣхъ, столько приносили съ собою тягостей; потому что въ семейные домы появлялись неожиданно хожалые сваты, коихъ должны были угостить. Они приходили съ порученіями высмотрѣть невѣстъ, и пригласить на вечеръ семейнаго сосѣда: посидѣть, поговорить. Хожалый сватъ одѣвался въ праздничный кафтанъ, голову приглаживалъ квасомъ, а волосы расчесывалъ въ кружокъ; шапку надѣвалъ на бекрень, и взявъ палку, ходилъ по домамъ сзывать добрыхъ людей. Пирушки, разъѣзды и приглашенія были шумныя, и въ домъ званый ѣздили семействами въ огромныхъ саняхъ. Гостей встрѣчали въ избѣ; посадскіе и простые люди подчивали стариковъ и старухъ зеленымъ виномъ; молодые угощались орѣхами, пряниками и брагою. Пѣли и плясали. Появлялись наряженые и шуты; въ числѣ ихъ скрывались суженые. Они тѣшили гостей и вступали въ разговоръ съ тѣми, кого любили. Дѣвушки и молодцы пѣли хороводныя и игорныя пѣсни. Обыкновенно начинали подблюдной пѣсныю и оканчивали

гаданіями. Подблюдныя пѣсни дѣвушекъ здѣсь были живѣе, потому что въ нихъ принимали участіе всѣ веселившіеся, старики и молодешь. Какія пѣлись пѣсни въ боярскомъ кругу, такія и между ними. Тоже самое было съ игорными пѣснями, загадками и гаданіями, съ той разницею, что въ высшемъ сословіи господствовало приличіе и вкусъ, а въ обыкновенномъ было болѣе простоты и радушія.

Мѣстное отправленіе святочныхъ вечеровъ.

Духъ веселости Русскаго проявляется на святкахъ во всѣхъ его дѣйствіяхъ: въ радостномъ разговорѣ, радушномъ пріемѣ, красивой одеждѣ и въ избѣ, оглашаемой пѣснями. Еще до наступленія святокъ, въ мысляхъ каждаго сооружается цѣлый міръ предстоящихъ забавъ: тамъ наряды, тамъ дружескія пирушки, игры и молодецкія пѣсни. Тамъ,—да всего не перечесть!...Чувство дѣвушекъ занято еще болѣе. Каждая изъ нихъ думаетъ тогда проникнуть въ свою судьбу; узнаетъ напередъ своего суженаго, узнаетъ каковъ онъ будетъ, и будетъ-ли она счастлива съ нимъ,—другая даже увѣрена, что она будетъ счастлива!—Но вотъ приходятъ святки, и мечтанія красавицъ разыгрываются сильнѣе. Тутъ все: уборы, игры, гаданія, вечерушки и посидѣлки. Самые разговоры пожилыхъ людей идутъ тогда важно, начинаются съ-высока, толкуютъ уже не о томъ, о чемъ въ простые

вечера, потому что каждый, въ своей новой и щегольской одеждѣ, представляетъ изъ себя старосту, бурмистра, приказнаго, или другаго кого-либо повыше.

Съ Рождества до крещенскаго сочельника,— періодъ собственно святокъ; тогда все наслаждается удовольствіями, особенно дѣвушки и парни; все дѣлается живымъ, игривымъ. Нѣтъ уголка въ Россіи, который-бы не встрѣчалъ святокъ съ бьющимся отъ восторга сердцемъ и не разставался бы съ ними грустно. Также нигдѣ нѣтъ столько заманчивыхъ удовольствій, какъ въ нашей столицѣ, — но увы! онѣ не русскія. Даже многаго не достаетъ въ самой матушкѣ-Москвѣ. Напрасно она хвалится и кичится, что у нее духъ чисто - русскій: нѣтъ, въ ней смѣсь, чего хотите; — старины, чванства и подражанія. — Гдѣ же старая Русь? — Въ ея Кремлѣ, монастыряхъ, церквахъ, старинныхъ зданіяхъ, кривыхъ и темныхъ улицахъ, и раскиданныхъ домахъ, выстроенныхъ словно для дачь.—Въ уѣздахъ московской губерніи, можно еще отдохнуть русской жизнію. Тамъ святки, тамъ и свои забавы! Но чѣмъ далѣе отдвигаетесь отъ Москвы, тѣмъ болѣе видите, что она, какъ старушка, только ворчитъ про свое былое; разсказываетъ тысячу разъ одно и тоже, какъ она ходила въ цвѣт-

ныхъ и парчевыхъ одеждахъ, гуляла разряженная, пировала во всемъ разгарѣ чувствъ народныхъ, тѣшилась играми, пѣснями и праздничнымъ разгульемъ. Не то нынѣ!—Въ отдаленности отъ нея, сохранилось еще много своего неподдѣльнаго: тамъ забавы и праздники, гаданія и святки, совершаются безъ всякихъ причудъ, просто, по желанію каждаго. Встрѣчается видѣть, что обыкновенія старины измѣнились довольно, однако онѣ не измѣнили общаго духа веселостей.

Въ орловской губерніи, молодые люди собираются на святкахъ въ одинъ какой-либо домъ, и тамъ поютъ пѣсни, гадаютъ, играютъ, пляшутъ, наряжаются, кто чѣмъ вздумалъ: козою, собакою, медвѣдемъ, пѣтухомъ и т. п., и ходятъ пугать по домамъ. Главныя забавы составляютъ гаданія и катанье на саняхъ, при пѣніи пѣсень. Старики проводятъ время въ разговорахъ о быломъ. Боятся веселиться за полночь, думая, что черти разгуливаютъ по перекресткамъ и улицамъ. Даже по захожденіи солнца, страшатся ходить на гумно. Простой народъ, особенно малолѣтнія, боятся въ то время попа. Когда священникъ славитъ Христа на святкахъ, тогда старухи, указывая дѣтямъ на нихъ, гро-

зятъ, что ихъ отдадутъ попу, коль скоро не перестанутъ шумѣть или плакать.

Первые дни Р. Х., въ смоленской губерніи, считаются *неприкосновенными*. Первый день проводятъ дома или у родныхъ. Второй, называемый *молодіоны* (день младенцевъ), всѣ женщины, имѣющія дѣтей менѣе годичнаго возраста, носятъ ихъ въ церковь причащать, не смотря ни на какую погоду. Это обыкновеніе, самое старинное въ этомъ краѣ, соблюдается свято. Можетъ быть, оно совершается въ воспоминаніе избіенія младенцевъ, или избавленія нашего Спасителя отъ смерти, коему поручаютъ судьбу своихъ дѣтей. — Въ третій день начинаются посѣщенія и угощенія, а тамъ ужъ наступаютъ святые вечера, въ которые никто не работаетъ: хозяйка не шьетъ, не вяжетъ, не прядетъ и не сучитъ нитокъ; хозяинъ даже не вьетъ веревокъ; ни одинъ мущина не станетъ плесть лаптей, и еслибъ имѣлъ въ нихъ надобность, то скорѣе купитъ; замужняя женщина даже не заплетаетъ косы, но расчесавъ волоса, кладетъ пластомъ вокругъ головы, и потомъ завязываетъ платокъ или наметку. Зажиточные крестьяне вовсе не занимаются работой въ святочные вечера. Если бы кто замѣтилъ о семъ кому нибудьизъ нихъ, то получилъ бы въ отвѣтъ: «помилуй! я живу дворомъ, у меня есть

скотинка: къ чему-же мнѣ гнѣвить Бога!—Вонъ, Прокопычь, прошлогодними святками вилъ веревки: у него отелилась корова, а у теленка завитыя ноги. Силичь лапти плелъ, анъ, жеребенокъ родился сплетенной, будто лапоть».—Обратитесь ли съ вопросомъ къ хозяйкѣ, она тоже скажетъ: и ахъ, сударь, что вы это? Вѣдь я замужняя.—Вонъ, у Петровичевой окатился ягненокъ: ноги согнуты, какъ петли, а вѣдь за то, что чулки вязала о святкахъ.—Сосѣдка наша стала чинить рубахи, такъ и родила нынче ребенка съ заплатою на щекѣ; а другая сосѣдка нитки сучила,—что жъ? родила дѣвочку, а у дѣвочки нога ссучилась съ рукою.—А сколько мучилась бѣдняжка!»—

Вечеринки, занимая здѣсь важное дѣйствіе въ сословіи крестьянъ и однодворцевъ, раздѣляются на *безденежныя* и *со взносомъ денегъ*. На безденежныя собираются гости, по приглашенію хозяевъ, которые подчиваютъ ихъ орѣхами, клюквою съ медомъ, и макомъ съ медомъ, и нанимаютъ музыкантовъ для плясокъ. — Вечеринка со взносомъ денегъ, составляется молодыми людьми, изъ одной какой-либо деревни. Выбравъ по общему согласію горницу, (*) просятъ у хозяина по-

(*) Чистая компата, въ коей не живутъ сами хозяева, а только принимаютъ въ ней гостей.

зволеніе сдѣлать въ его домѣ вечеринку, и потомъ отправляютъ въ сосѣднія деревни *съ вѣдомомъ*, что въ такомъ-то домѣ будетъ вечеринка. Молодежь обоего пола, запасшись кормомъ для лошадей и мелкими деньгами для музыкантовъ, съѣзжается на зовъ, пируетъ до разсвѣта; при концѣ вечеринки, музыканты подходятъ къ каждому изъ пирующихъ съ тарелкою, куда кладутъ деньги. Веселье на этой вечеринкѣ сопровождается танцами и хороводными играми, но часто выходятъ ряженые на сцену: журавль, одѣтый въ шубу, съ длинной шеею изъ шубнаго рукава и деревяннымъ носомъ. Онъ важно расхаживаетъ между гуляющими, и поклевываетъ тѣхъ, которые мѣшаютъ его длинноногой походкѣ. Тутъ гуляетъ жидъ съ бородой и пейсами (локонами) изъ льну и съ коробкою подъ мышкой. Онъ навязываетъ свой товаръ, или правитъ старый долгъ: *а кились отдась гроси, паныцю?*—Тамъ цѣлая гурьба цыганъ и цыганокъ, которые мѣняютъ вещи, продаютъ, ворожатъ и пляшутъ, съ свойственными имъ ухватками, и часто весьма забавно. Здѣсь тащится Антонъ съ козою. Его появленіе есть вызовъ къ пляскѣ. Музыканты дернутъ смычками, и пойдетъ присядка, съ припѣвомъ:

Антонъ козу ведетъ,
Антонова коза нейдетъ;
А онъ ее подгоняетъ,
А она хвостикъ подымаетъ;
Онъ ее вожками,
Она его рожками.

Сначала коза пляшетъ, потомъ упрямится. Антонъ бьетъ ее веревкою, а она бодаетъ его рогами и дрыгаетъ ногами. Приводятъ еще медвѣдя, въ вывороченной черной шубѣ. Онъ представляетъ: какъ парни ходятъ къ дѣвкамъ, какъ дѣвки крадутъ на полѣ горохъ, какъ богатый баринъ величается на кутѣ. Иногда въ веселый кругъ является смерть, одѣтая въ саванъ; голова ея повязана наметкою, глаза и носъ красные изъ свеклы; огромные клыки изъ рѣдьки. Въ лѣвой рукѣ она держитъ свѣчу со свиткомъ бумаги, или чашу съ зажженой водкою, а въ правой деревянную косу.

Когда ряженые перебываютъ, всѣ напляшутся до упаду и музыканты устанутъ играть, тогда начинаютъ порываться домой; однако тутъ еще затѣваютъ игры, окончаніемъ коихъ бываетъ женитьба *бахоря.* Онъ обыкновенно выбирается изъ пожилыхъ, и избираетъ себѣ въ жены одну изъ пожилыхъ женщинъ. Тотъ и другая представляютъ изъ себя родителей

всей играющей молодежи. Жена бахоря свиваетъ изъ полотенца жгутъ и подаетъ мужу. Ставъ въ кружокъ, молодежь поетъ подъ музыку пѣснь:

Поѣхалъ бахорька по дрова, по дрова,
А его сѣкира тупа, тупа,
А его кобыла лѣнива, лѣнива.
Не стали дрова рубиться, рубиться.
Такъ задумавъ іонъ жениться, жениться,
Чтобъ за дѣтьками лѣниться, лѣниться (*).

Въ продолженіе пѣсни, подаютъ на-крестъ другъ другу руки, и потомъ кружатся. Во время этого дѣйствія, бахорь беретъ за руку котораго нибудь сына, а мать дочь, выводятъ ихъ на сцену и заставляютъ цѣловаться. Тогда они уже женатые, и садятся по-парно. Никто изъ постороннихъ не смѣетъ разлучить ихъ. Такимъ образомъ женятся всѣ. Если сынъ или дочь упрямятся, то бахорь хлещетъ ихъ жгутомъ. Послѣ женидьбы музыканты играютъ какую-нибудь плясовую, а бахорь съ маткою пляшутъ, какъ здѣсь говорятъ, *на долгій ленъ*, и потомъ цѣлуются, показывая чрезъ то добрый примѣръ своимъ дѣтямъ. За ними пляшетъ каждая пара отдѣльно, и также цѣлуется; потомъ всѣ пары пускаются въ пляску, на подобіе экоссеса. Эта игра, позволяя нѣкоторыя воль-

(*) Послѣднія слова каждой строки поются протяжно.

ности—свободно держать руку на плечѣ, и даже обнявъ, поцѣловать—скрываетъ въ своемъ началѣ ухищренія молодыхъ людей: здѣсь они перешептываются съ бахоремъ и предварительно назначаютъ себѣ пару; бахорь передаетъ тайну своей женѣ, и такимъ образомъ сводятся пары, любящія другъ друга.

При повсюдномъ употребленіи «золото хоронить,» встрѣчаются въ большей или меньшей степени измѣненія, на-прим., въ смоленской губерніи. Тутъ, часто послѣ танцевъ или другихъ забавъ, начинаютъ золото хоронить, и обыкновенно этотъ долгъ лежитъ на хозяйкѣ или на близкой къ ней. Усѣвшись въ кружокъ, кто-либо изъ молодыхъ принимаетъ на себя обязанность отыскивать золото.

Ужъ я золото хороню, хороню,
Чисто серебро хороню, хороню;
Я у батюшки въ терему, въ терему;
Я у матушки въ высокомъ, въ высокомъ.
Думай, гадай дѣвица,
Отгадывай красная!
Въ коей рукѣ былица,
Змѣиное крылице?
Ужъ я радабы гадала,
И я рада бы отгадала,
Черезъ поле идучи,
Русу косу плетучи,
Шелкомъ увиваючи,

Златомъ приплетаючи.
Ахъ, вы кумушки, голубушки,
Вы скажите не утайте,
Мое золото отдайте.
Меня мати хочетъ бити,
По три утра, по четыре,
По три прута золотые;
Четвертой жемчужный.—2.
Съ дворяниномъ проиграла,
Вечеръ перстень потеряла.
Палъ, палъ перстень
Въ калину малину,
Въ черную смородину.
Очутился перстень:
Да у дворянина,
Да у молодаго.
На правой на ручкѣ,
На мизинномъ пальцѣ.
Дѣвушки гадали, да не отгадали,
Красны гадали, да не отгадали.
Наше золото пропало,
Чисто золото запало,
И снѣжкомъ занесло.
И заинѣло.

Въ продолженіе пѣсни, дама или дѣвица ходитъ въ кругѣ и показываетъ, будто бы она каждому отдаетъ перстень, но между тѣмъ тайно оставляетъ у кого-либо. Послѣ этого отыскиваетъ перстень молодой человѣкъ, и когда онъ не найдетъ у той особы, у кого думалъ найти, то уже не смѣетъ искать у ней

другой разъ. Онъ повторяетъ искать до трехъ разъ, но если не найдетъ въ третій разъ, то дама, хоронившая золото, женитъ молодаго человѣка, а если отыскивала золото дѣвушка, то она выдаетъ ее за мужъ. При этомъ поютъ:

На улицѣ матушка, хороводъ дѣвокъ,
хороводъ дѣвокъ!
А я у тебя, матушка,
Не женатъ, холостъ!
Не женатъ, холостъ!
Жени меня матушка,
Жени государыня. 2.

Если поютъ про дѣвушку, то прибавляютъ:

А я у тебя, матушка,
Незамужняя,
Незамужняя!
Выдай меня, матушка, за мужъ,
Выдай государыня!

Хоронившая золото беретъ молодаго человѣка или дѣвицу за руку, и потихоньку спрашиваетъ: кого хотите выбрать? Потомъ, подводя ихъ къ играющимъ, говоритъ: мнѣ удалось женить, или выдать замужъ. Теперь отгадайте, кому онъ, или она нравится? Играющіе отгадываютъ по очереди, пока не дойдутъ до особы, на которую палъ выборъ отыскать золото, а прежде хоронившая садится на мѣсто отыскивающей. Такимъ образомъ повторяется игра, по желанію.

Если перстень отыщется за первымъ или вторымъ разомъ, то особа, у которой онъ нашелся, должна искать его; которая искала, должна хоронить его; а хоронившая садится на мѣсто той особы, у которой онъ нашелся.

Въ пензенской губерніи, первые два дни Р. Х. посвящены посѣщенію родныхъ, а съ третьяго дня начинаются наряживанія, игры и гаданія, и продолжаются до крещенскаго сочельника. Въ наряживаніи бываетъ произволъ: иногда являются генералы съ бумажными звѣздами и офицеры разныхъ полковъ. Толпы наряженыхъ отправляются на званые вечера, гдѣ встрѣчаются дѣвушки переодѣтыя въ татарокъ, турчанокъ, жидовокъ и т. п. Начальная игра состоитъ въ хороненіи золота, при чемъ поютъ:

Ужъ я золото,
Хороню, хороню,
Чисто серебро,
Хороню, хороню.
Я у батюшки,
Въ терему, въ терему;
Я у матушки,
Въ высокомъ въ высокомъ.

Ищи, гадай дѣвица,
Въ коей рукѣ былица,
Змѣиное крылице?
Рада-бъ, сударь, гадати,

Черезъ поле идучи,
Русу косу плетучи,
Шелкомъ перевиваючи,
Златомъ пересыпаючи.
Ой вы дѣвушки,
Вы мои, вы мои!
Вы скажите, не утайте,
Вы пожалуста отдайте,
Мое золото пропало:
Меня мати хочетъ бить,
По три утра, по четыре,
По три прута золотыхъ,
Четвертый жемчужный.
Вечерокъ проиграла,
Съ руки перстень потеряла.
Палъ, палъ перстень,
Въ калину, малину,
Въ черну смородину.
Очутился перстень,
Да у дворянина,
Да у молодаго,
На правой на ручкѣ,
На лѣвомъ мизинцѣ.

У кого найдется перстень по окончаніи пѣсни, тотъ долженъ искать его, а хоронить тотъ, кто угадывалъ прежде. Послѣ этого играютъ въ сосѣди, наборъ и фанты, при коихъ постоянно раздаются поцѣлуи. Играютъ еще съ большимъ удовольствіемъ въ «подушечку». Одна

изъ дѣвушекъ беретъ картузъ, и надѣвъ его на голову, поетъ вмѣстѣ со всѣми:

Подушечка, подушечка,
А, ты пуховая!
Я барышня, я барышня,
Очень молодая.
Кому вечеръ, кому вечеръ,
А мнѣ вечеринка.
Кому дѣти, кому дѣти,
А мнѣ красны дѣвки.
Кого люблю, кого люблю,
Того поцѣлую;
Пуховою подушечкой,
Того подарую.

Тутъ дѣвушка надѣваетъ картузъ на кого захочетъ и цѣлуется. Если эта игра наскучитъ, то заводятъ другую. Дѣвушка беретъ палку и поетъ вмѣстѣ съ другими:

Да не то-то я катиться могу,
Да не то-то я молиться могу.
Я могу, могу по келейкѣ пройти,
Я могу, могу пивца, винца испить,
Изъ виннаго ковша,
Изъ чарочки позолоченой;
До кого-то я младешенька дойду.
Я приставлю свой костыль, (*)
Я ко золоту, ко серебру,
Ко дѣвичьему ко терему.
А сама я поскачу, попляшу,

(*) Здѣсь она приставляетъ костыль, къ кому захочетъ.

Взвеселю своихъ милыхъ гостей.
Ужъ я батюшку съ матушкою,
Роднаго братца со невѣстушкою,
А сестрицу со подруженьками.—

Забавы оканчиваются по большей части игрою «мостить мостъ»; но веселости продолжаются до крещенскаго сочельника. Въ самый день Крещенія, простолюдины считаютъ за долгъ омыться отъ святочной нечистоты, въ прорубѣ, послѣ погруженія въономъ креста. Но въ губернскомъ городѣ это не удается имъ, потому что приставляютъ особую стражу. Ускользнувшіе отъ бдительности будочниковъ, бросаются въ прорубь, за что иногда получаютъ отъ нихъ палочныя воздаянія по спинѣ. Вообще, по совершеніи водоосвященія, святочники кидаются на-перерывъ въ воду, а изъ нее устремляются опрометью въ орловскую (питейный домъ), для согрѣванія тѣла.

Но еще болѣе представляютъ разнообразія святочныя забавы вологодской губерніи, гдѣ самыя святки называются *кудесами*. На другой, но болѣе на третій день праздника, собирается молодежь на вечера, или, какъ здѣсь выражаются, на посидѣлки. Каждый зажиточный, включая сюда все купеческое сословіе и чиновничество, поставляетъ себѣ за долгъ сдѣлать въ своемъ домѣ нѣсколько посидѣлокъ,—

*

особенно у кого побольше дочерей. Послѣднія приглашаютъ къ назначенному дню своихъ подругъ и знакомыхъ. Обыкновенное время съѣзда бываетъ шестой и седьмой часъ вечера, иногда ранѣе. — Угощеніе составляютъ: чай и конфекты. Кто побогаче, у того весь столъ установленъ конфектами, вареньями, орѣхами и яблоками. — Послѣ чаю, начинаютъ вмѣсто танцевъ пѣть пѣсни, которыя ни болѣе ни менѣе какъ музыка, потому и танцуютъ подъ пѣніе. — Мущина подходитъ къ дѣвушкѣ и беретъ ее, чтобы съ нимъ играть и пѣть (*). Въ концѣ всякой пѣсни, каждая дѣвица даритъ поцѣлуемъ своего мущину, потому всѣ святочныя пѣсни здѣшняго края, направлены къ этой цѣли! Должно думать, что въ холодныхъ странахъ, на-перекоръ природѣ, кипятъ страсти. —

Вечеръ открывается этой пѣснью, которую поютъ вдвоемъ:

Леталъ голубь,
Леталъ сизой,
Съ голубушкою;
Удалой молодецъ,

(*) Брать дѣвушку при играхъ и пѣсняхъ, означаетъ здѣсь играть и пѣть съ нею, потому встрѣчаемое выраженіе въ пѣсни: *бери дѣвушку*, принимается только въ этомъ смыслѣ.

Съ красной дѣвицею.
Еслибъ эта-то голубушка,
Со голубемъ жила;
Еслибъ эта красна дѣвица,
Со молодцемъ росла;
Я бы золотомъ усыпалъ,
Жемчугомъ унизалъ;
Я бы лѣтнею порою,
Во каретѣ бы возилъ;
Я бы зимнею порою,
Въ Петербургъ городъ свозилъ:
На ямскихъ лошадяхъ,
На Казанскихъ саняхъ;
Что на кучерѣ кафтанъ,
Само-лучшаго сукна,
На дѣвицѣ сарафанъ,
Хорошо очень убранъ.
Кладу голубя на ручку
Не тряхнется;
На другую переложу,
Не ворохнется;
Скажу: шишь, голубь мой!
Полетай сизой домой,
Полетай сизой домой,
Мы простимся съ тобой.

Эта пѣснь играется очень просто. Мущины берутъ дѣвушекъ и парами ходятъ по комнатѣ; только въ концѣ, когда поютъ:

Кладу голубя на ручку

каждая пара вальсируетъ въ одну сторону, а когда запоютъ:

На другую переложу,
Не ворохнется, и т. д.,

тогда вертятся въ другую сторону. Въ заключеніе каждая пара цѣлуется, или каждый мущина цѣлуетъ дѣвушку, съ которою онъ игралъ.

Ѣду, поѣду
Въ Новгородъ гуляти,
Ахъ калина, ахъ малина!
Въ Новгородъ гуляти,
Товаръ закупати,
Ахъ калина, ахъ малина!
Товары новые,
Купцы молодые,
Ахъ калина, ахъ малина!
Куплю женѣ фатку,
Куплю коноватку,
Ахъ калина, ахъ малина!
Прими жена фатку,
Прими коноватку, (*)
Ахъ калина, ахъ малина!
Прими же, не чванься,
Много не ломайся;
Ахъ калина, ахъ малина!
Люди вы, люди,
Вы на насъ взгляните.
Ахъ калина, ахъ малина!
Вы на насъ взгляните,
Съ женой разсудите.
Ахъ калина, ахъ малина!

(*) Коноватка — шелковый платокъ, вышитый золотомъ.

Женушка не любитъ
Душа ненавидитъ,
Ахъ калина, ахъ малина!
Къ людямъ ходитъ личикомъ,
Ко мнѣ ходитъ плечикомъ.
Ахъ калина, ахъ малина!

Послѣ этого, снова начинаютъ ту же самую пѣснь; только въ срединѣ, вмѣсто:

Куплю женѣ фатку,
Куплю коноватку,

поютъ:

Куплю женѣ юбку,
Куплю парчевую.

Пѣснь эта играется слѣдующимъ образомъ: мущины ходятъ по комнатѣ, одни, безъ дѣвицъ, но когда запоютъ: «*прими жена фатку*...» тогда каждый изъ нихъ становится предъ избранною дѣвушкою на одно колѣно и даритъ ее фатою. — Она въ первые два раза отказывается отъ его подарка, и даже нехочетъ смотрѣть на него. Когда же повторяютъ въ третій разъ пѣснь, и запоютъ:

Куплю женѣ плетку,
Куплю шелковую.
Ахъ калина, ахъ малина!

Тогда она дѣлается ласковою, ходитъ уже не плечикомъ а личикомъ, и въ то время поютъ:

Женушка и любитъ,
Душа все цѣлуетъ.
    Ахъ калина, ахъ малина!
Къ людямъ ходитъ плечикомъ;
Ко мнѣ ходитъ личикомъ.
    Ахъ калина, ахъ малина!

Въ заключеніе же всѣ цѣлуются.

Черезъ рѣку, рѣку,
Лежала дощечка,
Доска дубовая,
Тоненька, гибкая;
По этой дощечкѣ,
Никто не прохаживалъ,
Ни кого не важивалъ.
Молодецъ тутъ перешелъ,
Красну дѣвку перевелъ,
Переведши цѣловалъ,
Тремя лентами даровалъ:
Перва лента алая,—
Дѣвушка-то бравая,
Другая зеленая,—
Дѣвушка хваленая;
Третья лента масака,—
Роста дѣвушка высока—
До самаго потолка.

Эту пѣсню поютъ и играютъ какъ первую.— Въ заключеніе дѣлаютъ тоже самое (цѣлуется).

Я кругъ келейки хожу,
Кругъ я новенькія,
Кругъ сосновенькія,
Младу старицу бужу:
Ужъ ты, старица, встань!
Спасеная душа, встань!
Встань, къ заутрени звонятъ,
На расходъ говорятъ:
Люди сходятся,
Богу молятся.—
Отойди прочь, пономарь,
Отойди прочь, пустозвонъ,
Не могу я встать,
Головы поднять,
Голова моя болитъ,
Худо можется,
Да не здоровится.

Потомъ начинаютъ пѣть ту же самую пѣснь, съ нѣкоторыми перемѣнами,—а именно вмѣсто куплета—

Встань, къ заутрени звонятъ—

поютъ:

Къ тебѣ молодецъ идетъ,
Чаю, кофею несетъ,
Напиться велитъ,
Позабавиться.
Ужъ какъ встать было мнѣ,
Походить было мнѣ,
Поломать костей,
Для милыхъ гостей.—

За этимъ садится на стулъ тотъ мущина, который ходилъ около ея кельи. — Тутъ подходитъ другая дѣвица, и ходитъ около кельи, прочія поютъ:

Я кругъ келейки хожу,
Кругъ я новенькія,
Кругъ сосновенькія,
Млада старца бужу,
Ужъ ты, старецъ встань! и пр.

Повторяется тоже самое, что пѣли въ первый разъ.

При пѣніи же во второй разъ, вмѣсто стиха —

Встань къ заутрени звонятъ,

поютъ:

Къ тебѣ дѣвица идетъ,
Штофъ рому песетъ,
Напиться велитъ,
Позабавиться. —
Ужъ какъ встать было мнѣ и пр.

Какъ въ первый разъ. Съ этими словами онъ встаетъ, кружится и цѣлуетъ дѣвицу, которая садится на мѣсто прежняго мущины, и потомъ другой мущина начинаетъ ходить около кельи старицы. Такимъ образомъ продолжаютъ играть до тѣхъ поръ, пока не переберутъ всѣхъ по очереди, и пока игра не наскучитъ.

Эту пѣснь играютъ такъ: по срединѣ комнаты ставятъ стулъ, на которой садится

одна изъ дѣвушекъ. Кто нибудь изъ мущинъ зачинаетъ пѣснь; въ продолженіе пѣнія онъ ходитъ вокругъ стула. Со словами же:

Ужъ какъ встать было мнѣ,

дѣвушка встаетъ со стула, оборачивается нѣсколько разъ съ мущиною, который ходилъ около ея кельи, и заключаютъ пѣснь обоюднымъ поцѣлуемъ.

Какъ на горѣ калина, (2)
Подъ горою малина, (2)
Тутъ дѣвушка гуляла, (2)
Калинушку ломала, (2)
Во пучечки вязала, (2)
Въ молодчика бросала: (2)
Ты молодчикъ молодой, (2)
Возьми меня за себя! (2)
А я тебѣ угожу, (2)
Пару коней подарю; (2)
Еще болѣ угожу, (2)
Съ руки перстень подарю; (2)
Еще болѣ угожу, (2)
Поцѣлую, обойму. (2)

Когда начнутъ пѣть эту пѣснь, тогда дѣвицы, взявшись подъ руки, ходятъ по комнатѣ; когда же запоютъ:

Во пучечки вязала —

онѣ свертываютъ свои платки, а когда запоютъ:

Въ молодчика бросала —

бросаютъ платки въ того изъ молодцовъ, который болѣе имъ нравится. Заключеніе общее съ другими пѣснями.

Поютъ еще эту пѣснь и такъ:

Какъ на горѣ, душа—радость, калина, (2)
Подъ горою, душа—радость, малина, (2)
Тутъ дѣвушка, душа—радость гуляла. (2)

Бываетъ припѣвъ еще такой:

Ну что-жъ? кому дѣло? бросала,
Ну, кому какое дѣло? бросала.

Иногда и тотъ и другой припѣвъ поютъ вмѣстѣ, или попеременно, на-пр. такъ:

Еще болѣ, душа—радость,—угожу. (2)
Ну чтожъ, . . . кому дѣло? подарю,
Ну, кому какое дѣло? угожу.—и пр.

Какъ во улицѣ во швецкой,
Въ слободѣ было нѣмецкой,
Молодой молодчикъ гуляетъ,
За собой онъ дѣвушку водитъ,
Дѣвушку, дѣвушку иноземку.
Дѣвушка рѣчь говорила,
Говорила не стыдилась:
Какъ поѣдешъ, другъ, жениться,
Приворачивай проститься,—
Привяжи коня ко кусту,
Что къ тому кусту калинѣ.
Каково кушать калину,—
Таково житье за старымъ:—
Что у стараго у мужа,
Ни грозы нѣтъ и ни воли,

От людей нѣтъ обороны,
Его люди мало знаютъ,
Господа не почитаютъ.—

Потомъ начинаютъ эту пѣсню снова, и оканчиваютъ уже:

Привяжи коня ко кусту,
Что къ тому кусту малинѣ.
Каково кушать малину,
Таково житье за ровней.
Что у ровнюшки у мужа,
И гроза есть и свобода,
Отъ людей есть оборона:
Его люди много знаютъ,
Господа всѣ почитаютъ.

Какъ по первой по поропѣ (2)
Шелъ мальчикъ хорошій, (2)
Не путемъ шелъ, не дорогой, (2)
Чужою тропою,
Онъ чужою шелъ тропою,
Чужимъ огородомъ.
Набираетъ, нажимаетъ
Комъ бѣлаго снѣгу,—
Онъ бросаетъ и кидаетъ
Дѣвушкѣ на колѣни.
Не шути бѣлой, кудрявой,
Мнѣ теперь не время.
У батюшки гости, гости,
У матушки гостьи,
У мила братца компанья,
У меня подружки.

Я съ тобою застоялась,
Подругъ растеряла;
Я подружекъ растеряла,
Тебя цѣловала.

Сначала ходятъ по комнатѣ одни мущины и поютъ. Когда дойдетъ дѣло до стиха:

Набираетъ, нажимаетъ
Комъ бѣлаго снѣгу—

они свертываютъ свои платки, и при слѣдующемъ стихѣ бросаютъ къ дѣвицамъ на колѣна, кому которая нравится. Каждая изъ дѣвицъ становится противъ того изъ мущинъ, отъ котораго получила платокъ; потомъ всѣ рядомъ подходятъ къ нимъ и поютъ:

Не шути бѣлой, кудрявой,
Мнѣ теперь не время:
У батюшки гости, гости,
У матушки гостьи;
У мила братца компанья,
У меня подружки.
Я съ тобою застоялась,
Подругъ растеряла.

Потомъ, приблизившись каждая къ своему мущинѣ, цѣлуетъ его.

Ужъ мнѣ надобно сходити до зелена луга;
Мнѣ тамъ надобно увидѣть сердечнаго друга.
Что вечеръ ко мнѣ младенкъ прилеталъ голубчикъ;
Что садился голубчикъ на мой теремочикъ.
Со моего теремочка на красно крылечко,—
Онъ со краснаго крылечка на мое окошко,

Въ первомъ часѣ полуночи, меня милый будитъ:
Встань! красавица драгая, встань! ты пробудися.
Я пришелъ къ тебѣ, вопервыхъ: отворяй мнѣ двери;
Не отворишъ, радость, двери, хоть открой окошко.
Я изъ спальни выходила, двери отворила,
Новы двери отворила, друга пропустила,
За бѣлыя ручки брала, въ уста цѣловала;
За убраной столъ садила, чаемъ напоила;
Чаемъ, кофеемъ я поила, дружку говорила:
Какъ поѣдешъ, моя радость, въ дальную сторонку,
Тамъ, во дальной во сторонкѣ ты много не хвастай.
На что мальчикъ разсердился, съ дѣвушкой разбранился,
Онъ ударилъ ручкой во столикъ, полно мила вздорить.
Пошелъ стукъ, пошелъ брякъ по моей по спальнѣ.
Что про это про несчастье, всѣ люди узнали,
Всѣ дворовые узнали, маменькѣ сказали.
Присылаетъ ко мнѣ мать, вѣрную служанку.
«Сударыня, барышня! что съ вами случилося?»
Сѣра кошечка скочила, зеркальцо разбила,
Шельма зеркальцо разбила, меня разбудила,
Меня младу разбудила, съ милымъ разлучила.

Эту и слѣдующую пѣснь играютъ одинаково: по одну сторону становятся мущины, а насупротивъ ихъ избранныя ими дѣвицы. Мущины, въ продолженіе всей пѣсни, переходятъ на то мѣсто, гдѣ стояли дѣвицы, — дѣвицы туда, гдѣ стояли мущины, и такимъ образомъ продолжаютъ переходить до конца пѣсни. Въ заключеніе цѣлуются.

Возлѣ рѣчки, возлѣ мостика,
Трава росла;
Трава росла шелковая,
Шелковая, муравая, зеленая.
И я въ три косы косила
Ради гостя,
Ради гостя, ради друга,
Ради гостя, ради друга дорогова.
Что задумалъ, моя радость,
Другъ жениться.
Онъ не хочетъ со мной бѣдной,
Онъ не хочетъ со мной бѣдненькой проститься.
Заѣзжай ко мнѣ дѣвицѣ,
Другъ проститься,
Неравно, моя надежда,
Что случится:
Черезъ рѣченьку поѣдешъ,
Другъ утонешъ;
Черезъ быстру понесешся,
Захлебнешся.
Про меня красну дѣвицу,
Другъ помянешъ:
Какова-то я младенька;
Какова я молодешенька бывала;
По утру ранымъ ранёнько,
По утру ранымъ ранешенько вставала,
На босу ножку башмачки
Надѣвала,
И на плечики салопчикъ накидала,
На головушку платочикъ
Навязала;

Встрѣтить друга дорогова
Поспѣшала.

Веселая голова,
Неходи мимо двора; (2)
Непрокладывай слѣда,
Дороженьки не тори:
Худой славы не клади.
Худа славушка пройдетъ,
Никто за мужъ не возметъ:
Ни бояринъ, ни купецъ,
Ни удалый молодецъ.
Отцу матери безчестье,
Роду-племени укоръ,
Мнѣ нельзя притти домой,
Сказать маминькѣ родной.
Скажу такъ, скажу сякъ,
Скажу эдакъ, и вотъ такъ:
Скажу въ садикѣ была,
Во зеленомъ гуляла,
Сладки яблочки щипала,
Все наливчатыя,
Милу дружку отсылала,
Во высокой во теремъ:
Милый яблочки не принялъ,
Ничего не говоритъ;
Не отказываетъ, не приказываетъ.
Ужъ я топнула ногой!
Ворочусь млада домой:
Дружку выговорю,
Въ глаза выпѣняю:
Ты послушай-ка, невѣрной,

Погадай, негодяй!
Я за что тебя люблю?
За что жаловать хочу?
Я за то тебя люблю,
Что на ноженьку легокъ,
На босу ногу сапогъ, —
Во полночь гулять готовъ.

Не спасибо игумну тому,
Не благодарствуй безсовѣстному.
Рано молодца
Въ чернички стригутъ,
Молодешенька посхимниваютъ.
Не мое дѣло къ обѣднѣ ходить,
Не мое дѣло, молебны служить;
Только мое дѣло,
Скакать, да плясать,
Игрища сбирать. —
Посашеньце подъ лавку брошу,
Черну мантію на столъ положу.
Подарю я, подарю,
Сестрицу свою
Любезненькую.

Эта пѣснь начинается тѣмъ, что одинъ изъ мущинъ, надѣвъ на голову платокъ, прохаживается вдоль комнаты и поетъ съ другими, — «Не спасибо игумну тому»... и когда дойдетъ до словъ: «Только мое дѣло скакать да плясать» — весело выплясываетъ, и въ концѣ пѣсни, цѣлуетъ избранную имъ дѣвицу. Послѣдняя встаетъ со стула и разыгрываетъ

туже самую пѣснь, съ той разницею, что дѣвица ходитъ скромнѣе и начинаетъ уже:

Не спасибо игуменьѣ той,

и оканчиваетъ:

Подарю я, подарю братца своего любезненькаго.

Въ заключеніе она цѣлуетъ избраннаго ею мущину. Эта пѣснь играется дотолѣ, пока не переберутъ всѣхъ.

Здравствуй милая, хорошая моя,
Чернобровая, нарядочная!
Вотъ лёли, лёли, лёли,
Чернобровая нарядочная!
Ужъ какъ нѣкому голубушки моей,
Приголубить, приласкать безъ меня!
Безъ тебя, мой другъ, постеля холодна,
Одѣяличко заиндевѣло.
Сголовьецо потонуло во слезахъ,
Подушечки раскидала во тоскахъ:
Все тебя, мой другъ, ожидаючи,
Свою участь проклинаючи.
Ахъ ты участь, участь горькая моя!
Пожалѣй хоть на минуточку меня.
Вдоль по улицѣ метелица метётъ,
За метелицей мой миленькій идётъ,
Во правой рукѣ гитарочку несётъ,
За собою ворона коня ведётъ,
За конемъ его любезная идётъ;
Кричитъ: молодецъ! постой, постой, постой,
Саша миленькій, гитарочку настрой,
Свою пѣсеньку любезную пропой:

*

Какъ у дѣвицы русые волоса,
И гребеночкой приколота коса,
Я за то ее цѣлую три раза.

У дѣвицы, у дѣвицы русый локонъ до плеча,
Онъ завитъ былъ со вкусомъ;
Но къ несчастію развился.
Тутъ молодчикъ подбѣжалъ,
Русый локонъ завивалъ,
Русый локонъ завивалъ,
За то три раза цѣловалъ.

Эти двѣ пѣсни играются, какъ:

Леталъ голубь,
Леталъ сизой, и т. д.

Дѣвушка голубка,
Алинькая юбка;
Дѣвушка баска, баска,
Поцѣлуй-ка три разка. —

Сколько бѣлыхъ, черныхъ, желтыхъ, красныхъ....и т. д. юбокъ, столько разъ поютъ эту крошечную пѣсенку, которая въ игрѣ очень забавная и веселая...

Около Дону, Дону, Дону,
Около тихаго Дону,
Ходятъ дѣвицы, гуляютъ,
Пару коней выбираютъ.
Пара коней, — вороные;
Узды, — узды тесмяныя.
Пряжки, — пряжки золотыя.
Вздогадайся, вздогадайся,

Красна дѣвица душа;
Принимайся, принимайся,
За добраго молодца:
Кой взлюбится,
Приголубится,
Поцѣлуется.

Пѣснь эту начинаютъ снова, и вмѣсто:

Ходятъ дѣвицы гуляютъ —

поютъ:

Ходятъ молодцы, гуляютъ;

вмѣсто:

Вздогадайся, вздогадайся
Красна дѣвица душа и т. д.

поютъ:

Вздогадайся, вздогадайся
Удалый молодецъ;
Принимайся, принимайся
За душу красну дѣвицу:
Коя взлюбится,
Приголубится,
Поцѣлуется.

Мущина избираетъ для себя дѣвушку, которая нравится ему, и становится съ нею посрединѣ комнаты; тоже самое дѣлаютъ всѣ играющіе. Потомъ начинается пѣснь, которая поется словно танецъ. Въ продолженіи пѣнія каждая пара мѣняется мѣстами, сходится и расходится. Потомъ двѣ пары берутся за руки, кружатся, и сдѣлавъ какую нибудь фигуру,

даютъ мѣсто другимъ. Въ заключеніе каждая дѣвица даритъ своего мущину поцѣлуемъ.

Не летай соловей,
Не летай молодой,
При долинѣ!
Ты не вей гнѣзда,
При осинѣ!
Ты совей гнѣздо,
При теремѣ!
Что въ которомъ теремочкѣ,
Сидѣла дѣвочка.
Дѣвушка шила коверъ,
Вышивала;
Шивучи красна дѣвица,
Рѣчь говорила:
Кому этотъ коверъ
Достанется?
Доставался коверъ
Старому мужу,
Стару мужу негодяю,
Негодяю!
Я могу этотъ коверъ
Приубавить!
Со всѣхъ со сторонъ,
Со четырехъ;
Я по шитому узору,
Золотому.

После этого начинается пѣснь снова, только вмѣсто:

Старому мужу негодяю,

поется:

Младому мужу негодяю,

и оканчивается также, какъ и въ первый разъ. — Когда же въ третій разъ коверъ достается *ровнѣ мужу;* тогда слово негодяй выпускается, и вмѣсто прежняго окончанія, поютъ:

Я могу этотъ коверъ,
Принаставить!
Со всѣхъ сторонъ,
Со четырехъ;
Я по шитому узору,
Золотому. —

Эта пѣснь играется также, какъ и первая.

У меня ручки бѣлыя,
У него ноги грязныя. —
Я пойду млада въ торгъ торговати,
Я куплю млада сѣръ камешекъ:
Я за камешекъ три денежки дамъ,
За цѣпочку два грошичка.
Я возьму камень на руки,
Наложу стару на воротъ,
И спущу его на море;
А сама взойду на гору,
Посмотрю млада на воду:
Каково старой плаваетъ?
Глубоко ль воду мѣряетъ?
Гдѣ рука, гдѣ нога, гдѣ сѣда борода.
Какъ взмолится мнѣ старый мужъ:
Ужъ ты, душка, женушка моя!

Переймн ты, меня старика!
Ужъ я радъ на тебя работать,
По три утра не ѣвши молоть,
По четыре не завтракавши,
По три вечера постелю стлать,
Во четвертый на мѣсто звать.

Достойна замѣчанія любимая поселянками пѣснь:

Походите вы дѣвушки,
Погуляйте голубушки,
Во своей волѣ у батюшки,
И во нѣгѣ у матушки!
Неровно за мужъ выйдется,
Неровенъ чёртъ навернется,
Либо старое удушливое,
Либо малое капризливое,
Либо младое недружливое.
У меня млады, старой мужъ,
Онъ вечоръ поздно изъ гостей пришелъ;
Онъ велитъ разувать, раздѣвать, распоясывать,
Частыя пуговки разстегивать.
Не того поля ягода брана,
Не того отца дочь отдана.

Послѣ того, какъ она сказала своимъ подругамъ, что мужья часто бываютъ не по сердцу, или удушливые старики, или и молодые, но гордые и недружелюбные, она представляетъ въ доказательство собственную свою жизнь. Эта пѣснь замѣчательна еще потому,

что въ ней изображено обращеніе съ женами нашихъ предковъ, которые буквально понимали слова: «жена да боится своего мужа»; поэтому, заставляли женъ весьма часто исправлять должность служанки.

Любимыя еще пѣсни, употребляемыя на посидѣлкахъ и вечерахъ святочныхъ, извѣстны подъ именемъ «заенько». Такъ онѣ названы потому, что ими начинается: заенько сѣринькой. Играются же слѣдующимъ образомъ. Одинъ изъ мущинъ беретъ дѣвушку, и бѣгая съ нею по комнатѣ, поетъ первую пѣснь—потомъ цѣлуется при концѣ. За тѣмъ поютъ вторую, но уже дѣвушка, по окончаніи этой пѣсни, беретъ другаго изъ мущинъ, который ей нравится, и вмѣстѣ поютъ третью пѣснь. По окончаніи ея, тотъ мущина, который дѣйствовалъ въ первой пѣсни, приглашаетъ иную дѣвушку, которая, когда запоютъ слѣдующую пѣснь, выбираетъ для себя другаго мущину; этотъ приглашаетъ снова другую дѣвушку; она избираетъ опять новаго мущину. Такой переборъ продолжается до тѣхъ поръ, пока никого не останется на мѣстахъ, и всѣ уже на сценѣ. Тогда становятся всѣ въ одинъ кругъ и поютъ:

Какъ на нашей на сторонкѣ, и пр.

Наборныхъ пѣсенъ великое множество; но вотъ болѣе употребительныя:

1.

Заенько
Сѣренькой.
Ушки долгонькія,
Ножки коротенькія. —
Зайко въ сторону скочилъ,
Много солоду купилъ,
Онъ въ другую скочилъ,
Тутъ рѣка глубока,
Рѣка тиновата,
Рѣка рябиновата,
Что рябинушка часта,
Цѣлуй молодца въ уста.

2.

Ужъ я улкомъ шла,
Переулкомъ шла,
Клубокъ нитокъ нашла.
Клубокъ катится, —
Нитка тянется; —
Клубокъ далѣ, далѣ, далѣ;
Нитка долѣ, долѣ, долѣ.
Я за ниточку взялась,
Моя нитка сорвалась.

3.

Самъ толку, самъ мелю,
Самъ по воду хожу,
Самъ щи, кашу варю;
Кашеварничаю, пивоварничаю, —

Сажу барыню — жену,
На перину пухову. —
Сиди моя жена,
Всегда весела,
Всегда радостна.
Ужъ ты шей, вышивай
Широкіе рукава,
Широкіе и долгіе:
Въ три полотнища.
Чтобы было во что класть,
Небылыя словеса;
Небылыя, несталыя,
Неотчетливыя. —
Ты душа красна-дѣвица,
Поди выйдь за меня.

4.

Ахъ тиги, тиги, тиги,
Гуси, лебеди мои!
Со ржавчинки. —
Со болотянки; —
Со Дуная со рѣки
Со ключевыя воды.
Наѣзжали гостеньки:
Это нашъ, это нашъ,
Это нашъ гостенекъ,
Этотъ къ намъ въ гости идетъ.

5.

Я усаживала, угораживала
Отъ лютаго звѣря
Отъ волчища . . . .
Вотъ ушелъ, вотъ ушелъ

Вотъ и негдѣ взять!
Не Маланьинъ зять.

6.

Что первой день понедѣльничекъ,
Что второй-то день во вторничекъ,
Сива, сива середа, середа,
Полевой нашъ четвертокъ, четвертокъ,
Веселая наша пятница,
Что въ суботу во коверъ, во коверъ,
Въ воскресенье выводить, выводить,
Въ понедѣльникъ цѣловать, цѣловать.

7.

Сковородникъ на печи,
Ты не много хлопочи,
Десяточка два блинковъ испеки.
Двое ходятъ, двое бродятъ,
Двое сойдутся,
Пріобоймутся,
Поцалуются.

8.

Дѣвушка сердце!
Вари ушку съ перцемъ.
Вари, вари поскорѣе,
Вари посмѣлѣе.
Кланяйся пониже,
Говори потише:
Мнѣ повеселѣе. —

9.

Дѣвушка голубка,
Аленькая юбка,
Дѣвушка баска, баска,
Поцѣлуй-ка три разка. —

10.

Сдѣлалось чудо
во Фрязиновѣ;
Съѣли корову
Зимою пауты (большая муха).

11.

Заенько по сѣничкамъ гуляй, гуляй, гуляй,
Сѣренькой по новенькимъ погуливай—гуляй.
Некуда заянькѣ выскочити,
Всѣ ворота призатворены стоятъ,
У всѣхъ у воротъ по три сторожа стоятъ,
У всѣхъ у воротъ по три дѣвицы сидятъ:
Первая въ камкѣ, другая въ тафтѣ,—
Третья въ золотѣ.
Не хочу въ камкѣ,
Не хочу въ тафтѣ,
Хочу въ ситчикѣ,
Въ полосатенькомъ.
Люблю дѣвушку,
Тороватенькую;
Я которую люблю,
Ту и поцалую.—

12.

У попа за дворомъ,
Пироги съ творогомъ.
Еслибъ было съ кѣмъ,
Разломилъ бы да съѣлъ.
Милому середка,
Постылому конецъ.
Что за то ему конецъ,
Что удалой молодецъ.—

Много есть другихъ подобныхъ пѣсенъ, но большею частію поютъ эти.

Теперь становятся въ кругъ, и переходя съ мѣста на мѣсто, поютъ:

Какъ на нашей на сторонкѣ (2)
Хороша угода, (2)
Что хорошая угода, (2)
Хорошъ хмель родился, (2)
Что хорошъ хмель родился, (2)
Кругъ колышка вился, (2)
Вился, вился, извился, (2)
Въ вѣнцы золотые. (2)
Золотые вѣнцы вьются, (2)
Серебряны листья, (2)
Что серебряные листья, (2)
Жемчужныя шишки. (2)
Нащиплю я млада хмелю, (2)
Хмелю зеленова, (2)
Наварю я млада пива, (2)
Пивушка пьянова, (2)
Созову я млада въ гости, гостя, (2)
Гостя дорогова, (2)
Гостя, гостя дорогаго (2)
Батюшку роднаго. (2)
Мой батюшка пьетъ, пьетъ пиво, (2)
До пьяна не напьется, (2)
Онъ до пьяна не напьется, (2)
Домой соберется. (2)
Мой батюшка сбирался, (2)
Меня оставляетъ; (2)
Меня младу оставляетъ, (2)

На чужой сторонкѣ. (2)
На чужой дальней сторонкѣ, (2)
Горе горевати; (2)
Горе, горе горевати, (2)
Тоску тосковати.
А я млада не умѣю, а я млада не горазда
Горе горевати, тоски тосковати.

Когда наскучитъ играть и пѣть, тогда выдумываютъ игры, — напр.: хоронить золото, фанты, наборъ и многія другія.

Когда собираются гадать, тогда ставятъ закрытый бѣлымъ полотномъ столъ; на него кладутъ кусокъ ржанаго хлѣба, уголья, соль и золу. Все это завязываютъ дѣвушки въ платки, и кладутъ въ сухое блюдо. Прочіе гости также даютъ отъ себя свои вещи: ихъ складываютъ въ одно мѣсто; потомъ всѣ становятся вокругъ блюда и поютъ *слава!* При пѣніи поднимаютъ руки вверхъ, и по окончаніи каждаго стиха, притопываютъ ногою. Потомъ сажаютъ одного изъ гостей на высокомъ мѣстѣ, и когда пропоютъ пѣснь, снимаютъ его съ мѣста и качаютъ на рукахъ. Послѣ всѣ немедленно бросаются къ блюду, разбираютъ вещи на угадъ, и по нимъ выводятъ свои замѣчанія. Досталось ли мущинѣ кольцо дѣвушки, а ей кольцо или перстень мущины, то непремѣнно выйти ей замужъ. —

Играющіе должны завязать глаза свои, и взявшись за руки, ходить вокругъ стола.

Въ новогородской губерніи святки называются въ простонародіи кудесами. Въ это время ѣздятъ окрутники, которые въ тихвинскомъ уѣздѣ, той же губерніи, именуются кудесниками, куликами и щеголями (наряженные). Они ѣздятъ по городамъ и деревнямъ искать *свѣчи*, поставленной въ чьемъ нибудь домѣ. Свѣча означаетъ, что здѣсь посидѣлки, и сюда всякъ можетъ прибыть безъ приглашенія. Дѣвушки заранѣе ожидаютъ своихъ гостей, потому дѣлаютъ особое освѣщеніе въ избѣ и приготовляютъ угощеніе. Тутъ поютъ разнообразныя пѣсни, танцуютъ подъ музыку, и въ заключеніе веселья, гадаютъ о своей судьбѣ.

Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ псковской губерніи, святочные вечера носятъ названіе «субботокъ». Ими распоряжается извѣстная безпорочною жизнію вдова. Она вывѣшиваетъ по срединѣ комнаты цвѣтной бумажный фонарь, украшенный сборными отъ дѣвушекъ лентами. Внутри его теплятся восковыя свѣчи, которыя приносятъ къ ней дѣвушки съ своими значками. Чья свѣча горитъ ясно и плавно, той будетъ жизнь тихая, безмятежная; чья горитъ съ трескомъ и меркнетъ, или не ясно, той будетъ жизнь безпокойная и печальная; чья догоритъ

той умереть прежде; чья догоритъ послѣ всѣхъ, той жить долго.

Ввечеру собираются дѣвушки въ нарядныхъ одеждахъ; всѣ усаживаются полукругомъ на скамейкахъ, и поютъ святочныя пѣсни. Гостей встрѣчаютъ величальнымъ пѣніемъ, за что каждый гость даритъ ихъ деньгами. На эти посидѣлки допускаются мущины, женщины и молодцы. Послѣдніе имѣютъ случай высмотрѣть себѣ невѣстъ. Вечеръ проводятъ въ пѣніи и гаданіи. Бываютъ потѣшные гости, наряженые, которые забавляютъ собравшихся. Угощенія происходятъ со стороны жениховъ; невѣсты и женскій полъ, соблюдаютъ строгое благонравіе. Мущины прежде не имѣли права участвовать въ суботкахъ, но время измѣнило обрядъ. По наступленіи глубокой ночи, всѣ расходятся по домамъ; остаются только для гаданій дѣвушки: онѣ загадываютъ что нибудь на сонъ, по коему толкуютъ о будущемъ счастіи и несчастіи. Ворожатъ на угольяхъ и бобахъ: по нимъ объясняютъ будущее.

Суботки продолжаются нѣсколько дней сряду.—Собранныя деньги за величанье отдаютъ вдовѣ за ея труды.

Смотрѣть въ зеркало.

Не всѣ гаданія дѣвушекъ произвольныя: нѣкоторыя изъ этихъ гаданій ведутся изстари,

по преданіямъ, а другія приноровлены къ случаямъ. Дѣвушка напередъ желаетъ видѣть своего суженаго. Для этого она смотритъ въ зеркало, въ полночь. Ужасъ обнимаетъ ее: она одна должна сидѣть въ пустой, замкнутой комнатѣ. Прежде всего она приноситъ съ собою два прибора, зеркало и двѣ свѣчи; столъ застилаетъ скатертью, и становитъ одинъ приборъ для себя, а другой для суженаго, который долженъ притти къ ней на ужинъ. Иныя дѣвушки ставятъ два зеркала: одно большое, а другое меньшее, противу большаго, и всѣ сидятъ за однимъ столомъ, въ глубокомъ молчаніи, говоря тихо про себя: *покажись мнѣ въ зеркалѣ, мой милой; покажись!*—Когда зеркало начинаетъ тускнуть отъ теплоты, тогда думаютъ, что суженые не явятся болѣе.—Если гадаетъ одна дѣвушка, то она, разставивъ на столѣ въ должномъ порядкѣ принесенныя ею вещи, садится противу зеркала, смотритъ въ него, не сворачивая ни въ какую сторону глазъ, и говоритъ: суженой, ряженой, прійди ко мнѣ ужинать. За нѣсколько минутъ до его прихода, зеркало начинаетъ тускнуть; она протираетъ его, нарочно для этого случая приготовленнымъ полотенцемъ; она робѣетъ и пугается: кто-то идетъ и смотритъ въ зеркало чрезъ ея плечо. Она разсматриваетъ при-

стально, не смѣя оглянуться; дрожитъ и кричитъ: чуръ сего мѣста! Если бы случилось, что самое чуранье не поможетъ, то надобно взять съ собою пѣтуха и давнуть его хорошенько: онъ запоетъ, и привидѣніе, или нечистый духъ, принявшій на себя видъ суженаго, изчезаетъ мгновенно. Дѣвицѣ остается одно только,—воспоминаніе. Хорошо, если оно сходно съ ея мечтою! Это былъ онъ, — и сколько тутъ пріятныхъ грезъ. — Онъ бѣлокурой, или почти черноволосъ; румяной, или похожъ на румянаго; руки, губы, глаза, ну, глаза совершенно голубые. Знаешъ ли моя милая, онъ тотъ самый, котораго я часто вижу. Дѣвицы чаще всего видятъ въ зеркалѣ тѣхъ, кого любятъ; воображеніе ихъ всегда устремлено на любимый предметъ, и потому не мудрено, что онъ постоянно вертится въ ихъ головѣ. Есть нетерпѣливыя дѣвушки, которыя желаютъ видѣть своего суженаго въ лицо, поговорить съ нимъ; но это страшно, потому что все должно происходить ночью. Онѣ, если увидятъ своихъ суженыхъ, то не чураются. Примѣта: когда является суженый въ комнатѣ, тогда раздается около оконъ свистъ вѣтра и хлопанье ставень; потомъ суженый стучится въ дверь и входитъ незамѣтно. Явившійся женихъ не долго глядится

въ зеркало: онъ садится подлѣ своей невѣсты за столъ, снимаетъ съ своей руки перстень, или кольцо, и даритъ ей; тогда она чураетъ: чуръ этого кольца! На другой день дѣвушка хвалится своимъ подругамъ, что она разговаривала съ суженымъ, который являлся ей привидѣніемъ, и вотъ отъ него даже кольцо! Хитрыя дѣвушки понимаютъ дѣло иначе, но онѣ не перестаютъ увѣрять горничныхъ, а горничныя распускаютъ молву.

Другія дѣвицы выходятъ на перекрестокъ съ зеркаломъ, въ лунную свѣтлую ночь; становятся такъ, чтобы мѣсяцъ былъ за плечьми, смотрятъ въ зеркало, говоря: суженой ряженой! покажися мнѣ въ зеркалѣ. Онъ такъ же приходитъ сюда, какъ и въ комнату.

Другія выходятъ на перекрестокъ, наводятъ зеркало на мѣсяцъ и говорятъ: суженой, ряженой, покажись мнѣ въ зеркалѣ. — Суженой непремѣнно показывается въ зеркалѣ, и тогда дѣвица ищи его.

О происхожденіи зеркала суевѣры разсказываютъ слѣдующее. — Одинъ монахъ, спасаясь въ пустынѣ, усомнился въ истинныхъ словахъ Св. Писанія: просите и дастся. Желая удостовѣриться, все ли можно получить, чего просишъ, онъ пошелъ къ одному царю про-

сить руки его дочери. Удивленный царь объявилъ объ этомъ своей дочери, которая отвѣчала: это дѣло чрезвычайное, но надобно, чтобы монахъ напередъ сдѣлалъ для меня также что нибудь чрезвычайное: доставилъ бы мнѣ такую вещь, въ которой бы я могла видѣть самую себя. Монахъ пошелъ искать такой вещи. — Скитаясь долго по лѣсамъ, онъ зашелъ въ одну пустынь, гдѣ услыхалъ тяжелый стонъ, а потомъ печальный голосъ: почтенный монахъ! я сижу въ этомъ рукомойникѣ, давнымъ давно; сюда заключилъ меня такой же монахъ, какъ ты. Избавь меня! я могу тебѣ служить всѣмъ, чего ни пожелаешъ. Монахъ былъ радъ этому случаю. Онъ предложилъ доставить ему желанную вещь, которую ищетъ столько времени напрасно. Дьяволъ согласился; монахъ снялъ съ рукомойника крестъ, и нечистаго выпустилъ оттуда. Спустя нѣсколько времени, дьяволъ принесъ ему зеркало. Монахъ удивился. Онъ отнесъ его къ царю, но отъ брака отказался. Возвратясь въ свою пустынь, онъ молился о своемъ согрѣшеніи, каялся въ томъ, что усомнился въ истинѣ словъ Св. Писанія.—Какъ эта вещь доставлена монаху нечистой силою, то раскольники никогда не глядятся въ зеркало, и не держатъ его въ своихъ домахъ: по ихъ мнѣнію, въ ны-

нѣшнія зеркала смотрятся дьяволы въ глубокую полночь.

Гаданіе въ зеркало перешло къ Грекамъ съ Востока; отъ нихъ оно распространилось по Европѣ, и усвоилось у насъ съ прочими игорными обыкновеніями.

Евреи, Греки и Римляне употребляли стальныя зеркала. Греческій художникъ Пракситель, за 70 лѣтъ до Р. Х., ввелъ серебряныя. Венеціяне первые начали дѣлать зеркальныя стекла около 1380 г. Отъ нихъ онѣ распространились по Европѣ. Большія стѣнныя введены во Франціи Тавортомъ.

Спрашиваніе чужаго имени.

Выходятъ за ворота, въ сумерки, съ первымъ кускомъ хлѣба во рту, или просто безъ куска хлѣба, и спрашиваютъ у проходящаго объ его имени, думая, что тѣмъ именемъ будетъ называться ихъ мужъ. На улицѣ спрашиваютъ имя встрѣчнаго, только до трехъ разъ.—Какъ васъ зовутъ? Если кто отвѣтитъ: Александръ,—то это будущій ея. Равномѣрно, мущины спрашиваютъ встрѣчныхъ дѣвушекъ: какъ васъ зовутъ? — Олинька, — это Олинька будущая его.

Въ иныхъ мѣстахъ вывѣшиваютъ ключи за окошко, и если они пошевелятся, то дѣвушка спрашиваетъ имя, которое должно быть будущаго ея мужа. Если пошевелятся отъ вѣт-

ра, то думаютъ, что это шалитъ нечистый духъ.

Слушаніе подъ чужимъ окномъ и на перекресткѣ.

Загадавъ напередъ про свою судьбу, идутъ подслушивать подъ окнами разговоръ, и какое было первое слово, по нему объясняютъ его значеніе и свою судьбу. — Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пензенской губерніи, ходятъ слушать подъ окно съ первымъ огаркомъ лучины. О чемъ говорили въ домѣ, то сбудется съ слушающимъ, на прим.: говорили о свадьбѣ, то значитъ быть замужемъ въ тотъ годъ, а если была рѣчь о покойникахъ, то это значитъ смерть и т. п. Если примѣтятъ подслушивающую подъ окномъ, то говорятъ ей: «гробъ да могила, да ободранная кобыла»; такія слова предрекаютъ вѣрное несчастіе. Въ другихъ мѣстахъ, мущины и женщины ходятъ слушать на перекрестокъ, кто какъ ѣдетъ. Если тянутся сани по дорогѣ, на подобіе обозовъ, и слышится: но, но,—то это означаетъ, что слѣдующій годъ будетъ урожайный; если же представляется скачка, то неурожайный.

Слушанье подъ своимъ окномъ.

Когда всѣ лягутъ спать, тогда садится одна дѣвушка подъ окно, и говоритъ: «суженой, ряженой! поѣзжай мимо окна», и со страхомъ ожидаетъ проѣзда. Услышитъ ли ѣдущаго? Она замѣчаетъ, какъ онъ ѣдетъ: скоро ли, съ шумомъ, свистомъ или съ крикомъ, или медленно

и тихо. Когда проѣхалъ скоро, тогда означаетъ скораго жениха; съ шумомъ, богатаго; со свистомъ, веселаго; съ крикомъ, безпокойнаго или пьяницу; медленно, бѣдную жизнь, а тихо, покойную и счастливую. Каждое движеніе проѣзжаго имѣетъ свое значеніе и толкуется дѣвушками.

Бѣлое полотенце предъ окномъ.

Ночью вывѣшиваютъ бѣлое полотенце предъ окномъ, говоря: суженой, ряженой! прійди и утрися. Если вывѣшенное полотенце скоро засырѣетъ, то означаетъ, что того же года быть дѣвицѣ замужемъ; если не намокнетъ оно къ утру, то долго ей ждать жениха; если снимется сухимъ, то не быть ей никогда замужемъ.

Смотрѣніе въ окно, во время ужина.

Смотрѣть въ окно, во время ужина, есть древнее обыкновеніе. Нетолько на святкахъ, но и въ обыкновенные дни ходятъ смотрѣть и подслушиваютъ, о чемъ разговариваютъ. Когда сидятъ за столомъ тихо, тогда заключаютъ, что родня будетъ хорошая. Если разговариваютъ громко и смѣются, то это обѣщаетъ будущее счастливое семейство. Когда видны головы ужинающихъ, то это значитъ, что будущіе родные долго проживутъ; если не было видно головъ, то они скоро перемрутъ. Богатый ужинъ предвѣщаетъ богатую жизнь; бѣдный, убожество. Смотрѣніе подъ конецъ ужина, близкая смерть для суженой. Если мущина солитъ хлѣбъ, то

суженый будетъ хлѣбосолъ, — когдажъ пьетъ воду,—пьяница.

Ходятъ ночью къ церковнымъ дверямъ и слушаютъ. Если представится, что поютъ печальное, или погребальное, умереть въ томъ году дѣвицѣ; а когда пѣніе благодарственное и хвалебное, радостную жизнь. Причудится ли, что поютъ брачное пѣніе, — непремѣнно замужъ, и въ скоромъ еще времени. *Церковное пѣніе.*

Въ глубокую темную ночь выдергиваютъ изъ полѣнницы дерево. Когда оно гладкое, тогда мужъ будетъ тихій и добрый; суковатое, сердитый; расколотое, дурной и волокита. Эти значенія не вездѣ принимаются одинаково. У иныхъ, суковатое и расчелистое, означаетъ богатство; ровное и гладкое, бѣдность. *Выдернутое дерево изъ полѣнницы.*

Въ другихъ мѣстахъ идутъ къ полѣнницѣ дровъ, пятясь спиною, и вывернувъ полѣно, несутъ домой, разсматриваютъ и объясняютъ его значеніе. Сколько окажется на немъ сучковъ, столько будетъ дѣтей; полѣно безъ сучьевъ, означаетъ одиночество.

Въ свѣтлую ночь собираются нѣсколько дѣвицъ,—полоть снѣгъ. Надобно, чтобъ было тихо, и все спало. Онѣ потихоньку выходятъ за ворота, обращаются въ ту сторону, съ которой дуетъ вѣтеръ, и бросаютъ противу него снѣгъ. Если паденіе было скорое и громкое, *Полоть снѣгъ.*

то быть за мужемъ молодымъ; если упало глухо и криво, то быть за глухимъ, или за старикомъ. Иныя полютъ снѣгъ, замѣчая лай собакъ: если она лаяла толстымъ голосомъ, то быть замужемъ за старымъ, залаяла тонкимъ, за молодымъ. Недовольствуясь этимъ, берутъ скатерть, высыпаютъ на нее снѣгъ, въ чемъ помогаютъ имъ старушки или горничныя; скатерть раскачиваютъ по воздуху, приговаривая: «полю, полю, бѣлъ снѣгъ, среди поля. Залай, залай собаченка, дознай суженаго». Дѣвушки прислушиваются, гдѣ и какимъ голосомъ лаютъ собаки. Хрипливый лай,—суженый старикъ; скавучитъ ли,—больной; крѣпкій лай,—молодой.—Выносятъ еще на снѣгъ воду, и льютъ подъ столбомъ, говоря: «полю снѣгъ, и умоюсь бѣлымъ». Берутъ горсть снѣга, и имъ натираютъ свое лице. Потомъ каждая, взявъ горсть снѣга, несетъ въ комнату, и тамъ гадаетъ по его цвѣту о суженомъ. Если снѣгъ не издаетъ ни какого цвѣта и скоро растаиваетъ, то будетъ мужъ тихій; если снѣгъ бѣлый и издаетъ искры при огнѣ, то обѣщаетъ счастливое супружество. Наконецъ умываются водою изъ подблюдныхъ пѣсней. Эту же самую воду льютъ также при поленіи снѣга.—Иныя, вышедъ на перекрестокъ дороги, кладутъ снѣгъ въ подолъ, и стряхнувъ, говорятъ: «взлай, взлай

собака, на моей сторонѣ». Съ которой стороны раздастся лай собаки, съ той появится женихъ. Другія выходятъ на дворъ, и говорятъ: «залай, залай собаченка; залай сѣренькій волчокъ». Въ которой сторонѣ будетъ услышанъ лай, въ ту сторону она будетъ отдана замужъ. Если залаетъ близко отъ дому, то значитъ быть замужемъ недалеко; если тихо и едва слышно, то быть замужемъ въ дальней сторонѣ.—Выходятъ еще дѣвушки на перекрестокъ, и насыпавъ снѣга въ полу, приговариваютъ:

Полю, полю бѣленькій снѣжокъ,
Гдѣ собачка вякнетъ, тамъ мой женишокъ.

Гаданіе курицами и пѣтухами.

Берутъ ночью курицъ съ насѣсти, приносятъ въ комнату и даютъ имъ клевать пшеницу, ячмень или просо. Если онѣ клюютъ шибко, и въ одну сторону,—то быть скоро замужемъ; если клюютъ не скоро и безпрестанно поворачиваются,—то суженые ихъ обманываютъ; если курицы мѣшаютъ клевать другъ другу, и начинаютъ драться,—то суженые будутъ за нихъ ссориться и драться. Иныя гадаютъ одними пѣтухами, наблюдая тѣже примѣты, за исключеніемъ того, что если они поютъ при клеваніи, то это означаетъ скорое исполненіе желаній.—Другія, снявъ курицъ съ насѣсти, приносятъ ихъ закрытыми въ комнату, гдѣ заранѣе приготовлены вещи въ трехъ разныхъ

сосудахъ: вода въ одной чашкѣ, хлѣбъ зерновой въ другой, кольца въ третьей. Каждая дѣвушка гадаетъ своею курицею: чья прежде начнетъ клевать зерно, вѣрный знакъ, что у нее будетъ бѣдный мужъ; чья начнетъ пить воду, будетъ пьяница; если схватитъ золотое кольцо,—богатый мужъ; серебряное,—посредственнаго состоянія, а мѣдное,—бѣдный мужъ. Когда запоетъ курица,—неминуемая смерть кому либо изъ родныхъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ костромской губерніи, нетолько дѣвицы, но и холостые ходятъ въ курятники, и зажмуривъ глаза, снимаютъ курицу съ насѣсти. Если она закричитъ громко, то по голосу судятъ о нравѣ суженой.— Другія судятъ о суженыхъ по цвѣту курицы. Рыжая,—значитъ коварный мужъ, черная,—вспыльчивый, каштановая,—обманчивый, и пр.

Чтобы узнать нравъ жениха, приносятъ куръ съ насѣсти. Если внесенная курица, бывъ брошена на полъ, сядетъ спокойно, то суженый ея будетъ кроткій; если же она будетъ кудахтать и начнетъ пить воду, нарочно на этотъ случай поставленную, то мужъ будетъ сердитый и пьяница.

Дѣлаютъ еще иначе: бѣгутъ дѣвушки въ курятникъ, и каждая изъ нихъ ловитъ по курицѣ. Которой попадется пестрая,—той будетъ

мужъ рябой, которой черная,—чернобровый.— Потомъ наливаютъ воды въ корыто, и каждая дѣвушка выпускаетъ изъ рукъ курицу. Если она напившись, станетъ кукудахтать, то суженый будетъ пьяница и озарникъ; а если не пьетъ и сидитъ смирно, то суженый не будетъ пить и будетъ смирный.

Въ Бѣлоруссіи берутъ соннаго чернаго пѣтуха, завертываютъ ему голову подъ крыло, крутятъ при свѣчахъ до обморока, и потомъ кладутъ его на полъ. Вокругъ пѣтуха, каждая дѣвушка насыпаетъ по кучкѣ зерноваго хлѣба, который обставляется свѣчами. Когда пѣтухъ прійдетъ въ себя, тогда онъ встаетъ и ходитъ около кучекъ, ничего не видя, (*) и потомъ, по внутреннему влеченію къ зернамъ, начинаетъ клевать первую попавшуюся ему кучку. Чьи онъ клевалъ зерна, той выттн замужъ. Такой обычай въ употребленіи по нѣкоторымъ мѣстамъ Малороссіи.

Курица и пѣтухъ.

Связавъ хвосты курицы и пѣтуха, сажаютъ ихъ подъ рѣшето, и кто кого потащетъ за собою впередъ, по этому судятъ о будущемъ. Если курица потащетъ впередъ, то будетъ первенствовать въ домѣ жена, въ противномъ случаѣ, мужъ. Въ Малороссіи и Сибири, выпускаютъ на средину комнаты курицу съ пѣту-

(*) Птицы не могутъ смотрѣть хорошо при огнѣ.

хомъ, и замѣчаютъ, какъ они расхаживаютъ. Когда пѣтухъ щиплетъ курицу, тогда будетъ сердитый мужъ; если курица не дастъ себя щипать или бить, то жена возметъ верхъ надъ мужемъ.

Бросаніе башмаковъ. Дѣвушки бросаютъ ночью башмаки черезъ ворота, и замѣчаютъ паданіе. Если башмакъ упадетъ въ противуположную сторону воротамъ, то въ той сторонѣ быть ей замужемъ, когда къ воротамъ, тогда ей не выйтти замужъ въ тотъ годъ. — Въ другихъ мѣстахъ, именно въ Бѣлоруссіи, предъ новымъ годомъ, дѣвушки, снявъ съ ноги по одному башмаку, кладутъ въ корыто. Одна изъ подругъ, или горничная стряхиваетъ ихъ вмѣстѣ, и подойдя къ порогу, встряхиваетъ вновь, пока одинъ изъ башмаковъ не упадетъ черезъ порогъ. Если онъ упалъ носкомъ, то дѣвушкѣ скоро выйти замужъ; если на оборотъ, то не быть замужемъ.

Банная примѣта. Нѣсколько дѣвицъ идутъ ночью въ баню, и потихоньку отворяютъ двери; потомъ оборачиваются къ нимъ спиною, и наклонившись заднею голой стороной, говорятъ: *бань, бань, куньимъ хвостомъ, по голой сторонѣ.* Въ простонародіи говорятъ: *шени меня, шени меня, куньимъ хвостомъ по голой части.* Когда почувствуютъ прикосновеніе чего либо мохната-

го, тогда означаетъ богатую жизнь; прикосновеніе холоднаго, бѣдную жизнь.

Хрюканье. Нарочно ходятъ въ сарай, гдѣ стоятъ свиньи, и слушаютъ, какъ онѣ сопятъ и хрюкаютъ, и по нимъ дѣлаютъ опредѣленіе о будущей своей жизни.

Лошадь. Выводятъ ночью изъ конюшни бѣлую лошадь, за неимѣніемъ же бѣлой, другую какую либо, и завязываютъ ей глаза. Одна изъ дѣвушекъ садится на лошадь, даетъ ей волю итти, куда она хочетъ. Въ которую сторону она пойдетъ, съ той стороны пріѣдетъ суженый; но лошадь всегда идетъ въ конюшню. Бѣлая лошадь избирается потому, что на ней видны слѣды дьявола, если онъ успѣлъ поѣздить на ней.

Самое древнее славянское гаданіе лошадью состоитъ еще въ томъ, что ее переводятъ чрезъ оглоблю или шестъ. Если она зацѣпится ногами, то будетъ мужъ злой и жизнь несчастливая; если перейдетъ не зацѣпивъ, будетъ мужъ тихій, добрый и житье счастливое. Это доселѣ въ употребленіи въ Малороссіи, и сѣверовосточной части Россіи, Польши, Литвы, и Бѣлоруссіи. На островѣ Рюгелѣ жрецы переводили черезъ шестъ, съ замѣчаніями, бѣлаго коня, на коемъ ѣздилъ богъ Святовидъ. Въ Штетинѣ переводили воронаго коня черезъ копье. Если онъ не

касался копья ногами, то успѣхъ въ предпріятіи; а если дотрогивался, то неудача, или несчастіе.

Примѣты: у мельницы, гумна и амбара.

Нѣсколько дѣвицъ идутъ къ мельницѣ, гумну или амбару, чтобы дѣлать свои замѣчанія. На мельницѣ онѣ слышутъ таинственное пересыпаніе хлѣба и стукъ отъ жерновъ; на гумнѣ, — удары цѣповъ, говоръ людей, укладку сноповъ и пр., и по нимъ узнаютъ, кому какая жизнь: богатая или бѣдная. Если пересыпаніе и умолотъ хлѣба большой, то богатый женихъ; если стукъ крѣпкій и укладка сноповъ рѣдкая, то бѣдная жизнь. Когда люди разговариваютъ болѣе, нежели работаютъ, тогда на обѣщаніе надѣяться не надобно, а выходить за перваго замужъ. Если при слушаніи подъ амбаромъ причудится, что пересыпаютъ хлѣбъ, означаетъ долгую жизнь; когда слышится набиваніе мѣшковъ, тогда дорога; когда выносятъ мѣшки, тогда предстоитъ перемѣна въ жизни.

Снопы.

Старые люди ставятъ, всѣхъ родовъ, снопы, на гумныхъ столбахъ или токахъ, чтобы узнать: какъ великъ будетъ урожай. На какой снопъ упадетъ болѣе инея, такого родится въ избыткѣ хлѣба.

Хлѣбные сусѣки (засѣки).

Нѣсколько дѣвушекъ бросаются опрометью въ амбаръ. Кто попадетъ въ засѣку съ хлѣбомъ, та будетъ и богатая и счастливая.

Тихо выходятъ ночью изъ комнаты, чтобы дверь не скрыпнула, и аукаютъ: въ которой сторонѣ отзовется *ау*, въ той сторонѣ выдадутъ дѣвицу замужъ. Раздавшееся *ау* скоро, означаетъ, что скоро совершится; протяжно или медленно, встрѣтится препятствіе. Когда на *ау*, ничего не отзовется, тогда ничего не исполнится. *Ауканье.*

Въ хорошее зимнее время, когда снѣгъ мягокъ, или только что выпалъ, дѣвушки ложатся на снѣгъ такъ, чтобы никто не видѣлъ, и поутру выходятъ рано, чтобы смотрѣть: какая вышла фигура: ровная, или неровная? Въ первомъ случаѣ, мужъ будетъ смирный и умный, а во второмъ недобрый и спорливый. Ходятъ еще ночью по ровному снѣгу, и по слѣдамъ ногъ, судятъ о будущемъ мужѣ. Если слѣдъ не заметется къ утру, или останется не затоптаннымъ, то будетъ раздолье и изобиліе въ домѣ и много дѣтей. Если слѣдъ поврежденъ, или кто другой перешелъ его, то недобрый знакъ: вся жизнь пройдетъ въ несогласіи съ мужемъ. *Снѣжные знаки.*

Ставятъ къ ночи на столъ три шапки, при чемъ загадываютъ имя суженаго. Если шапка окажется чрезъ ночь снятою, или не на своемъ мѣстѣ, то это означаетъ, что суженый приходилъ за нею, и дѣвушка выйдетъ *Примѣты шапочныя.*

замужъ въ скоромъ времени, а имя мужа будетъ то, которое она загадала. Не тронутая шапка значитъ,—долго сидѣть въ дѣвушкахъ.

Примѣты по ложкамъ. После ужина берутъ большое блюдо, раскладываютъ въ немъ кружкомъ столовыя ложки, съ отмѣтками, и потомъ ставятъ въ скрытномъ мѣстѣ на ночь. По утру смотрятъ, какъ онѣ лежатъ: перевернутая ложка,—означаетъ смерть; набокъ поворотившаяся,—болѣзнь; въ обыкновенномъ положеніи,—долгую жизнь. По этому самому способу, гадаютъ въ семействѣ: кому долго жить, а кому скоро умереть. Сколько слезъ, если перевернулась ложка! Я знаю, что когда одной дѣвушкѣ пришлось увидѣть перевернувшеюся свою ложку, тогда она задумалась крѣпко. Подруги шутили надъ нею, но задумчивость овладѣла ею до такой степени, что она впала въ чахотку и изтаяла какъ воскъ.—Такъ сильно дѣйствуетъ воображеніе!

Примѣты по хлѣбнымъ фигурамъ. Дѣвушки особенно любятъ гадать фигурами. Предъ новымъ годомъ, послѣ ужина, каждая дѣвушка лѣпитъ изъ оставшагося своего куска хлѣба, изображеніе или фигуру, какую хочетъ, и собравъ куски вмѣстѣ, раскладываютъ ихъ рядомъ, за порогомъ комнаты. Потомъ кличутъ какую нибудь собаку, и допускаютъ ее къ фигурамъ. Чью прежде она схватитъ,—той выйти замужъ. Случается, что собака, об-

нюхавъ фигуры, ни до чьей не дотрогивается и идетъ прочь. Тогда дурная примѣта: всѣмъ оставаться въ дѣвушкахъ.—И горе той собакѣ! Ее гонятъ со двора.

Нѣкоторыя дѣвушки пекутъ небольшіе хлѣбцы изъ пшеничной муки, которые должны быть довольно поджаренными. Онѣ сами вынимаютъ ихъ изъ печи и прячутъ ихъ у себя. По наступленіи вечера, сходятся въ одну комнату, и тамъ кладутъ хлѣбцы на порогѣ, въ одинъ рядъ. Потомъ зовутъ собаку, и чей хлѣбецъ она схватитъ прежде, той прежде вытти замужъ. Чей же она обнюхаетъ, у той будетъ много жениховъ, но всѣ разборчивые. Въ другихъ мѣстахъ, дѣвушки и парни выходятъ изъ дому съ хлѣбомъ. Если гдѣ залаетъ собака, такъ дѣвушкѣ сыщется женихъ, а парню невѣста. *Печеные хлѣбцы.*

Пускаютъ сученыя нитки въ воду и по извиванію ихъ гадаютъ о доброй и злой судьбѣ. Свернувшіяся въ кружокъ нитки,—печальная примѣта: кручина въ замужней жизни; плавающія въ водѣ свободно,—спокойствіе и довольство; опустившіяся прямо на дно,—смерть; выплывнувшія на верхъ,—свадьба близкая; плавающія по-верхъ воды, въ разныхъ направленіяхъ,—сидѣть въ дѣвушкахъ; перевившіяся между собою,—заплетать косу подъ вѣнецъ; *Сученая нитка.*

образующія изъ себя круги,—вѣрный знакъ обрученія; скомкавшіяся и слипнувшіяся,—измѣна и злословіе на невѣсту.

Примѣта по скрипу дерева и столба.

Выбираютъ старый дубъ или столбъ, становятся вокругъ его, и слушаютъ, какъ онъ скрыпитъ. По скрыпу и шатанію толкуютъ, какого званія будущій мужъ. Скрыпитъ ли наподобіе пишущаго пера,—мужъ будетъ гражданскій, или какой нибудь ремесленникъ; засвиститъ, — музыкантъ. — Всѣ дѣйствія дерева имѣютъ свое значеніе и опредѣленіе.

Примѣта по скрипу вереи.

Становятся подъ вереею, и замѣчаютъ, какъ она скрипитъ. По скрипу заключаютъ, изъ какого званія будетъ мужъ. Если слышится скрипъ пера, то быть замужемъ за приказнымъ; если хлопаетъ на подобіе плети, то за кучеромъ; если звучитъ шпорами или саблею, то за военнымъ: въ первомъ случаѣ, за адъютантомъ молоденькимъ, съ едва пробивающимися усиками, а во второмъ, за пожилымъ, только съ густыми эполетами. Если скрипъ ровный и тихій, то быть замужемъ за гражданскимъ чиновникомъ. Если скрипъ раздается глухой, то быть за разночинцемъ.

Гаданіе на кожѣ и шкурѣ.

Растилается коровья или лошадиная около проруби кожа, на которой садится дѣвушка. Но напередъ она очерчиваетъ около себя кругъ, нарочно для того приготовленнымъ огаркомъ

свѣчи. Изъ проруби невидимо выходятъ водяные духи. Они, поднявъ дѣвушку на кожѣ, переносятъ въ жилище жениха или въ домъ суженаго, и потомъ относятъ опять на прежнее мѣсто. За дѣвушкой гонятся въ это время черти. Желая завладѣть ею, они погружаютъ ее съ чрезвычайною скоростью въ прорубь. Дѣвица, чтобы спасти себя отъ неминуемой бѣды, должна произнесть, при самомъ погруженіи: «чуръ сего мѣста.» Нечистая сила разлетается во всѣ стороны. Посѣщавшая домъ своего суженаго, узнаетъ напередъ про его жизнь и нравъ, но никто не можетъ ей сказать: будетъ ли она счастлива съ нимъ? Немногія дѣвушки рѣшаются летать на кожѣ, потому что рѣдко избѣгаютъ дьявольскихъ нѣжностей. Намъ ничего не извѣстно, какъ женщины увертываются отъ нихъ; но преданіе говоритъ, что женскія хитрости проводятъ самихъ чертей.

Въ другихъ мѣстахъ выходятъ въ лунную ночь слушать къ проруби. Разстилаютъ около проруби воловую шкуру, садятся на ней въ кружокъ, смотрятъ со вниманіемъ въ воду, и замѣчаютъ ея теченіе и шумъ. Въ этой водѣ дѣвушка можетъ видѣть своего суженаго, и въ такомъ нарядѣ, въ какомъ онъ будетъ вѣнчаться съ нею, или по крайней-мѣрѣ, увидитъ своего суженаго. Въ тихой водѣ нельзя

видѣть, потому что черти притаиваются, сторожа гадающихъ. Недаромъ пословица: «въ тихомъ омутѣ, черти водятся.» Счастливая дѣвушка моется, послѣ гаданія, этой самой водою, чтобы быть здоровою и румяною, и всегда любимою отъ мужа. Которой изъ загадывающихъ причудится что нибудь страшное, той обречено сидѣть въ дѣвушкахъ.

Въ иныхъ мѣстахъ собираются нѣсколько дѣвицъ на перекрестокъ, разстилаютъ тамъ кожу, кладутъ на нее хлѣбъ и ножикъ, потомъ очерчиваютъ вокругъ себя ножемъ, чтобы не прикасалась до нихъ нечистая сила; покрываютъ лице скатертью или полотномъ, и взявъ другъ друга за мизинецъ, вопрошаютъ судьбу: что случится съ ними въ этомъ году? Дѣвушки сидятъ въ трепетномъ молчаніи, и прислушиваются къ свисту вѣтра, его дуновенію и всякому шороху и стуку. Иной чудится дальній звонъ колокола, — это погребеніе; другой представляется заунывное пѣніе, — покойникъ въ домѣ; иной слышится разговоръ людей, — свадьба; однимъ словомъ: каждой изъ дѣвицъ представляется особое чудное, и по нему судятъ и объясняютъ свою участь.

Еще дѣлаютъ проще. Въ полночь выходятъ нѣсколько дѣвушекъ на перекрестокъ, разстилаютъ тамъ кожу и садятся на ней. Но

прежде даютъ уговоръ не творить молитвы и не робѣть. Усѣвшись въ кружокъ, одна изъ бойкихъ говоритъ: *сужена-ряжена! вези меня съ подругами къ жениху.* Тутъ онѣ помчатся невидимо, — куда — и сами не знаютъ; но послѣ очутятся у воротъ тѣхъ самыхъ, гдѣ живетъ женихъ.

При этомъ гаданіи, дѣвушка должна выходить изъ комнаты съ большою осторожностью: не прищемить подолъ платья,—иначе она не будетъ имѣть ни въ чемъ успѣха; не плюнуть на платье,—въ противномъ случаѣ, потерпитъ злословіе. Если, при надѣваніи юпки, заворотится подолъ, то это знакъ, что въ томъ году непремѣнно родитъ дитя.

Чесаніе волосъ.

Подъ головы кладутъ гребень, загадывая: *суженой ряженой! причеши мнѣ голову.* Во снѣ приходитъ суженый, и причесываетъ дѣвушкѣ волосы. Когда волоса остались не причесанными, тогда горничная зачесываетъ, и увѣряетъ, что она сама видѣла, какъ шелъ къ ея барышнѣ суженой-ряженой: вошелъ тихо въ спальню, зачесалъ волосы и ушелъ, не мѣшая ей спать.

На ночь смачиваютъ волоса настоянною на чародѣйской травѣ водою, чтобы дьяволъ не приходилъ вмѣсто суженаго. Всѣ горничныя увѣряютъ, что нечистая сила, если начинаетъ

чесать, то расчесываетъ до крови, и дѣвушка на вѣкъ несчастная.

Четъ и нечетъ.

Четъ и нечетъ занимаетъ важное мѣсто въ гаданіи. Раскладываютъ по столу орѣхи, или накатанные изъ чего нибудь шарики, и говорятъ: *четъ и нечетъ.* Упадетъ загаданное на четъ,—исполненіе желанія, на нечетъ,—неудача. По нимъ задаютъ себѣ всевозможные вопросы: скоро ли замужъ? за кого? за того ли кого люблю? и пр. Четъ и нечетъ гадается еще на бобахъ, угольяхъ и соли: въ такомъ случаѣ гадаютъ дѣвушкамъ старухи, которыя превращаютъ этотъ способъ въ ворожбу.

Бумажные шарики.

Между многими пустыми бумажными шариками, кладется одинъ съ именемъ суженаго въ особую чашу и всѣ они перемѣшиваются. Потомъ каждая дѣвица вынимаетъ свое счастіе до трехъ разъ. Вынутые три раза пустые билета,—неисполненіе желанія; вынутый за первымъ разомъ съ именемъ,—исполненіе желанія. Вынутый однажды пустой не лишаетъ гадающей надежды. Если попадется за вторымъ разомъ пустой, то не должно вѣрить обѣщаніямъ: кто два раза обманулъ, тому въ третій разъ не вѣрятъ. На этомъ положеніи основано, кому сбудется, а кому нѣтъ.

Молодой вдовецъ.

Доселѣ въ обычаѣ гадать о суженомъ, по балясамъ лѣсницы: выйдетъ ли дѣвушка за

молодаго или за вдовца? Дѣвушка начинаетъ отъ первой балясы, говоря: *молодой, вдовецъ*, или *вдовецъ*, *молодой*, и доходитъ до послѣдней. На какую упало послѣднее слово, такой будетъ мужъ. Гадаютъ еще не по однимъ балясамъ, но по пальцамъ, камушкамъ и проч., наблюдая одно правило, что на чемъ упадетъ послѣднее слово, тому должно сбыться.

Счетъ кольевъ, или: замужъ, нѣтъ.

Ночью или въ сумерки, робко подходятъ дѣвушки къ плетню и начинаютъ считать колья. Если оказывается четное число, то исполненіе желанія. Другія пересчитываютъ отъ досады по нѣскольку разъ, и никакъ имъ неприходится вытти замужъ. Иныя при счетѣ кольевъ, произносятъ: *замужъ*, *нѣтъ*. Дѣвушки всегда начинаютъ словомъ *замужъ* и оканчиваютъ *нѣтъ*: послѣднимъ словомъ онѣ никогда не начинаютъ гаданій.

Волъ и баранъ.

Послѣ неудачи отправляются дѣвушки въ хлѣвъ, гдѣ стоитъ рогатый скотъ или овцы. Если которая нибудь изъ нихъ наткнется на вола или барана, то непремѣнно выйдетъ замужъ, но съ тою разницею, что наткнувшаяся на вола, будетъ имѣть невѣрнаго мужа, а на барана, сама поставитъ рога мужу. Многія дѣвушки этому не вѣрятъ, смѣются надъ нелѣпостью предзнаменованій, но какъ скоро выйдутъ замужъ, то припоминаютъ рога.

Овцы. Нѣсколько дѣвушекъ бѣгутъ въ овчарню, затворяютъ за собою двери, и въ потьмахъ, каждая изъ нихъ быстро выдергиваетъ клочекъ шерсти. Если шерсть черная,— то суженый будетъ чернобровый, а если бѣлая—то бѣлокурый.

Пуганіе воробьевъ. Наткнувшіяся дѣвушки на животныхъ съ рогами не перестаютъ гадать. Онѣ отправляются толпою въ гумно или житницу съ фонаремъ, и пугаютъ воробьевъ: кричатъ, бросаютъ палками подъ кровлю, а другія, наиболѣе отважныя взлѣзаютъ сами подъ крышу и гонятъ воробьевъ оттуда. «Кишъ, кишъ, воробьи! Летите и мнѣ мужа принесите,»—произносятъ онѣ въ тихомолку. Сонные воробьи летятъ прямо на огонь, и та, которая прежде поймаетъ воробья, выйдетъ прежде всѣхъ замужъ. Нѣкоторыя дѣвушки довольно долго хранятъ у себя пойманныхъ воробьевъ; тѣшатся ихъ щебетаньемъ, или по щебетанью ихъ, стараются узнать свое будущее: если оно громкое, — то мужъ будетъ сердитый, если пискливое, — то мужъ будетъ кроткій.

Объ узнаніи впередъ своей участи. Дѣвушки всегда желаютъ знать напередъ свою участь. Для этого онѣ, во время гаданій, берутъ сборникъ (головной женскій уборъ), кусокъ ржанаго хлѣба и кусокъ дерева, и покрываютъ ихъ горшкомъ, съ приговоромъ: *чему быть, тому не миновать;* или *что сбудется, то сбудется; а сбудется то, что сбу-*

дется; или *задумаю загадаю, судьбу вопрошаю.* О томъ, что красавица вопрошаетъ, никому недолжна говорить: единственный свидѣтель ея тайныхъ думъ — ея сердце. Закрывъ глаза, подходитъ къ горшку и вынимаетъ наудачу первую вещь: вынутый кусокъ дерева,— печальная судьба, гробъ; кусокъ хлѣба, — не вытти замужъ въ томъ году; сборникъ, — скорый выходъ въ замужество. Позволяется вынимать вещь только одинъ разъ.

Березовая лучина.

Кому не хочется знать впередъ: долго жить, или нѣтъ? — Берутъ березовую лучину, обмакиваютъ въ водѣ и зажигаютъ. Горящая съ искрами лучина означаетъ — болѣзнь; потухающая при горѣніи,—близкую смерть; горящая ясно,—долгую жизнь. Еще обвертываютъ березовую лучину льномъ, втыкаютъ въ щель и зажигаютъ. Догоритъ ли лучина скоро,— смерть кому-либо изъ родныхъ; оборотится ли она въ какую нибудь сторону, — быть дѣвушкѣ замужемъ.

Узнаніе имени жениха.

Свертываютъ въ комъ клочекъ соломы и кладутъ на столъ. На свернутой соломѣ ставятъ сковороду съ камнемъ, и поливаютъ ее водою. Желающія знать имя жениха, выдергиваютъ потихоньку соломину, которая производитъ при этомъ глухой звукъ, и въ этомъ звукѣ отгадываютъ имена суженыхъ. Инымъ

слышится «дзинь», и изъ него выводятъ имя суженаго. Тутъ всегда раждаются споры между словообъясняющими: каждая изъ дѣвицъ старается увѣрить свою подругу, если соломинка выдернута неудачно, что звукъ предвѣщаетъ не то, какое даютъ ему значеніе. Споры всегда оканчиваются надеждами увидѣть въ скоромъ времени суженаго.

Кладутъ еще иглу безъ ушка подъ жерновъ. Одна вертитъ жерновъ, другая прислушивается къ звуку. Въ послѣднемъ дѣвушки слышатъ имя жениха.

Яичный бѣлокъ.

Берутъ свѣжее яицо, выпускаютъ изъ него въ стаканъ бѣлокъ, и ставятъ въ вольный духъ печи, на столько времени, во сколько онъ можетъ свернуться. Потомъ вынимаютъ стаканъ и замѣчаютъ: въ какомъ положеніи бѣлокъ? свернулся ли онъ, и въ какомъ видѣ? Видъ церкви, — означаетъ вѣнчаніе, кольца или перстня, — обрученіе, четвероугольной фигуры, — гробъ. Корабль съ парусами значитъ выходъ дѣвушки замужъ въ чужой сторонѣ. Мущинѣ такой корабль предсказываетъ дальнюю дорогу, а женщинѣ скорое возвращеніе ея мужа домой. Прочія фигуры, которыя трудно разобрать, объясняются съ особой таинственностію. Нѐ рѣдко прибѣгаютъ къ женщинамъ, искуснымъ въ толкованіи гаданій. Если

бѣлокъ вовсе не поднялся, то не состояться браку. Когда онъ вдругъ опустится на дно, тогда предвѣщаетъ смерть, а въ домѣ пожаръ.

Клокоченіе воды.

На влитую па сковороду воду кладутъ охлопки льну, зажигаютъ оный и покрываютъ горшкомъ. Если вода заклокочетъ, то у невѣстки будетъ сварливая свекровь; когда огонь погаснетъ, тогда свекровь будетъ добрая.

Кольцо, кусокъ хлѣба и пукъ соломы.

Накрываютъ платкомъ кольцо, кусокъ хлѣба и пукъ соломы. Дѣвушка, желающая знать счастливую свою жизнь, должна сама вынуть какую нибудь вещь, и что вынетъ, то непремѣнно сбудется. Вынутое кольцо означаетъ, что женихъ ея будетъ щеголь; хлѣбъ,—зажиточный мужъ; солома, — бѣдность. Другія кладутъ вмѣсто соломы какой нибудь крючекъ и если онъ вынется, то говорятъ: «бѣдный крючекъ». Это значитъ бѣдный человѣкъ. Иногда толкуютъ крючекъ въ прямомъ смыслѣ взяточника.

Перстень, хлѣбъ, щетка и табакъ.

Каждую изъ этихъ вещей, порознь, кладутъ подъ отдѣльную посуду. Угадывающія о качествѣ жениха не должны видѣть, куда какая положится вещь; но должны подходить къ вещи, закрытой посудою, и брать ее наугадъ: кому попадется перстень, значитъ женихъ будетъ щеголь, кому хлѣбъ,—богатый; кому щетка, у той будетъ мужъ бородобрѣй, а кому

табакъ, той мужъ будетъ табачникомъ. Надъ послѣдними двумя вещами дѣвушки смѣются, называя своихъ подругъ, одну бородобрѣйшею а другую табачницею.

Кусочки хлѣба въ окнѣ.

Наканунѣ новаго года кладутъ въ дымовое окно черной избы, столько кусочковъ хлѣба, сколько гадаетъ дѣвушекъ. Эти кусочки оставляютъ лежать во всю ночь. По утру каждая изъ дѣвушекъ смотритъ: цѣлъ ли замѣченный ею кусочекъ? — Если цѣлъ, то значитъ, что она проживетъ этотъ годъ, а если закушенъ или съѣденъ совсѣмъ, то умереть ей въ этотъ же годъ.—Помѣхою гаданій дѣвушекъ всегда бываетъ кошка. Добравшись до кусочковъ, она съѣдаетъ ихъ или закусываетъ, сколько ей угодно, а дѣвицы между тѣмъ толкуютъ. И какъ нарочно случается, что тѣ дѣвушки, коихъ кусочки были съѣдены, живутъ долѣе, нежели тѣ, коихъ остались невредимыми.

Ломаніе косточки, называемой дуга.

При подаваніи на столъ жареной курицы, или другой какой нибудь птицы, дѣвушки берутъ заднюю часть кости, имѣющей видъ дуги, и ею гадаютъ между собою: кому умереть прежде? Гадающія берутся мизинцемъ за дугу косточки, и кто переломитъ скорѣе, той прежде умереть.

Соломинка.

Закрывъ глаза, выдергиваютъ ртомъ изъ скирды по соломенки, и по немъ судятъ о сво-

емъ счастіи. Выдернутая съ колосомъ,—явная примѣта богатой жизни; безъ колоса,—убогая жизнь; двѣ выдернутыя вмѣстѣ, — рожденіе близнецовъ, а если болѣе,—то ничего не значитъ. Гаданіе не дозволяетъ дѣвицамъ имѣть болѣе двухъ близнецовъ.—Можно гадать только до трехъ разъ.

Еще ходятъ на гумно и дергаютъ колосья изъ одонья. Выдернутая солома съ колосомъ, означаетъ богатство, а пустая,—бѣдность.

Иныя выдергиваютъ колосъ изъ одонья зубами. Если выдернулся толстый, то дѣвушка будетъ жить въ полномъ удовольствіи.

Иглы.

Дѣвушки не могутъ гадать иглами. Онѣ должны просить о томъ или своихъ нянь, или старухъ. Намазываютъ двѣ иглы свѣжимъ саломъ или воскомъ, опускаютъ ихъ остріемъ, а иногда безъ всякаго разбора, въ стаканъ съ водою, и замѣчаютъ: какъ онѣ тонутъ. Если пошли скоро на дно и прямо, — то исполненіе желанія; сошлись ли вмѣстѣ,—выходъ замужъ; остановилась ли одна противу другой,—встрѣтится препятствіе; совсѣмъ разошлись,—великое для невѣсты горе: оставаться незамужней. Послѣднее обстоятельно касается до дѣвицъ, но для женщинъ это означаетъ разговоръ, или семейное горе, а для мущинъ неуспѣхъ въ дѣлахъ.

Гадаютъ еще иначе. Раскладываютъ хлѣбъ, соль, уголь и печину (отвалившійся изъ внутри печи кусокъ кирпича): хлѣбъ противу соли, уголь противу печины. Потомъ берутъ продѣтую на длинной ниткѣ иголку, втыкаютъ ее въ другой кусочекъ хлѣба, и взявшись за конецъ нитки, держатъ ее противу лба; послѣ раскачиваютъ тихонько, съ приговоромъ: «хлѣбъ да соль, уголь да печина, скажите правду, истину.» Тутъ замѣчаютъ, куда станетъ качаться иголка съ кусочкомъ хлѣба: если отъ хлѣба къ соли,—то предвѣстіе доброе; а если отъ угля къ печинѣ,—то дурное.

Бобы. Гаданіе на бобахъ извѣстно было у насъ еще въ XVI вѣкѣ и строго воспрещалось *имать вѣру въ бобы*. Сохранившаяся пословица,—*чужую бѣду бобами разведу, а къ своей бѣдѣ ума не приложу*,—объясняетъ, что человѣкъ въ своемъ горѣ не находитъ ума, а о чужомъ думаетъ легко. Многіе, вѣря въ гаданіе на бобахъ, утѣшаются словами ворожеи, которыя искусно опредѣляютъ свойство и значеніе каждаго боба. Для этого берутъ 41 бобъ, и раздѣляютъ ихъ на три половины: отсчитываютъ по четыре, и откладываютъ ихъ въ сторону, въ одинъ рядъ, пока въ рукѣ останется лишекъ, который кладется въ особую кучку. Потомъ изъ одного ряда дѣла-

ютъ нѣсколько кучекъ, и даютъ имъ названіе: первой, *головы*, второй *сердца*, третьей *руки*, четвертой *ноги на походѣ*; названіе остальныхъ рядовъ зависитъ отъ искуства ворожеи. Когда бобы разложатся въ должномъ порядкѣ, тогда ворожея водитъ по нимъ рукою, шепчетъ про себя извѣстныя ей выраженія, и потомъ объясняетъ каждой дѣвушкѣ: «это упало на голову, твой суженой думаетъ о тебѣ, и давно думаетъ! а это лежитъ на сердцѣ, печаль у него, и у тебя. Онъ будетъ твой, только встрѣтишъ слезы. — Руки? оно то хорошо, да вѣдь другія дѣвушки уже любятъ его; онѣ вяжутъ ему руки, а онъ все къ тебѣ. — Ноги? не бывать ему въ томъ домѣ; онъ ѣдетъ въ дальную сторонушку, а тамъ ему слюбится другая. Не кручинься, красная душа—дѣвица: сердце молодыхъ людей, то на ту, то на другую сторону, — куда повѣетъ вѣтеръ.» Лишекъ объясняется въ заключеніи полученіемъ письма, извѣстія, посылки, наступленіемъ близкой дороги и т. п.—Когда удачно оканчивается гаданіе, тогда говорятъ: «голова весела, сердце радостно, рука полна, ноги на походѣ.»

Другіе описываютъ гаданіе на бобахъ слѣдующимъ образомъ: берутъ 41 бобъ и раздѣляютъ ихъ, безъ счета, на три части. Первую часть берутъ въ одну руку, а другую отсчи-

тываютъ по 4 боба и откладываютъ въ сторону, пока останется въ рукѣ три, два и одинъ бобъ. Этотъ остатокъ кладутъ въ первую линію, подлѣ первой части; потомъ берутъ третью часть, отсчитываютъ также, и кладутъ остатокъ въ первую линію подлѣ третьей части. Потомъ составляютъ впереди линію въ три порядка, а третью безъ счета въ три порядка. По оставшимся бобамъ отъ первой и второй линій, по устроеніи трехъ линій, приступаютъ къ разгадыванію. Второй порядокъ первой линіи называютъ *головою*; третій въ той же линіи, *рукою*; второй во второй линіи, *сердцемъ*; третій, въ третьей линіи, *ногою на походѣ*. — Голова предвѣщаетъ мысль, веселость, быстроту, ученое состояніе; рука, — богатство; сердце, — печаль и радость; ноги на походѣ, — пріѣздъ и путешествіе, полученіе посылки и исполненіе желанія.

Рѣшето. Однѣ замужнія только могутъ гадать на рѣшетѣ. Ворожеи вѣютъ рѣшетомъ снѣгъ, а потомъ вытряхиваютъ его въ лунную ночь. Главное въ томъ, чтобы умѣть сдержать рѣшето на указательномъ пальцѣ, въ равновѣсіи, протянувъ правую руку. На рѣшетѣ гадаютъ болѣе поселяне по деревнямъ, когда случится пропажа или воровство. При держаніи рѣшета, произносятъ имена людей, подо-

зрѣваемыхъ въ воровствѣ. При чьемъ имени оно повернулось, тотъ изобличается. Точно такъ поступаютъ при святочномъ гаданьи, съ тою только разницею, что, при чьемъ имени рѣшето повернулось, тотъ не суженый. Если оно повернулось отъ дрожанія руки, или дуновенія вѣтра, то это приписывается дѣйствію нечистой силы, и снова начинаютъ гадать.

Кофейная гуща.

Кофейницы — ворожеи гадаютъ во всякое время. На святкахъ гадаютъ только по желанію, или по просьбѣ. Сливаютъ кофейную гущу въ чашку, накрываютъ ее блюдечкомъ и опрокидываютъ вверхъ дномъ. Потомъ, снявъ чашку съ блюдечка, наливаютъ на него воду и погружаютъ ту же чашку на блюдечко, при троекратномъ произнесеніи словъ: «вѣрность, дружба и согласіе,» или, «что загадано, то сбудется,» и разсматриваютъ, какія вышли на чашкѣ знаки. Изображеніе человѣка, означаетъ свиданіе влюбленныхъ; цвѣты, — любовныя связи; дерево, — разрывъ любовниковъ, въ семействѣ раздоръ, несогласіе, и въ дѣлахъ неудача. Виды домовъ, церквей и башенъ, —выполненіе желаній; если жъ при этомъ соединилось нѣсколько изображеній вмѣстѣ, наподобіе людей, то означаетъ свадьбу; четырехугольные виды предвѣщаютъ гробъ или несчастіе. Изображенія какихъ нибудь животныхъ толкуются различно: соба-

ка означаетъ вѣрность и друга; кошка,—коварство; лисица,—лукавство; волкъ и медвѣдь,—неудачу или препятствіе въ дѣлахъ и любви; змѣя,–наговоры отъ злыхъ людей. Трудно исчислить значеніе кофейныхъ знаковъ: объясненіе ихъ зависитъ отъ кофейницъ. Дѣвицы гадаютъ на кофейной гущѣ только предъ сномъ.

Гаданіе на картахъ. Ни одинъ родъ занятій не распространился у насъ въ такой степени, какъ карты. Вездѣ, куда не обратитесь, играютъ въ карты и гадаютъ на нихъ. Даже высшаго сословія особы не изъяты отъ этой слабости. Есть люди, которые посвятили всю свою жизнь одному гаданію на карты.—Разгадываютъ другимъ несчастіе, а своего незнаютъ; предрекаютъ другимъ счастіе, а сами несчастливы!—Нѣтъ уголка въ деревнѣ, гдѣ бы не было прославленныхъ гадальщицъ. Ихъ съ почестію приглашаютъ на домъ, или нарочно пріѣзжаютъ къ нимъ изъ дальнихъ мѣстъ знатные люди. — Что этому причиной? Недостатокъ просвѣщенія. Гадальщицы живутъ на счетъ невѣждъ и слабоумныхъ. Онѣ ведутъ непосредственную связь съ плутами и обманщиками, и знаютъ, гдѣ что пропало; имѣютъ сношеніе съ дворовыми людьми, торговками и сплетницами. Окружая себя людьми шатающимися отъ дома къ дому, онѣ получаютъ отъ нихъ всѣ

нужныя свѣдѣнія; знаютъ что происходило въ домѣ, и когда кого обворуютъ. Прибѣгающіе къ нимъ за совѣтами, всегда суть влюбленные, суевѣры, потерявшіе собственность, легковѣрные, люди съ предразсудками, лишенные всякаго здраваго смысла и безъ теплоты Вѣры.— Вмѣсто того, чтобы прибѣгнуть въ горести къ Богу, и Ему молиться, очень многіе обращаются къ обманщикамъ, не думая, что они совершаютъ великій грѣхъ. Вѣрить ворожеямъ, это значитъ отметать попеченіе о насъ Промысла.—Ворожеямъ охотно вѣрятъ на-слово, а разсудку ни мало. Гадальщицы часто отгадываютъ по лицамъ печальнымъ о случившемся несчастіи. И кто не можетъ отгадать! Отрывистыя слова, рѣзкая горесть и уныніе, слезы на глазахъ, или красныя глаза отъ слезъ, впалое и блѣдное лице, дрожащія руки, медленная и задумчивая поступь,—все это помогаетъ гадальщицамъ. На вопросы лѣгковѣрныхъ онѣ отвѣчаютъ скоро и всегда двусмысленно. Удачное разгадываніе распространяется повсюду, и всегда съ преувеличиваніемъ; неудачное приписывается не картамъ, а судьбѣ. Такъ было написано на роду его! — Если ворожея разгадываетъ слишкомъ неудачно, то переходятъ отъ ней къ другой и ни въ чемъ ее не обвиняютъ; вмѣсто ее новая ворожея пріобрѣ-

таетъ толпу поклонниковъ. — Страсти вездѣ господствуютъ, но въ картахъ онѣ явственнѣе. Одно нравственное направленіе умовъ можетъ уменшить безотчетную довѣренность къ гаданію. Всѣ усилія останутся слабыми, пока образованіе не предпочтутъ картамъ.

Должно думать, что гаданіе на картахъ увеличилось въ царствованіе Императрицы Елисаветы, по той причинѣ, что карты были тогда въ большомъ употребленіи. О нашемъ времени нечего говорить.—Способъ гаданій на картахъ многоразличенъ. Каждая гадальщица имѣетъ свои особыя примѣты, и даетъ имъ свой смыслъ. Раскладка картъ и объясненіе ихъ суть условные предметы, которые измѣняются по произволу и разнообразятся до безконечности. Иныя гадаютъ 36 картами, а другія цѣлой колодою. Самое невинное препровожденіе времени, гранъ-пасьянсъ, есть также гаданіе.

На святкахъ прибѣгаютъ къ карточному гаданію, по случаю гадательныхъ вечеровъ. Дѣвушки смотрятъ съ особою вѣрой на подающихъ королей, и замѣчаютъ ихъ съ жадностію; старыя обманщицы толкуютъ дѣвицамъ эти гаданія по своему усмотрѣнію. Гадать на одно лицо, допускается до трехъ разъ; болѣе же, въ одинъ вечеръ, это считается не дѣйствительнымъ; можно загадывать снова, въ другой вечеръ.

Предъ сномъ кладутъ подъ подушки четырехъ королей, и гадаютъ: «кто мой суженой, кто мой ряженой, тотъ приснись мнѣ!» Суженый ряженый долженъ присниться; если же нѣтъ, то это приписываютъ душевному разстройству дѣвушки, или другому постороннему обстоятельству, но во всякомъ случаѣ вину слагаютъ на память, и на то, что послѣ сна, не должно было браться за голову. Суженый, явившійся подъ пиковымъ королемъ, означаетъ старика и ревниваго; подъ трефовымъ, вдовца; подъ червоннымъ, молодаго и богача, а подъ бубновымъ, желаннаго.—Мущины кладутъ себѣ подъ подушку четырехъ дамъ, коихъ цвѣтъ означаетъ тоже самое, что королей, съ тою разницею, что если приснится пиковая или трефовая, то зажигаютъ ею трубку.— Гаданіе по королямъ и дамамъ, перешло къ намъ отъ Нѣмцевъ, въ половинѣ XVIII вѣка. *Четыре карточныхъ короля.*

Когда всѣ заснутъ, тогда гадающая должна встать потихоньку съ постели, и никому не говоря, что она намѣрена загадывать, вынуть изъ веника три прутика, и этими прутиками отместь соръ отъ порога во-внутрь комнаты, три раза. Потомъ эти три прутика положить подъ подушку, лечь и загадать о суженомъ. Онъ явится, разбудитъ милую, обниметъ и проведетъ съ нею ночь въ сладост- *Три прутика изъ веника.*

номъ упоеніи любви. Гадавшая не должна тогда трогать прутиковъ, иначе суженый скроется, и ей оставаться тогда вѣчно въ дѣвушкахъ.

Сниманіе сапога.

Мущина, ложась въ постель, съ однимъ сапогомъ на правой ногѣ, загадываетъ о суженой: «суженая моя, ряженая, прійди ко мнѣ и сними съ меня сапогъ.» Когда онъ заснетъ, тогда его суженая явится и снимаетъ съ него сапогъ.

Обычай разуванія есть самый древній. Еще предки наши, будучи язычниками, употребляли его. Невѣста должна была разувать въ первую ночь жениха, который держалъ въ то время плетку въ рукахъ. Если она снимала съ лѣвой ноги сапогъ, то женихъ билъ ее три раза по спинѣ, въ ознаменованіе власти надъ женою, которая дѣлалась съ того времени рабыней его; если невѣста снимала съ правой ноги сапогъ, то положенныя въ немъ деньги, она брала себѣ, женихъ цѣловалъ ее, и потомъ билъ слегка плетью (*).

Луковица съ солью.

Загадывающія выбираютъ свѣжую луковицу, очищаютъ ее отъ шелухи и разрѣзываютъ пополамъ; потомъ, снимаютъ первый слой луковицы, посыпаютъ ее солью, и въ то время, когда ложатся спать, съѣдаютъ, зага-

(*) О разуваніи см. въ статьѣ свадьба, въ описаніи древнихъ свадебныхъ обрядовъ.

дывая о суженомъ или суженой. «Суженая ряженая», или: «суженой мой, ряженой, подай мнѣ напиться воды. «Жажда, производимая отъ луку съ солью, не даетъ хорошо уснуть, и пока суженый или суженая явятся, сами встаютъ съ постели, и сами себѣ добываютъ воду.

Три ангела.

Ложась спать, надобно закусить который нибудь уголъ подушки, и потомъ, укрывшись одѣяломъ, загадать о суженомъ или суженой, говоря: «одинъ ангелъ скажетъ, другой укажетъ, а третій суженаго покажетъ».—Всѣ ангелы слетятъ и выполнятъ желаніе загадывающихъ.

Бросаніе монеты въ воду.

Чашу или тазъ наполняютъ водою, и потомъ берутъ мелкую монету, которая была бы самая тоненькая: обыкновенно брали для этого шелегъ,-который нынѣ вышелъ изъ употребленія,—и поднявъ монету довольно высоко, опускаютъ ребромъ въ воду. Брошенная такимъ образомъ монета, встрѣтивъ сопротивленіе въ сосудѣ, выскакиваетъ изъ него и падаетъ на землю, и тогда она означаетъ, что о чемъ было загадано, то сбудется непремѣнно. При бросаніи монеты, только должно загадывать о томъ, что сбудется или не сбудется. Если брошенная ребромъ монета, перевернется и ударится плашмя, то она потонетъ, и тогда означаетъ, что загаданное не сбудет-

ся.—Многіе такъ вѣрятъ этому, что во всякое время прибѣгаютъ къ сему способу загадыванія; но такое загадываніе преимущественно имѣетъ силу наканунѣ новаго года.

Кольцо въ водѣ. За нѣсколько часовъ до сна, наливаютъ въ стаканъ воду, опускаютъ туда кольцо и выставляютъ на морозъ. Ложась спать, приносятъ стаканъ и смотрятъ: какія вышли въ немъ предметы? Замерзшая вода безъ бугорковъ, означаетъ бездѣтную жизнь, а сколько покажется бугорковъ, столько будетъ сыновей, а сколько ямокъ, столько дочерей. Потомъ надѣваютъ кольцо на руку, загадываютъ, и снявъ его, передаютъ другъ другу: что было загадано, то приснится и сбудется вѣрно. У иныхъ воображеніе такъ сильно дѣйствуетъ, что имъ видится во снѣ то, что происходило на яву, и представляется то, что задумали: а у другихъ, отъ сильнаго напряженія мыслей, происходитъ безсонница, и въ слѣдствіе этого головная боль; но это приписываютъ безпокойному посѣщенію суженаго—ряженаго. Появившіеся сны утромъ и предъ вставаніемъ, не считаются дѣйствительными.

Башмаки съ золой. Посыпаютъ золой башмаки, и ставятъ ихъ на ночь подъ кроватью. Поутру смотрятъ: на чьихъ башмакахъ больше золы, той дѣвушкѣ предстоитъ счастливая жизнь.

Еще такъ: дѣвушка, съ завязанными глазами, обсыпаетъ свои башмаки золой и поручаетъ потомъ особо кому либо смотрѣть за ними, чтобы не думали, что перемѣняла ихъ. Перемѣна башмаковъ показываетъ перемѣну въ семействѣ: смерть, или болѣзнь. При надѣваніи башмаковъ, бывшихъ съ золою, замѣчаютъ: надѣвала ли дѣвушка впередъ на правую ногу, или на лѣвую? Если на правую, то исполненіе желанія, а на лѣвую, неудача. Въ этотъ день стараются ничего не предпринимать, и ничемъ не заниматься. Другія дѣвушки кладутъ свои башмаки, безъ золы, въ корыто, и потомъ бросаютъ ихъ всѣ вмѣстѣ, за однимъ разомъ: чей башмакъ прежде упадетъ, той непремѣнно вытти замужъ.

Кудель съ пряжею.

Расчесываютъ ночью кудель пряжи на гребнѣ, и выставляютъ ее за окно. Предъ сномъ смотрятъ, въ какую сторону развѣвается расчесаная кудель, съ той стороны явится суженый. Нѣкоторыя утверждаютъ: какія волокна на гребнѣ, такія будутъ волоса у суженаго.

Суженый съ водою.

На ночь ѣдятъ что нибудь соленое, и загадываютъ: «кто мой суженый, кто мой ряженый тотъ подастъ пить мнѣ.» Дѣвушки думаютъ, что когда во снѣ захочется имъ пить, тогда будетъ стоять у постели суженый съ водою, и подастъ пить имъ. Дѣвушка не должна

пугаться, если суженый и сядетъ подлѣ нея, и обниметъ.

Мостикъ изъ прутиковъ.

Дѣлаютъ изъ прутиковъ мостикъ, кладутъ его на сонъ подъ подушку и загадываютъ: «кто мой суженый, кто мой ряженый, тотъ переведетъ меня чрезъ мостъ». Когда все это приснится, тогда сонъ въ руку; но то бѣда, что дѣвушки скоро забываютъ сны. Никогда не надобно класть рукъ подъ головы.

Квашня.

Выносятъ изъ избы квашню и ставятъ ее посреди двора. Если, съ завязанными глазами, дѣвушка прямо найдетъ на квашню, то выйти ей замужъ въ тотъ же годъ; если найдетъ бокомъ, то подъ сомнѣніемъ, чтобы она вышла замужъ, въ тотъ же годъ.—Бѣда, когда пройдетъ мимо,—не выходить ей замужъ.

Въ иныхъ мѣстахъ, ставятъ квашню посреди дороги. Къ квашнѣ бѣгутъ спиною, и кто попадетъ въ нее, та будетъ выдана замужъ, въ тотъ же годъ.

Загадываніе предъ воскресеньемъ.

«Понедѣльникъ со вторникомъ, середа съ четвергомъ, пятница съ субботою, а ты воскресенье одно, скажи мнѣ правду: какой суженой явится мнѣ во снѣ»?—Это загадываютъ, ложась спать, и преимущественно предъ воскреснымъ днемъ; но какъ Р. Х. не всегда приходится въ воскресенье, то поэтому гадаютъ во всѣ святочные вечера.

Обыкновенное литье, это есть на воскѣ. Оно было въ большомъ употребленіи у Грековъ, и извѣстно у нихъ подъ именемъ керомантіи, предзнаменовавшее доброе и худое. Тоже самое нынѣ оно значитъ, и употребляется во всей Европѣ. Наши предки любили предаваться этому роду удовольствій, которое называлось «восколѣемъ»; но церковными постановленіями оно строго воспрещалось, какъ богопротивное дѣло.

Литье изъ разныхъ веществъ.

Лили еще не изъ одного воску, но изъ олова, свинца, серебра и золота. Говорятъ, что прежде лили изъ золота, будтобы въ томъ предубѣжденіи, что выльется счастіе золотое, и въ заключеніе пили воду съ золотаго блюда. Сохранилась доселѣ поговорка: «съ твоего слова, съ золотаго блюда».

Къ литью приступаютъ съ особымъ чувствомъ боязни. Его совершаютъ на сонъ, и въ это время считается гаданіе только дѣйствительнымъ. Растапливаютъ бѣлый воскъ, и выливаютъ его на блюдо, чашу, или другой какой нибудь сосудъ съ водою, и замѣчаютъ какія отлились изображенія. Представляющія видъ дома, означаютъ хозяйство; прочія зданія: сарай, гумно, и т. п.—сельскую жизнь; церковь,—обрученіе; яма и пещеры,—гробъ; деревья и растенія, имѣютъ особое свое знаменованіе:

склонившіяся деревья,—грусть, а прямыя, — радость; растенія и цвѣты, похожія сколько нибудь на Божее дерево, тюльпанъ, розу, незабудку и пр. объясняются по ихъ свойству; развалины какого нибудь города или дома, толкуются всегда въ дурную сторону: для невѣсты, — обманъ въ суженомъ, для женщины, — несчастіе въ домѣ. Истолкованіемъ такихъ видовъ занимаются прославленныя ворожеи, которыя часто упрашиваются невѣстами, говорить въ ихъ пользу. Ворожея предсказываетъ суженой брачный вѣнецъ, указывая съ намѣреніемъ на кольцо, вылитое изъ воску. Дѣвушка притворно не вѣритъ, ссорится съ ворожеею, но на другой день является женихъ, и дѣло идетъ къ концу. Предусмотрительный женихъ подкупаетъ заблаговременно ворожею, и все слаживается въ его пользу. Между дѣвушками начинаются неудовольствія, и дѣло объясняется само собой. Соперницы подговариваютъ ворожею, говорить на зло суженой. Случается весьма часто, что подкупленныя женихами ворожеи, говорятъ о нихъ съ великой похвалою, выставляя ихъ честными, безкорыстными, благородными, нравственными и точно любящими свою суженую, хотя всѣ знаютъ, что они низкой души, безнравственные и имѣютъ въ виду получить отъ суженой денежки. Но нѣтъ ничего смѣшнѣе

и глупѣе, когда сама суженая знаетъ о своемъ женихѣ, что онъ дѣйствительно человѣкъ подлый; что она не могла терпѣть его прежде: рѣшалась лучше лишить себя жизни, нежели вытти за него замужъ; одинъ взглядъ его пугалъ ее прежде, и она въ глаза издѣвалась надъ нимъ, — но ворожея сказала, что онъ суженый ея, а суженаго конемъ не объѣдешъ,—мать подтвердила это, и дѣло въ шляпѣ. Такое совершаютъ зло ворожеи, но и подобныя невѣсты, вопрошающія ихъ о своей судьбѣ, не заслуживаютъ ни добраго имени, ни сожалѣнія.

Дѣвушки, коимъ наворожили въ пользу, торжествуютъ, а тѣ, коимъ наговорили и несчастія и горя, ломаютъ отъ испуга свои руки, и ложатся спать съ оханьемъ. Во снѣ бредятъ, и разсказываютъ свои страданія. Но наперекоръ гаданіямъ бываетъ, что охавшая дѣвушка скорѣе находитъ себѣ жениха, нежели та, которой было наворожено въ пользу.

Другія нетерпѣливыя дѣвушки, желая видѣть суженаго глазъ на глазъ, гадаютъ воскомъ въ банѣ, въ полночь. Когда суженая начинаетъ гадать, въ то время предстаетъ предъ нею суженый, по милости ворожеи, даритъ ей кольцо и скрывается. Отъ испугу дѣвица падаетъ въ обморокъ; ее отводятъ въ спальню и укладываютъ спать. На другой день она раз-

сказываетъ страшныя вещи: кто-то ее цѣловалъ, обнималъ и нѣжился съ нею; потомъ кто-то надѣлъ ей на руку кольцо. — Въ домѣ всѣ въ ужасѣ, но спустя нѣсколько дней, появляются сваты. Любовь хитра на выдумки.

Дѣвицы, получившія неблагопріятныя предзнаменованія, прибѣгаютъ къ выливанію стада лебедей. Вечеромъ выливаютъ лебедей и лебедокъ, по числу гадающихъ; лебедокъ окрашиваютъ, а лебедей оставляютъ бѣлыми. Каждая избираетъ для себя лебедя и лебедку, пускаютъ плавать въ чашѣ и закрываютъ полотномъ. Предъ сномъ идутъ смотрѣть, какъ плаваютъ лебедь и лебедка. Плаваютъ ли они вмѣстѣ, то означаетъ супружеское согласіе; присоединились ли къ одной парѣ другія, будетъ много дѣтей.

Гаданіе на оловѣ и свинцѣ также производится, какъ на воскѣ, но только скрытно отъ родныхъ и знакомыхъ. Растопленный свинецъ сливаютъ въ холодную воду, и смотрятъ: на какую сторону отдѣляются пары, съ той стороны явится суженый. Отлитыя изображенія такъ же объясняются, какъ восковыя.

Литье изъ золота и серебра нынѣ не употребляется; но преданіе говоритъ, что встарь расточительные бояре ливали фигуры для гаданій изъ золота. Князь В. В. Голицынъ, на-

перстникъ дѣлъ Царевны Софіи; Цезарь Ромодановскій; бояре: Борисъ Шереметьевъ, Шеинъ и др. тѣшили гостей на святкахъ *золотолъемъ.* Иностранцы съ изумленіемъ говорятъ о ихъ роскоши, особенно и Голицынѣ, который своею блестящею жизнію затмѣвалъ многихъ владѣтельныхъ князей.

Листъ бѣлой бумаги жгутъ на свѣчѣ; потомъ подносятъ сожженную бумагу къ стѣнѣ, а свѣчу держатъ нѣсколько поодаль, чтобы отбрасывалась тѣнь. По изображеніямъ, которыя рисуются на стѣнѣ, разсуждаютъ о ихъ значеніи. Дѣйствительно, бываютъ иногда заманчивыя явленія: то представляютъ вдали лѣсъ, дорогу, горы; то башни, храмъ, поля, людей, то разныхъ животныхъ. Само собою разумѣется, что объясненіе этихъ явленій, сопровождается приблизительными истолкованіями. Мнѣ часто случалось видѣть сженіе бумаги, и всякой разъ я удивлялся фантастическимъ, при сихъ случаяхъ, изображеніямъ. Нѣкоторыя части предметовъ выходили прекрасно. Одной дѣвушкѣ онѣ предсказали дальную дорогу; ей нарисовались на стѣнѣ: лѣсъ и дорога, а вдали человѣческая фигура въ печальномъ положеніи. Чрезъ нѣсколько времени одинъ молодой человѣкъ, издавна посѣщавшій домъ ея родныхъ, предложилъ дѣвушкѣ руку, но съ условіемъ,

Сженіе бумаги.

быть постоянною. Дѣло разладилось. — Покамѣстъ дѣвушка молода, она можетъ имѣть своихъ поклонниковъ. Къ ней присватался офицеръ съ усами. (Ужъ эти усы! сбиваютъ они дѣвушекъ съ толку). Онъ ей не нравился, понравились ей усы—и она вышла за него замужъ и уѣхала съ нимъ на бивачную жизнь. Вотъ совершилась дальная дорога.

Цвѣтокъ изъ подвѣнечнаго убора.

Послѣ всѣхъ неудачныхъ гаданій, нѣкоторыя дѣвушки не теряютъ надежды выйти замужъ. Въ такомъ случаѣ помогаетъ имъ дружка во время какой нибудь свадьбы. Когда обрученную невѣсту раздѣваютъ, тогда приближенная дружка отламываетъ цвѣтокъ изъ головнаго убора молодой, и передаетъ той дѣвушкѣ, которой желаетъ жениха. По увѣренію многихъ, эта примѣта сбывалась. Одна моя знакомая разсказывала, что ея подруга просила позволить ей отломить цвѣтокъ изъ подвѣнечнаго головнаго ея убора. Дружка, отломивъ вѣточку, передала безнадежной дѣвушкѣ, которая въ скоромъ времени вышла замужъ. Это однакожъ не есть собственно гаданіе, но средство къ утѣшенію безнадежной. — Въ случаѣ, если гаданіе было зловѣщее и несчастное, — чего Боже сохрани! — то прибѣгали къ снотолкованію.

Снотолкованіе.

Не было человѣка въ мірѣ, который до извѣстнаго времени, не необращался бы къ

снотолкованію. Женскій полъ постоянно отличается вѣрованіемъ въ сновидѣнія. Бывало прежде, что ни снилось, все сбывалось, а теперь,— грѣшные мы люди,—ничто намъ не сбывается. Въ старину существовалъ особый разрядъ женщинъ, коихъ безпрестанно требовали на домъ, для изъясненія сновъ, какъ египетскіе цари своихъ волхвовъ-мудрецовъ! Попадаются у насъ, по городамъ и деревнямъ, записныя снотолковательницы, снискивающія себѣ пропитаніе этимъ занятіемъ. Беззубыя старухи, бабушки, кумушки, старыя няньки и расхаживающія съ узелками травъ, отъ разныхъ недуговъ, сами заводятъ рѣчь о снахъ и охотно берутся изъяснять ихъ. Всѣмъ извѣстно, что многіе прибѣгаютъ, для узнанія сновъ, къ сочиненіямъ, подъ именемъ: сонниковъ, оракуловъ, предсказателей и т. п., и вѣрятъ имъ безусловно; читаютъ нелѣпости съ бо́льшимъ вниманіемъ, нежели нравственное и полезное сочиненіе; руководствуются безтолковыми объясненіями, даже при начинаніи своихъ дѣлъ, и книгу о снахъ хранятъ и берегутъ, какъ душеспасительную. Таковое слѣпое расположеніе происходитъ отъ недостатка образованія, и дѣлаетъ людей безотчетно легковѣрными: они на все соглашаются охотно, и все пустое для нихъ есть таинственное, непостижимое.

*

Страсть находить въ природѣ все чудесное, сверхъ-естественное, произвело вѣрованіе въ сны, которые снотолкователями раздѣлены на вечерніе, полночные и утренніе, всѣ имѣющіе свою силу и свое значеніе: одни изъ нихъ сбываются скоро, другіе медленно. Сновидѣнія происходятъ ежедневно, но тѣ, которыя бываютъ на святкахъ, считаются важными и имѣющими вліяніе на судьбу человѣка. Дѣвушки загадываютъ на ночь, и разсказываютъ поутру сны свои съ трепетнымъ чувствомъ, боясь, чтобы не объяснили ихъ въ дурную сторону. Вечерніе, или первые засыпальные сны, не всегда сбываются, и потому не считаютъ ихъ такъ важными, какъ полночные, которые рѣшаютъ или предрекаютъ многіе случаи въ жизни. Только снотолкователи и снотолковательницы занимаются изъясненіемъ ихъ. Утренній сонъ сбывается, но не такъ скоро. Думаютъ, что если онъ снится молодой четѣ, на первомъ году ихъ брака, то онъ всегда имѣетъ для нихъ свое значеніе.

Изъясняютъ сны, смотря по людямъ, отношеніямъ и пріемамъ. Бываютъ строгіе снотолкователи, которые представляютъ себя истинными вѣщателями, и къ таковымъ обращаются и вѣрятъ ихъ толкованіямъ.

Когда дѣвушки поутру вставали, то приходили къ нимъ бабушки и старыя женщины, и спра-

шивали, что имъ снилось. Хорошій сонъ повторялся, на святочныхъ вечерахъ, отъ слова до слова, не только между своими, но и знакомыми. Вотъ разговоръ дѣвушки съ няней:

«Няня, няня! поди сюда.»—А что дитя мое, дитятко ненаглядное? Не сонъ ли перепорхнулъ нерадостной? Не вѣсточка ли горькая? — «Не знаю, голубушка моя няня, а сонъ привидѣлся,» — и разскащица обнявъ няню руками, висѣла на ея шеѣ. Тяжелыя были вздохи въ ея груди и слезы на глазахъ навертывались. Но няня, не давъ ей плакать, говорила: ну разскажи жъ, моя звѣздочка ясная. — «Вотъ видишь,» продолжала встревоженная дѣвушка, «вечеромъ-то мнѣ малымъ мало спалось; что малымъ мало спалось, но чудно видѣлось. Привидилась мнѣ крута гора, а на той крутой горѣ, бѣлъ горючъ-камень лежитъ, и не движется и не пылаетъ; а на камнѣ выросталъ частъ ракитовъ кустъ, а на томъ на кустѣ младъ сизъ орелъ сидитъ, и голову склонилъ и крыльица опустилъ; пёрушками перебираетъ и ясными очами на меня поглядаетъ; предъ нимъ вьется въ воздухѣ голубка, а надъ голубкой носится сѣрой ястребъ. Ястребъ-то охъ, няня, страшно!» — Что мое дитятко? не бойся, возговори.— «Ястребъ-то, ... не скажу, боюсь!» — Знаемо, дитятко, ты напугано; по-

кончи жъ свой сонъ.—«Ястребъ точитъ кровь на сыру землю, и я въ крови.... Отъ ужасти я проснулась.» — Ну чтожъ, сонъ въ руку, сказала няня, и призадумалась.—«Ну, скажи, скажи, няня.»—Я разскажу тебѣ: крута гора, то домъ твой; ракитовъ кустъ, то дѣтушки твои.—«Какъ няня? У меня дѣтей нѣтъ.»—Ну, будутъ, отвѣчала она. — «А какъ же это?» — Эхъ, дитятко неразумное! Богъ пошлетъ. — «Съ неба?» — Вѣстимо. — Сизой орелъ, то твой суженой. — «Какъ же это, няня, Богъ и ему пошлетъ дѣтей? Чьи же будутъ лучше: мои, аль его?» — Всѣ ровные. Ну дай же покончить: голубка,—ты сама; а кровь-то—радость ваша на свадьбѣ; а ястребъ — злодѣй твой.

Подбѣгала къ нянѣ другая дѣвушка съ предложеніемъ разсказать свой сонъ: «а мой сонъ? Ну разсказать ли? — Сижу я во теремѣ, во свѣтлый день; невзначай день нахмурился, почернѣлъ и море синее возшумѣло. Въ бѣдовый день, не густой туманъ по синю морю опускался, а опускалася люта печаль, на высокій теремъ, на батюшкинъ домъ. Ужъ предъ тѣмъ днемъ, свѣтелъ мѣсяцъ свѣтилъ, не по старому; какъ выглянетъ, такъ опять за черныя тучи закроется. Ужъ привидѣлось, что упала звѣзда поднебесная, что твоя свѣча мѣстная соборная! — Что одѣвали меня

чернымъ покровомъ, на тесовой кровати; на грудь сыпали крупны зерна бурмитскія и скатнымъ жемчугомъ повивали голову; что во всю ночь держали меня въ свѣтлицѣ изъ трехъ досокъ, безъ верхней перекладины; что во всю ночь до бѣла свѣта, каркали вороны черные, а дятлы долбили желѣзными носами стѣну брусчатую.» — У, какъ страшно! кричали дѣвицы, отскакивали отъ разсказщицы, блѣднѣли и прижимались другъ къ другу.—Богъ съ вами! Христосъ съ вами! вопіяла блѣдная няня, и начинала дѣвушекъ крестить; но сама дрожала, трепетала всѣмъ тѣломъ, и едва, стоя на ногахъ, произносила: да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его..... аминь! аминь! аминь!— Плюнувъ на землю три раза, заставляла всѣхъ плевать, по три раза, и креститься. Нечистая сила изыди! антихристъ! дьяволъ! демонъ! лѣшій! изыди, изыди! да проклятъ ты будешь, во вѣки вѣковъ! аминь. — Дѣвушки, въ продолженіе ея проклятій, трепетали: они видѣли уже предъ собою дьявола съ длиннымъ, косматымъ хвостомъ, то съ поднятымъ вверхъ, то съ подобраннымъ подъ себя, какъ у бѣшеной собаки; съ большими рогами, съ козьими ногами: самъ играетъ и самъ пляшетъ, и языкомъ дѣвушекъ дразнитъ; то киваетъ пальцемъ, и моргаетъ глазомъ чертовскимъ, то перевернется и станетъ

ходить на рогахъ, или завернется, завернется и перевернется въ черную кошку, и прямо имъ подъ ноги. — Ухъ, ухъ! всѣ кричали, и отъ ужаса падали на землю. Няня чуть жива. На крикъ сбѣгались старыя женщины и бабушки, и окропляли дѣвушекъ крещенской водою. Когда дѣвушки приходили въ себя, ихъ увѣряли, что онѣ здѣсь спали, и пристыдятъ еще, что барышнямъ не годится спать на землѣ, а слѣдуетъ на лебяжей постелюшкѣ. По успокоеніи дѣвушекъ, приступаетъ уже няня: ты моя розонька розовая! скажи-ка свой сонъ.— «Хорошо, няня, слушай. По великому, по большому озеру, не сѣръ селезень плылъ, то плылъ корабликъ. Той корабликъ изукрашенъ, у того кораблика на носу левъ — звѣрь вырѣзанъ; вмѣсто очей вставлено по дорогому камешку, по брилліантику; вмѣсто бровей, повито чернымъ соболемъ; вмѣсто уса, торчали два ножа каленые булатные; вмѣсто ушей, развѣвались два горностая; вмѣсто гривы, двѣ лисицы бурластыя, вмѣсто хвоста, двѣ куницы волнистыя. А на корабликѣ тридцат богатырей, одинъ одного краше, а одинъ изъ нихъ отмѣтной, какъ ясной соколъ между соколами; какъ свѣтелъ мѣсяцъ между звѣздами. Онъ протянулъ ко мнѣ руку, заговорилъ: красная дѣвица—красавица! — Я хотѣла подойти къ не-

му и тутъ проснулась.»—Славный сонъ! закричала отъ радости няня: ты скоро замужъ выйдешъ. По тебя ужъ ѣдутъ поѣзжаные, и въ теремѣ у батюшки твоего, ай будетъ снова ликованье. Не успѣлъ батюшка сына женить, а ужъ дочь просваталъ.—Свадьба! Свадьба! право, звѣздочка моя утренняя.—«Няня, голубушка моя няня, одна изъ дѣвицъ говоритъ, сказать тебѣ про мой сонъ?»—Говори, сердце мое, ласточка моя, касаточка моя, канареечка моя; —я такъ тебя люблю,—говори про свое счастіе, лебедушка моя, пташечка моя.—«Слушай, няня: на малиновомъ кустѣ сизокрылая горлица; во темномъ лѣсу каркаютъ вороны; за лѣсомъ, на крутой горѣ, высокій теремъ; въ томъ теремѣ дѣвица плачетъ, рыдаетъ и крупны слезы полотенчикомъ утираетъ.—Кто-то ей возговоритъ: не жги свѣчи воску ярого, не жди дорогова; другу сердечному во-вѣкъ къ тебѣ не бывать; твое солнце перекатное, а доля твоя безталанная. А она восплачетъ: куда мнѣ отъ злой бѣды, отъ лютой тоски? Пойду во темны лѣсы, во круты овраги, созову звѣрей, накликаю: охъ, вы лютые звѣри, соберитесь ко мнѣ! вотъ вамъ мое тѣло: вы разстерзайте его на мелкія части; мое тѣло бѣлое, вамъ пища сладкая; разстерзайте его, но оставьте сердце: другъ найдетъ сердце, найдетъ

милъ и дознаетъ, какъ любила я его; какъ любила его, и вздохнетъ обо мнѣ, — вздохнетъ и поплачетъ. — На тѣ рѣчи прилетѣла горлица и ласковое слово проворковала: не роняй на бѣлу грудь горючихъ слезъ; не губи красу: милъ твой сердечной воротится; онъ узнаетъ, какъ тосковала и полюбитъ больше прежняго.—На тѣ рѣчи налетѣли вороны и закаркали: не грѣть солнцу жарче лѣтняго, не любить твоему другу крѣпче прежняго. — Тутъ буйные вѣтры завыли и съ теремомъ дѣвицу уносили. Прилетѣлъ молодецъ, дѣвицу высвободилъ, во свѣтлую церковьку съ нею пошелъ. Смотрю, на головкѣ моей вѣнецъ: я хотѣла поправить его, подняла ручку и проснулась. — Всѣ дѣвушки провозглашали: свадьба!—Вѣстимо свадьба, отвѣчала няня.—Нѣтъ не свадьба, отвѣчала одна изъ дѣвушекъ: церковь и на головѣ вѣнецъ, — это похороны, это смерть. — Нѣкоторыя вѣрили, другія спорили, а разсказывавшая дѣвушка уже плакала. — Ея сонъ зловѣщій, а няня сказала неправду. И начиналась тогда тревога, и стоило великихъ трудовъ увѣрить въ противномъ не только ее, но и всѣхъ тѣхъ, кому сны толковались къ несчастію или къ смерти. Послѣдней болѣе всего страшились. (*)

* Пересказывать всѣ сновидѣнія нѣтъ возможности пото-

«Послушай Ивановна, мой сонъ.» Ну, ну говори, моя ягодка малиновая, Аграфена Ѳедосѣевна.

«Вотъ видишъ, Ивановна. Только что я вздремнула, и уже вижу: взошелъ мѣсяцъ,—да гдѣ же? у батюшки въ терему. Золоты рога глядятъ въ зеленъ садъ, а въ зеленомъ саду цвѣтутъ цвѣты иные, растутъ яблоки наливные, поютъ птички малиновочки. Какъ увидѣла все это, да такъ испугалась, что укрылась подъ подушку.»

Эка ты подруженька! ты бы зачурала, говорили дѣвушки.—«Страшно было, дѣвушки! Хочу сказать, языкъ не воротится; хочу привстать, ноги подкатываются. Слышу, кто-то душитъ меня подушкою. Встаю, и что же вижу? По саду гуляетъ жаръ-птица! Я въ садъ иду, она на встрѣчу мнѣ; я отъ ней бѣгу, она за мной летитъ; я къ батюшкѣ во теремъ, она за мной. Вхожу въ покои, а жаръ-птица взлетѣла на мѣсяцъ, сѣла на золотомъ рогѣ и манитъ меня къ себѣ. Не помню, какъ я поднялась къ мѣсяцу, какъ сѣла рядомъ съ жаръ-птицею.»—

му, что онѣ безконечны. Въ заключеніе, представляется здѣсь одинъ сонъ, очень мило и простодушно разсказанный г. Сахаровымъ. (См. его сочиненіе: Сказанія Русскаго народа, компактное изданіе).

Что же дальше? спрашивала бабушка.

«Ничего больше не помню, Ивановна.»—Ты не хватала ли рукой за голову?—«Незнаю.»—

«Мы всѣ видѣли, Ивановна, какъ Аграфена Ѳедосѣевна положила руку подъ голову, и заснула крѣпко.»

То-то и есть, красныя дѣвицы: сами виноваты, что сны забываются.

«Скажи намъ, Ивановна, что значитъ сонъ Аграфены Ѳедосѣевны?»

Да какой же хорошій сонъ, красныя дѣвицы! Слушайте только: свѣтелъ мѣсяцъ, то батюшка родимой, Ѳедосѣй Ивановичъ; что золоты-то роги у мѣсяца, то дѣтки у Ѳедосѣя Ивановича, Аграфена Ѳедосѣевна да Иванъ Ѳедосѣевичъ; что зеленой-то садъ, чужой дворъ; что въ зеленомъ-то саду цвѣтутъ цвѣтки иные, то молодые молодушки, почтенныя невѣстушки; что яблочки-то наливные, то молодые деверьюшки; что поютъ-то птички малиновки, то красныя дѣвушки; что жаръ-птица во зеленомъ саду, то суженой у себя во двору; что жаръ-птица у Ѳедосѣя Ивановича во терему, то у него зять во пиру; что жаръ-птица сидитъ на золотомъ рогу, а Аграфена Ѳедосѣевна на другомъ, то быть замужемъ.

«А какъ скоро, Ивановна, сбудется сонъ?»—

Ахъ родимыя, мои голубушки! вѣдь сонъ-то не доснился. Вѣстимо скоро, такъ скоро, что не увидимъ, какъ святки пройдутъ; не замѣтимъ, какъ свахи пріѣдутъ; не подмѣтимъ, какъ росписки укрѣпятъ; не учуемъ, какъ рукобитье пробьютъ, за дубовой столъ посадятъ; не взвидимъ, какъ подъ вѣнецъ поставятъ,— а только опомнимся, какъ въ княжемъ пиру возвеличатъ. Вотъ какъ скоро!

«Ужъ ты всегда такъ, Ивановна, говоришъ. Мой сонъ совсѣмъ не то значитъ; я тебѣ не вѣрю.» —

Охъ ты, Аграфена Ѳедосѣевна, вѣдь ты у насъ съ весны заневѣстилась; вѣдь суженые-то давно уже заглядывали росписи.

«Что ты, что ты Ивановна! говорила бабушка. Не пускай въ огласку дѣло Ѳедосѣя Ивановича. Можетъ быть, что и разладится.»

Ужъ что знаю, такъ знаю, а приталаннаго никому не открою. У насъ свадьба.

Соболемъ Аграфенушка всѣ лѣсы прошла, крыла лѣса, крыла лѣса чернымъ бархатомъ; въ путь катила, въ путь катила золотымъ кольцомъ.

Дѣвушки думали о своихъ суженыхъ, и потому каждая изъ нихъ оставалась довольною, если сонъ объясняли въ хорошую сторону. Когда случалось, что онѣ плакали отъ сно-

толкованій; тогда утѣшали ихъ будущимъ счастіемъ,—такова жизнь человѣческая!—«Хорошъ твой сонъ, душка малина», говорила старая няня рыдавшей барышнѣ; «не плачь, на роду твоемъ написано счастіе. Смотри, золотая моя голубушка! какъ солнце взошло красно, такъ все будетъ тебѣ на утѣху, на радость. Много предстоитъ радости, а еще больше будетъ на яву и во снѣ. Сладкое тебѣ житье. Богачества твоего не сосчитать. А все то сонъ, согласіе да любовь, калина—ягодка моя! ни одной дѣвушки не будетъ тебя счастливѣе: красная семья твоя, то утѣха твоя; розовыя ягодочки, то дѣвушки твои; къ добру, къ радости твой сонъ.»—

Святочныя сновидѣнія большею частію составляютъ забаву, увеселеніе: имъ вѣрятъ и не вѣрятъ. Но тѣ сновидѣнія, которыя изъясняются ежедневно, еще болѣе обманываютъ легковѣрныхъ, ведутъ къ новымъ заблужденіямъ и дѣлаютъ ихъ суевѣрными, смѣшными и жалкими въ глазахъ здравомыслящихъ.

Такъ въ старые годы проводили дѣвушки святочные вечера! Ссорились и мирились въ тотъ же часъ; нянюшки подслушивали и разносили вѣсти съ своими дополненіями; хвалили дѣвицъ предъ сужеными, а суженыхъ предъ дѣвицами.

Когда дѣвицы нагостились, тогда пріѣзжали за ними матушки, и уѣзжали съ ними домой, или на новые вечера. Все время Рождественскихъ праздниковъ не замѣтно протекало въ невинныхъ удовольствіяхъ. — Если мать узнавала, что ея дочь не хорошо принята подругами, или обижена въ предпочтеніи; то она немедлено пріѣзжала за нею, отвозила домой, подъ предлогомъ, что по ней взгорюнился батюшка, встосковались братцы, и она сама видѣла недобрые сны. Ея пріѣздъ понимали, но притворялись растающимися съ горестью, отпускали нехотя, но отъѣзду были рады и потомъ судили о гостяхъ по своему, какъ водится въ подобныхъ случаяхъ.

Переходъ отъ вѣрованій къ гаданіямъ.

Преданія нашего народа о тайныхъ дѣйствіяхъ природы, пережили многія историческія событія. Были особыя сословія, которыя посвящали себя познанію непостижимыхъ вещей, обыкновенныхъ въ самомъ дѣлѣ. Предки наши боялись таковыхъ людей, думая и вѣря, что они имѣютъ сношенія съ невидимыми духами; что они живутъ съ ними въ дружбѣ, и послѣ своей смерти отдаютъ душу чертямъ, за подписаніемъ условія своею кровію, чтобы получить отъ нихъ черную книгу (магію), въ коей дьявольскими буквами были написаны тайны, заговоры, чары и предреканія о буду-

щемъ. Народъ ненавидѣлъ и страшился чернокнижниковъ, но въ нуждѣ прибѣгалъ къ нимъ.

Чародѣи, волшебники, колдуны, гадальщики, вѣдьмы, вѣщуны, волхвы, астрологи, чаровники, обаятели и морочители знали чернокнижіе. Но все это, есть ли произведеніе воображенія русскаго народа, или перенесено къ намъ изъ другихъ странъ? отвѣчать не трудно. Индія, колыбель чудовищныхъ вымысловъ, облекала ихъ въ таинственныя предзнаменованія, которыя производили чудеса между грубымъ народомъ; пылкіе и хитрые жрецы направляли мысли къ слѣпому вѣрованію, управляли людьми и царствами!—Явились толпы поклонниковъ всего таинственнаго, и потомъ образовались общества чернокнижниковъ, или маговъ, къ коимъ благоговѣли самые властители народовъ. Все вопрошало маговъ, и ихъ толкованія принимали за гласъ боговъ.

Египтяне, малоазійскіе Греки, Вавилоняне, древніе Мидяне, ведя торговыя сношенія съ Индіею, перенесли въ свое отечество сокровенныя знанія, которыя нашли между ними не только вѣрователей, но еще ревностныхъ распространителей. Отсюда быстро разлились повѣрья и чудеса по Персіи, европейской Греціи и Римскимъ владѣніямъ. Въ Персіи утверждались восточныя вѣрованія магами, а въ Греціи и

Римѣ жрецами. Европа ознакомилась съ вымыслами древняго міра еще до паденія Греціи и Рима; но она пересоздала ихъ по своему времени, оставивъ потомству разгадывать темные и глубокомысленные миѳы Индіи, коихъ основная идея была: твореніе міра и жизнь. Образованная Греція заставила своихъ мудрецовъ и философовъ доискиваться начала мірозданія. Многіе изъ нихъ, бывъ проникнуты чистымъ свѣтомъ наукъ, понимали таинственную природу, какъ созданіе невидимаго духа, вездѣ и повсюду парящаго и творящаго; но тѣ, разумѣнію коихъ тайны натуры были недоступны, остались при однихъ догадкахъ и предположеніяхъ. Отсюда проистекло вѣрованіе въ то, чего народъ не понималъ и міръ увидѣлъ созданіе новыхъ понятій о самомъ себѣ, его жизни, назначеніи, и наконецъ, гаданія и предсказанія слились съ хаосомъ заблужденій и суевѣрій. Такъ Европа приняла въ свои нѣдра весь запасъ тысящелѣтнихъ догадокъ и миѳовъ. Наши предки, Славяне, скитаясь по Европѣ, въ вѣка необразованные и суевѣрные, позаимствовали многое отъ германскихъ народовъ; потомъ, когда получили осѣдлую жизнь, привили ихъ понятія къ своимъ обычаямъ.—Вѣрованія и знанія, которыя существовали въ Греціи и Римѣ, подъ назва-

ніемъ: *авгуровъ*, птицегадателей, *агромантіи*, гаданіе по состоянію воздуха, *астрологовъ*, по теченію планетъ и созвѣздій, *антрологомантіи*, по внутреннимъ частямъ тѣла, *гороскепы*, по жертвамъ животныхъ, *гидромантіи*, по движенію и цвѣту воды, *гонтіи*, признаваніе духовъ и вызываніе тѣней умершихъ изъ гробовъ, *дактиломантіи*, узнаніе враговъ, *кабалистики*, значеніе таинственныхъ словъ, *капномантіи*, по жертвенному дыму, *катоптромантіи*, по зеркалу, *керомантіи*, по воску, *клеромантіи*, по шарикамъ, *икномантіи*, водою, *ливаномантіи*, по куренію душистыхъ веществъ, *метеоромантіи*, по воздушнымъ явленіямъ, грому и молніи, *мистагоніи*, по изъясненію признаковъ, *міомантіи*, по крику и прожорству мышей и крысъ, *некромантіи*, вызываніе духовъ изъ заколдованныхъ тѣлъ, *онихомантіи*, по ногтямъ, *роскопіи*, гаданіе на яйцѣ, (беременныхъ женщинъ: кого она родитъ), *прогностикомантіи*, изъясненіе по примѣтамъ, *психомантіи*, вызываніе умершихъ, *тератормантіи*, по рожденію уродливыхъ животныхъ, *тефраномантіи*, по золѣ, *энонтромантіи*, по зеркалу, — всѣ эти гаданія и суевѣрія, перешли къ намъ и перемѣшались съ предразсудками. Простой народъ, и даже посвященные въ таинства чернокнижныя,

не имѣя свѣдѣній о греческихъ и римскихъ жертвенныхъ обрядахъ, дѣйствовали по своимъ правиламъ, примѣняли ихъ къ своимъ гаданіямъ и обманамъ, и съ особеннымъ раченіемъ изучали чернокнижіе, которое было верхомъ человѣческихъ познаній и чудесъ. Русскій народъ, веселый и страстный къ забавамъ, присоединилъ къ своимъ праздпествамъ предразсудки и гаданія, и мало по малу они вошли въ кругъ святочныхъ вечеровъ, гдѣ образовался отдѣльный міръ толковъ, предзнаменованій и вѣрованій.

Въ язычествѣ всякое гаданіе тѣсно соединялось съ богослужебными и гражданскими дѣлами. Тамъ ничего не начинали не посовѣтовавшись съ предсказателями. Съ распространеніемъ Христіянства, гаданіе упало; нынѣ же оно употребляется благоразумными людьми только для препровожденія времени и разнообразія увеселеній. Для суевѣрныхъ оно и теперь составляетъ вопрошеніе судьбы.

Наши святочныя гаданія, со всѣми своими забавами, оживотворяютъ прошедшую жизнь, гражданскій и семейный бытъ, который переданъ намъ въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ и преданіяхъ.

Въ-старину всѣ сословія участвовали въ рождественскихъ гаданіяхъ — отъ великокняже-

скаго дворца, до убогой хижины земледѣльца. Царевны встрѣчали святочные вечера въ своихъ теремахъ съ верховыми и сѣнными дѣвушками. Не одно было ихъ желаніе повеселиться непринужденно, но и страсть погадать о будущей судьбѣ. Это чувство, врожденное каждому человѣку, еще сильнѣе привязывало пламенныхъ воздыхателей къ гаданіямъ.

Значеніе слова гаданія.

Нѣкоторые думаютъ, что гаданіе произошло отъ еврейскаго слова *гадъ*, счастіе, имѣющее одинаковый смыслъ съ *Демоніонъ*, богинею счастія и гаданія у Грековъ.

Донынѣ въ простонародномъ разговорѣ *гадать*, означаетъ думать; на польскомъ *гадаць* (gadać), говорить на-обумъ, неосновательно; по богемски *гадамъ* (hádám) предсказывать, догадываться; *гадацъ* (hadac) вѣщатель; всѣ эти слова соотвѣтствуютъ русскому гадательному глаголу—гадать и его смыслу. И гаданіе отнюдь не произошло отъ *гадъ*.

Происхожденіе переряживанія.

Святочныя игры развивались въ нашемъ отечествѣ, по мѣрѣ сближенія его съ Европою, которая сама много заимствовала ихъ отъ азійскихъ народовъ. Восточные народы, особенно малоазійскіе Греки, любили проводить многіе дни въ борьбѣ, танцахъ, скачкѣ и переодѣваніи. Европейскіе Греки, а за ними Римляне, усвоивая иноземные обычаи согласно съ

потребностію вѣка, учредили праздничные дни для самыхъ забавъ. Олимпійскія игры и римскія забавы въ циркахъ, составили со временемъ необходимую принадлежность жизни народной. Вакханаліи, перенесенныя изъ Индіи, распространились по всей Греціи, а въ Римѣ превратились онѣ въ безчинство и продолжались по нѣскольку дней сряду. Переряживанія, бѣганье, пѣсни и пляски подъ музыку, на улицахъ и въ домахъ, днемъ и ночью, производили безпорядки и несчастныя слѣдствія для жителей: родилась чрезмѣрная страсть къ шумнымъ удовольствіямъ, расточительность и повсемѣстная порча нравственности. Изнѣженные Грекъ и Римлянинъ сохнули отъ скуки, когда запрещали имъ наслаждаться, или такъ сказать, жить среди обрядныхъ забавъ. Въ Римѣ всѣ умы были настроены къ умноженію и изобрѣтенію постоянно новыхъ удовольствій. Воины ратовали съ врагами и гремѣли славными подвигами, а народъ смотрѣлъ на гладіаторскія битвы, рукоплескалъ не великимъ людямъ, но бойцамъ; увеселялся зрѣлищами и становился безчувственнымъ къ геніальнымъ произведеніямъ творчества. Словомъ, народъ дышалъ однѣми забавами.

Народы, разгромившіе западную имперію во второй половинѣ V вѣка по Рождествѣ

Христовомъ, не могли не заразиться сами утонченной роскошью: стали носить блестящія одежды, пировать и проводить ночи въ наслажденіяхъ. Побѣжденные совратили съ прямаго пути своихъ побѣдителей. — Готоы охотнѣе всѣхъ предавались наслажденіямъ: они, по вторженіи ихъ въ Восточную Имперію, внесли туда свои забавы, которыя прослыли *готскими играми.* Мы знаемъ уже, что онѣ увеселяли константинопольскій дворъ въ рождественскіе дни: наряженные и шуты (scurra) одѣвались въ вывороченныя на изнанку платья, и покрывали свои лица разрисованными масками; плясали и пѣли подъ музыку; скакали, вертѣлись, представляли смѣшныя явленія, и сколько можно, уродливыя.

Восточные Греки весьма полюбили эти готскія забавы и усвоили ихъ съ своею жизнію. Наши Славяне, которые долгое время имѣли непосредственное сношеніе съ Царьградомъ, могли перенесть оттуда потѣшныя увеселенія въ свое отечество и совершать ихъ на святкахъ и на масляницѣ.

Лѣтописи наши называютъ переряживанія: *скуратами* (скуратъ, отъ латинскаго слова scurra, что значитъ шутъ), *лудами* (отъ латинскаго слова ludex, — одѣтые въ дурацкое платье), *окрутниками* (крутящіеся), *скоморо-*

хами (тоже что scurra), и *личиниками* (замаскированными); въ Малороссіи они именовались *машкарями* (замаскированные шуты).

Названіе маски встрѣчается у насъ давно. Еще въ XII вѣкѣ Архіепископъ Лука, преслѣдуя многія языческія обыкновенія, воспрещаетъ *москолюдство имѣти* (носить маски). Во Франціи простой народъ вѣрилъ, что маски суть покрывало дьяволовъ. Такъ и у насъ нѣкоторые изъ простолюдиновъ думаютъ.

Въ прежнія времена маскированные корчили изъ себя демоновъ и страшилищъ, наряжались волками, лисицами, быками и т. п. Женщины переряживались въ мужскія, а мущины въ женскія платья; бѣгали по городу съ зазженными факелами, били въ бубны, кричали и ревели голосами разныхъ животныхъ. Въ средніе вѣки думали, что въ продолженіе 8 дней послѣ Рождества Христова, черти скитаются на землѣ переряженными, хватаютъ проходящихъ, бѣгаютъ и скачутъ съ ними по улицамъ, и потомъ уносятъ ихъ съ собою въ адъ. Нашъ простой народъ донынѣ думаетъ, что со дня Р. Х. до Богоявленія, посѣщаютъ ихъ домы дьяволы, подъ образомъ *оборотней*, *вулкулакъ*, *букъ*, и хватаютъ маленькихъ дѣтей. Отъ этого вошло въ обыкновеніе пугать ребятъ, когда они за-

плачутъ: *бука тебя съѣстъ, не плачь!* Есть еще мнѣніе, кто во время святокъ наряжался чортомъ, особенно если кто надѣвалъ на себя рожу (маску), тотъ отрашный грѣшникъ, и грѣхъ не иначе можетъ быть смытъ, какъ только рѣшимостью окунуться три раза въ крещенской проруби.

Утонченное искусство переряживанія и маскированія принадлежитъ Италіянцамъ. Гранацци, воспитанникъ Микель Анджело, первый улучшилъ это (въ XVI в.).

Всѣ наши святочныя увеселенія и забавы не подвергаются нынѣ ни гоненію, ни отлученію отъ Церкви. Языческій міръ, вполнѣ наслаждавшійся удовольствіями жизни, ничего не видѣлъ въ нихъ противнаго ни своему вѣку, ни просвѣщенію; но ложныя понятія объ этихъ удовольствіяхъ были причиною, что въ жизнь народовъ вкоренилось множество суевѣрныхъ обрядовъ. Гаданія, предсказанія, исцѣленіе недуговъ травами, игры, пляски и маскированія представлялись въ глазахъ простолюдиновъ дѣйствіемъ чародѣйства, и потому вводили ихъ въ заблужденіе. Просвѣщенное правительство прибѣгало къ запрещенію и строго наказывало обманщиковъ. Христіянская церковь, чуждаясь языческихъ нововведеній, стремилась искоренить ихъ духовными поста-

новленіями: она желала, чтобы истинная Вѣра пребывала чистою, безъ примѣси суевѣрій. Церковь издавала по сему предмету назидательныя поученія и правила, и увѣщевала Христіянъ, чтобы они не слѣдовали богопротивнымъ забавамъ, хотя въ самой сущности онѣ ничего не заключали въ себѣ богопротивнаго; на непокорныхъ налагала эпитемію, или не допускала къ св. причастію въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ (*).

Опредѣленіе Стоглава: объ искорененіи богопротивныхъ и безнравственныхъ обыкновеній.

Суевѣрныя понятія еще долго потемняли здравое сужденіе. Въ XVI вѣкѣ мы встрѣчаемъ не только между простымъ народомъ, но среди самаго духовенства многіе закоренѣлые предразсудки. Просвѣщенные правители ревностно уничтожали языческіе и невѣже-

(*) Вотъ выписка изъ Номоканона (см. Требникъ, Кіевск. изд. 1817 г.), который имѣлъ силу не только въ церковныхъ, но и гражданскихъ дѣлахъ, воспрещая даже невинныя забавы и увеселенія. *О литіи воскомъ.* Восколей и оловолей не допускались къ причастію 20 л.

О гаданіи. Гадавшіе съ цыганками надъ больными не допускались къ причастію 5 лѣтъ; гадавшіе ячменемъ, или на бобахъ, 6 лѣтъ.

О забавахъ. Предававшіеся танцамъ на свадьбахъ или надѣвавшіе на себя въ какихъ нибудь собраніяхъ *наличники* (маску), или наряжавшіеся мущины въ женскую одежду, а женщины въ мужскую, подвергались: міряне отлученію отъ Церкви, а духовные лишенію священническаго сана. Запрещалось еще строго, всѣмъ Православнымъ присутствовать при конскихъ ристаніяхъ во время Пасхи. Кто пировалъ на праздникѣ *варварскомъ* (иноземномъ), тотъ лишался причастія 2 года; духовные же лишались сана.

ственные обряды, возлагая на священство обязанность смягчать грубые нравы. Но какъ слабо было умственное развитіе даже между духовенствомъ, то видно изъ соборнаго опредѣленія Стоглава (бывшаго въ 1551 г. февраля 23), коего первымъ дѣломъ было: заведеніе училищъ въ Москвѣ и другихъ городахъ,— учрежденіе тѣмъ важное, что многіе священники тогда не умѣли читать, и вытверживали церковную службу наизустъ. Архіепископъ Новгородскій Геннадій, жалуясь Митрополиту Симону на состояніе духовныхъ (въ 1500 г.) въ своей паствѣ, такъ пишетъ: «приведутъ ко мнѣ мужика, и язъ велю дати чести Апостолъ, и онъ не умѣетъ ступити.—И язъ велю азбуку учити, и онъ поучится мало, да просится прочь. А моей силы нѣтъ, что ихъ неучивъ, мнѣ ставити.»—Для обузданія суевѣрія и пустосвятства, запрещалось строить церкви безъ всякой нужды, а бродягамъ ке-

---

Объ украшеніи. Всему духовенству возбранялось украшать себя разноцвѣтными одеждами, а свѣтскимъ ходить въ нарядномъ платьѣ, стричь бороду, напрыскиваться духами, или помадиться (ушаряти); женскому полу не дозволялось заплетать волоса. Не повиновавшихся отлучали отъ церкви.

О постѣ въ среду и пятницу. Не постившіеся въ среду и пятницу, лишались причастія до раскаянія.

О врачѣ изъ Евреевъ. Если кто въ болѣзни призывалъ на помощь врача изъ Евреевъ, то духовный лишался сана, а мірянинъ отлучался отъ церкви.

лій въ лѣсахъ и пустыняхъ; запрещалось монастырямъ покупать отчины, безъ вѣдома и согласія Царскаго, чтобы монашество не жило ко вреду общества и своей нравственности (*). Эти благія мѣры не производили желаемаго дѣйствія. Что же слѣдовало предпринять для обузданія суевѣрія и безнравственныхъ обыкновеній?—Не будемъ такъ строги къ нашимъ предкамъ. Политическія обстоятельства, отдѣливъ ихъ отъ Европы на многія столѣтія, были главнѣйшею причиною ихъ невѣжества. Если переряживанія преслѣдовались гражданскими и церковными постановленіями, то это происходило единственно отъ того, что первосвятители и образованные сановники хорошо знали господствующія понятія въ народѣ; имъ извѣстно было, что въ самыхъ невинныхъ забавахъ люди непросвѣщенные видѣли колдовство и чародѣйство: отъ нихъ-то и возникали заблужденія и суевѣрные обряды, которые совершались въ торжественные праздники. — На канунѣ Р. Х., Василія Великаго, Богоявленія и Св. Іоанна, мущины и женщины сходились ночью, пѣли, играли и плясали. Въ троицкую субботу плакали, вопили и глумили на кладбищахъ, прыгали, били въ ладоши и пѣли *сатанинскія* пѣсни. Въ утро великаго четверга жгли со-

(*) Кар. И. Г. Р. т. VIII. с. 110, примѣч. 203.

лому и кликали мертвыхъ, а священники клали у престола соль, и лѣчили ею недужныхъ; лживые пророки бѣгали изъ села въ село,—нагіе, босые, съ распущенными волосами, тряслись, падали на землю и баснословили о небесныхъ видѣніяхъ; скоморохи шатались по деревнямъ; мущины и женщины мылись, по какому-то обряду, въ однѣхъ баняхъ, и что всего мерзостнѣе, впадали въ содомскій грѣхъ (*). Самые святители часто волновали умы и совѣсть простодушныхъ людей. Между многими примѣрами: епископъ Ростовскій Леонъ утверждалъ (въ 1164 г.), что ни въ какіе Господскіе праздники, если они приходятся въ среду или пятницу, не должно ѣсть мяса, (**) между тѣмъ какъ Р. Х. и другіе подвижные праздники приходились въ эти дни.

Окрутники и опричники.

Изъ наряжавшихся, по наибольшимъ безчинствамъ, извѣстны Новгородскіе окрутники. На святочныхъ вечерахъ и на масляницѣ нарушали они всякое благочиніе и приличіе: буйство и чувственное наслажденіе увлекали ихъ такъ далеко, что они образовали даже еретическія секты. Жидъ Схарія, умомъ хитрый и языкомъ обольстительный, выѣхавшій изъ Кіева (въ 1470 г.) въ Новгородъ, произвелъ тамъ ересь: онъ плѣ-

(*) Кар. И. Г. Р. т. IX. с. 463.
(**) Кар. И. Г. Р. т. III. с. 31.

нилъ простодушныхъ каббалою, въ коей самые ученые люди XV вѣка искали разрѣшенія важнѣйшихъ задачъ для ума. Каббалисты хвалились книгою, полученною будто-бы Адамомъ отъ Бога, Соломоновой мудростію, изъясненіемъ сновидѣній, угадываніемъ будущаго, силою повелѣвать духами и знаніемъ всѣхъ тайнъ природы. Новгородскіе еретики, отвергая святыню Христіянства, соблюдали строгое постничество и казались ревностными исполнителями благочестія. Архіепископъ Новгородскій Геннадій открылъ этотъ расколъ, въ который вовлечено было много людей изъ духовнаго званія, и Княгиня Елена, невѣстка Іоанна Великаго, съ большимъ числомъ придворныхъ. Геннадій, приславъ Государю и Митрополиту на судъ дѣло, вмѣстѣ съ виновными, доносилъ (1490 г.), что эти отступники злословятъ Христа и Божію Матерь; плюютъ на кресты, называютъ иконы болванами, грызутъ ихъ зубами, бросаютъ въ нечистыя мѣста, не вѣруютъ ни царству небесному, ни воскресенію мертвыхъ. Судя по тогдашней суровости вѣка и важности разврата, поступлено съ отступниками весьма человѣколюбиво, что дѣлаетъ честь уму Іоанна Великаго. Нѣкоторыхъ осудили на заточеніе, а другихъ отправили въ Новгородъ: здѣсь посадили ихъ на коней лицемъ къ хвосту, въ выворо-

ченной одеждѣ, подражая окрутническимъ играмъ, съ высокими берестовыми шлемами, съ мочальными кистями, соломеннымъ венцемъ и съ надписью на немъ: *се есть сатанино воинство!* и въ этомъ окрутническомъ нарядѣ возили ихъ изъ улицы въ улицу. Народъ плевалъ имъ въ глаза, восклицая: *се враги Христовы!*—Въ заключеніе сожгли у нихъ на головѣ шлемы, и предали проклятію (*).

Надѣваніе личинъ и переряживанія составляли собственный предметъ святочныхъ увеселеній, которыя Царемъ Іоанномъ IV часто превращались въ страшныя зрѣлища. Законодатель великаго дѣла — Стоглава, ѣздилъ по Москвѣ съ своими опричниками въ скоморошныхъ, шутовскихъ и чудовищныхъ нарядахъ. Собачьи головы и метлы были привязаны къ седламъ, въ ознаменованіе того, что грызутъ Царскихъ лиходѣевъ и метутъ Россію. — Бояринъ Кн. Михаилъ Репнинъ, видя Царя, упоеннаго во дворцѣ крѣпкимъ медомъ и пляшущаго съ своими любимцами въ личинахъ, заплакалъ отъ горести. Іоаннъ хотѣлъ надѣть на него маску, но Репнинъ вырвалъ ее, растопталъ ногами, и сказалъ: Государю ли быть скоморохомъ? — Царь велѣлъ умертвить его, когда онъ молился въ церкви! Со-

(*) Кар. И. Г. Р. т. VI. с. 184—189.

временники передали намъ, съ жестокой укоризною, о многихъ безславныхъ поступкахъ Іоанна Грознаго. Однажды въ воскресенье (1568 г.), въ часъ Божественной службы, Іоаннъ, сопровождаемый опричниками, вошелъ въ соборную церковь Успенія: онъ и вся его дружина были въ черныхъ ризахъ, съ высокими шлыками. Митроп. Филиппъ стоялъ въ храмѣ на своемъ мѣстѣ. Государь подошелъ къ нему и ждалъ благословенія; но Святитель обратилъ свои взоры на образъ Спасителя и молился мысленно. Наконецъ, одинъ изъ опричниковъ сказалъ: «Святый Владыко! се Государь, благослови его.» Филиппъ отвѣчалъ: «я не узнаю Царя православнаго въ семъ странномъ видѣ; не узнаю его и въ дѣлахъ Царства. Грабежи и убійства совершаются Царскимъ именемъ. Есть законъ и правда, есть милосердіе къ людямъ, а въ Россіи нѣтъ ихъ.»—Государь затрепеталъ отъ гнѣва и вышелъ съ угрозою. — Іоаннъ тѣшился съ своими палачами и скоморохами, коихъ присылали къ нему изъ Новгорода и другихъ областей, вмѣстѣ съ медвѣдями. Въ одно время опричники вломились въ домы многихъ знатныхъ людей, выбрали извѣстныхъ красотою женъ, увезли изъ города и представили Царю: онъ избралъ нѣкоторыхъ для се-

бя, прочихъ уступилъ своимъ любимцамъ, и ѣздилъ съ ними вокругъ Москвы, въ безобразныхъ переряживаніяхъ: жегъ усадьбы опальныхъ бояръ, даже истреблялъ скотъ, и при обыкновенныхъ восклицаніяхъ своей дружины: *гойда! гойда!* возвращался въ Москву, повелѣвъ ночью развесть женъ по домамъ: нѣкоторыя изъ нихъ умерли отъ стыда.

Отдадимъ справедливость Іоанну: во внѣшней политикѣ онъ неуклонно слѣдовалъ великимъ предначертаніямъ своего дѣда, Іоанна III; любилъ правду въ судахъ, каралъ сановниковъ-утѣснителей, тѣлесно и стыдомъ. Нарядивъ ихъ въ великолѣпную одежду, сажалъ на колесницу и приказывалъ живодерамъ возить изъ улицы въ улицу.—Не терпѣлъ пьянства; дозволялось народу веселиться въ кабакахъ только въ Рождество Христово и на Святой недѣлѣ,—во всякое другое время отсылали пьяныхъ въ тюрьму (*).

Въ Новгородѣ переряженные донынѣ называются *окрутниками*. Со втораго дня Р. Х. до Крещенія они ходятъ въ тѣ домы, гдѣ увидятъ на окнахъ свѣчи; тѣшатъ хозяевъ плясками и шутовскими представленіями. Въ Тихвинѣ окрутники называются *кудесни-*

(*) Кар. И. Г. Р. т. IX. с. 22, 87, 103, 105, 165, 167 и 441.

ками, куликами и щеголями. Тамъ украшаютъ разноцвѣтными знаменами лодку, кладутъ ее на нѣсколько саней и возятъ множествомъ запряженныхъ лошадей по улицамъ; на лошадяхъ и въ лодкѣ, въ разнообразныхъ одеждахъ и личинахъ сидятъ окрутники: они поютъ и играютъ; народъ провожаетъ ихъ; богатые угощаютъ окрутниковъ виномъ и кушаньемъ.

Перерядживаніе.

Многіе святители смотрѣли на простодушныя святочныя увеселенія какъ на скверныя и бѣсовскія воплощенія, и потому строго запрещали ихъ. Патріархъ Іоакимъ, воспрещая переряживаніе и личины, такъ описываетъ ихъ (въ 1684 г.): «въ навечеріи Р. Х. совершаются *скверная и бѣсовская дѣйства.* Мущины и дѣвушки ходятъ толпами по улицамъ и поютъ бѣсовскія пѣсни (вѣроятно колядскія), произносятъ сквернословіе, пляшутъ для возбужденія *блудныхъ нечистотъ* и прочихъ грѣхопаденій.» Далѣе говоритъ онъ: «переобразовываются *въ неподобныя отъ Бога созданія* и измѣняютъ человѣческій образъ. Надѣваютъ личины кумирскія, бѣсовскія, косматыя, и одѣтые въ бѣсовскія одежды, скачутъ и пляшутъ. Тѣже самыя *бѣсовскія игрища и позорища* происходятъ съ Р. Х. до Крещенія Господа нашего, 12 дней.» Патріархъ Адріанъ еще далѣе простеръ свой гнѣвъ. Онъ, слѣдуя Кормчей, чтобы Христія-

намъ не вдаваться въ игры и не ходить на позорища, запретилъ (1697 г.) хоронить на кладбищахъ тѣхъ, которые во время игры утонутъ, или убьются съ качели. Въ мое еще время жители уѣздныхъ городовъ имѣли великое отвращеніе ко всѣмъ тѣмъ, которые представляли на площадяхъ свое искусство, или играли на театрѣ. Ихъ считали погибшими на томъ свѣтѣ, думали, что чортъ давно взялъ ихъ душу, какъ равно и тѣхъ, кои проводили всю ночь въ танцахъ,—въ томъ предубѣжденіи, что по-полуночи веселятся одни черти. Въ недавнее только время духовенство перестало считать актеровъ недостойными наслѣдованія Царствія Небеснаго. Кто не знаетъ, что были случаи, когда священники отказывались давать актерамъ причастіе и хоронить ихъ?

Петръ Великій смѣло искоренялъ суевѣрныя запрещенія. Насмѣхаясь надъ нѣкоторыми закоренѣлыми обыкновеніями, онъ самъ наряжался на святкахъ, славилъ Христа, или представлялъ, въ переряживаніи своихъ любимцевъ, недостатки и пороки вельможъ и святителей. Въ Царствованіе Императрицы Анны, народныя забавы преслѣдовались Бирономъ, который вводилъ все нѣмецкое, и самый тронъ хотѣлъ окружить своими клевретами. Народъ и даже высшее сословіе до такой степени

были имъ унижены, что тотъ, кто думалъ по-русски, считался почти преступникомъ. Примѣромъ тому—ревностный защитникъ народности, казненный Волынскій. По волѣ Бирона Сибирь наполнялась постоянно несчастными Русскими, и никто не могъ бороться съ сильнымъ временщикомъ. Современники проклинали его, и въ потомствѣ онъ наслѣдовалъ одно проклятіе. Время господствованія злодѣя обратилось въ укоризненное прозваніе *Бироновщины.* Заточеніе его въ Березовъ спасло отечество наше отъ униженія предъ нами самими.

Императрица Елизавета возобновила святочныя забавы, и народъ увидѣлъ себя въ своихъ увеселеніяхъ: родились потѣшные праздники, появились наряженные, и все прошедшее забыто! Народъ русскій незлопамятенъ. Екатерина Великая любила переодѣваться въ русскія одежды и веселиться на святкахъ по-русски: при дворѣ, въ ея присутствіи, лили воскъ, играли—«золото хороню», и т. п. Придворныя дамы и кавалеры принимали въ нихъ живое участіе.

Переряживанія и наряжанія, какъ прежде совершались, такъ и нынѣ совершаются вечеромъ. Одежды нашихъ наряженныхъ произвольныя, изысканныя, роскошныя. Нѣкоторые надѣваютъ платья, разумѣется въ

Петербургѣ, съ расточительной пышностію. Случилось однажды видѣть богача-щеголя, въ бархатномъ длинномъ доломанѣ (въ видѣ плаща), который былъ унизанъ жемчугомъ и бриліянтами; голова его была обвита бѣлой кошемирской шалью съ разноцвѣтными каменьями; туфли испещрены золотыми блестками; поясъ ослѣплялъ сіяніемъ, отъ множества драгоцѣнныхъ каменьевъ: щеголь представлялъ Персидскаго Шаха. Нигдѣ нѣтъ такой изысканной пышности въ переряживаніи, какъ въ здѣшней столицѣ. Дворъ, дипломатическій корпусъ и множество богачей соревнуютъ другъ предъ другомъ въ изобрѣтеніи изящнаго и фантастическаго. Но во всемъ прекрасномъ и обворожительномъ надобно отдать преимущество нѣжному полу. Нельзя смотрѣть безъ очарованія на нихъ и на ихъ одежды полувоздушныя и увлекательно-поэтическія, особенно же, когда красавицы являются въ русскомъ нарядѣ.

Небогатые или недостаточные наряжаются каждый по своему состоянію, не стѣсняя себя выборомъ нарядовъ. Безобразныхъ, уродливыхъ нарядовъ не видно; окрутническія одежды давно изчезли. Въ прочихъ городахъ Россіи одѣваются и понынѣ въ шутовскія и уродливыя платья. Тамъ, по недостатку въ святоч-

ныхъ уборахъ, личинахъ (маскахъ), шьютъ уборы сами для себя, по своимъ выдумкамъ; лицо окрашиваютъ вохрою или другою краскою, или сажею, а усы и бороду начерчиваютъ углемъ, и т. п.

Бѣганье, пляска и пѣніе подъ музыку ночью вышло изъ обыкновенія. Если нынѣшніе наряженные ходятъ по улицамъ ночью, то скромно, тихо, безъ шуму и безъ нарушенія благопристойности. Кромѣшное буйство опричниковъ и бѣснованіе окрутниковъ давно забыты, и остались въ однѣхъ лѣтописаніяхъ, какъ воспоминанія о страстяхъ прошлаго времени.

II. МАСЛЯНИЦА.

Разгульные дни, общіе всѣмъ народамъ.

У всѣхъ жителей на востокѣ были однажды въ году разгульные дни, въ которые угощали другъ друга кушаньемъ, ходили замаскированными по улицамъ и домамъ, пѣли и танцовали подъ звукъ литавровъ и бубенъ. У Римлянъ и Грековъ эти забавы обращены были въ сатурналіи и вакханаліи; но послѣднія нарушали благопристойность и распространяли повсемѣстный развратъ. Многія консульскія и императорскія постановленія немогли пре-

кратить вкоренившагося зла; одно время, и это время было паденіе Западной Имперіи, которое изгладило безнравственныя удовольствія народа. Готθы, позаимствовавъ многое отъ Римлянъ, переобразовали вакханальскія потѣхи въ переряживанія. Съ происхожденіемъ новыхъ государствъ, образовались другія понятія и правительства, новый образъ жизни и забавъ. Католическое духовенство, истребляя все, что было противно его духу, нещадя даже невинныя языческія празднества, остававшіяся еще въ народѣ, учредило, такъ сказать, прощальное увеселеніе, за нѣсколько дней до великаго поста, которое извѣстно подъ именемъ *Карнавала.* Онъ начинается отъ праздника трехъ королей и продолжается до пепельной середы. (*)

Карнавалъ. У Нѣмцевъ карнавалъ называется Fastnacht, Fasdangen и Fasenacht. У нихъ первый понедѣльникъ масляницы назывался еще *голубой понедѣльникъ* (blauer Montag). — Онъ сопровождался разными жирными кушаньями; пекли *крендели* (Kringele) на маслѣ и яйцахъ, замѣнявшіе наши блины; пили и забавлялись маскированіемъ и

(*) Пепельную середу установилъ Папа Григорій В. около 600 г.; съ нея начинается постъ, канунъ же этого дня, у Католиковъ, есть заговины.

переряживаніемъ; качались на качеляхъ.—Нынѣ русскіе нѣмцы употребляютъ наши блины, во время нашей масляницы, а на свою, во вторникъ нашего поста готовятъ вафли, катаются на саняхъ, и цѣлый день предаются забавамъ и напиткамъ. — Ихъ примѣру слѣдуютъ почти всѣ иностранцы, живущіе въ Россіи. Однако всѣ они въ одно время съ нами празднуютъ Рождество Христово, Свѣтлое Воскресенье и другіе праздники, и веселятся на масляницѣ вдвойнѣ—въ нашу и свою.

Названіе масляницы.

Между славянскими племенами масляница называется различно: у Словаковъ fasanek, у Богемцевъ masopüst, masopüstny, у Поляковъ zapust и mięsopust, у Сербовъ *била недѣля*; у Русскихъ называется мясопустомъ, мясопустною недѣлью, сырною недѣлью, и масляницею.—Всѣ эти названія означаютъ одно и тоже. По причинѣ воздержанія отъ мяса, произошло названіе—мясопуста; отъ употребленія сыра,—сырной недѣли; отъ повсемѣстнаго употребленія масла,—масляницы, которая продолжается цѣлую недѣлю, предъ великимъ постомъ. (*) Въ нашихъ святцахъ и церковныхъ

(*) Въ недѣлю мясопустную воспоминается, по утвержденію Св. отцевъ, время страшнаго суда; въ субботу совершается поминовеніе о просіявшихъ въ пощеніи святыхъ; въ воскресенье воспоминается, по завѣщанію Церковныхъ учителей, паденіе праотца нашего Адама.

книгахъ употребляется названіе сырной недѣли. Въ это время ничего не ѣдятъ изъ мяснаго; рыба, молоко, яйца и сыръ, есть общее для всѣхъ.—Употребительнѣйшее и обыкновенное названіе этой недѣли, по всей Россіи, извѣстно подъ именемъ масляницы.

Въ теченіе масляницы всѣ состоянія увлекаются разгульной жизнію и забавами; почему она въ сѣверо восточной Россіи называется въ простонародіи *честною масляницею*, а на западѣ *широкою масляницею.* Она начинается *встрѣчею,* въ понедѣльникъ; съ средины недѣли идетъ разгулъ масляницы; въ *широкій четвергъ* всѣ спѣшатъ угощать другъ друга; наконецъ слѣдуютъ прощальные дни: суббота и воскресенье.

Отправленіе масляницы.

Начало введенія масляницы современно у насъ принятію Христіанской Вѣры. Въ Несторовой лѣтописи, при описаніи моровой язвы, въ Кіевѣ, подъ 1090 г., въ первый разъ упоминается мясопустъ. Названія же сырной недѣли и масляницы мы не встрѣчаемъ въ нашихъ лѣтописяхъ ранѣе XVI вѣка, а объ образѣ ихъ отправленія ровно ничего не знаемъ. Иностранные писатели суть первые, сообщившіе намъ свѣдѣнія о забавахъ и значеніи масляницы, которыя остались донынѣ почти въ прежнемъ видѣ. — Какъ встарину, такъ и нынѣ, главное

угощеніе на масляницѣ состоитъ въ блинахъ. Во всю недѣлю пекутъ изъ гречневой или пшеничной муки блины на маслѣ, молокѣ и яйцахъ, круглые, во весь объемъ сковороды; блины же, не болѣе какъ съ чайное блюдечко, тонкіе, легкіе и большею частію на молокѣ и яйцахъ, изъ одной пшеничной муки, называются *аладьями*. Въ богатыхъ домахъ подаютъ къ блинамъ жидкую икру. Въ Малороссіи и смежныхъ съ нею мѣстахъ пекутъ такіе же блины, и сверхъ того готовятъ *варенники*. Это небольшіе пирожки, похожіе на сибирскіе пильмени, съ тою разницею, что ихъ начиняютъ свѣжимъ творогомъ, и потомъ на нѣсколько минутъ опускаютъ въ кипятокъ; вынувъ изъ воды, немедленно подаютъ къ столу горячими: ихъ ѣдятъ съ масломъ и сметаной. Блины подаются повсюду горячими; простывшіе теряютъ свое достоинство. Есть блиноманы, которые ѣдятъ такіе горячіе, что обжигаютъ языкъ и ротъ, но масло смягчаетъ ихъ обжогу. Повсюдное подчиваніе блинами на маслѣ и водкою, родило поговорку: *не житье а масляница.*

Въ высшемъ кругу людей масляница извѣстна по одному названію, и если блины подаются тамъ, то изъ приличія къ народному

обычаю, и чтобы, такъ сказать, не прослыть Нѣмцами.

Русскій съ чистосердечной простотою предается всякимъ потѣхамъ: скачетъ и пляшетъ, шутитъ и смѣется надъ скряжническою жизнію, гуляетъ въ городѣ и внѣ города, поетъ и выводитъ на рожкѣ радостную пѣснь; соритъ деньгами, опоражниваетъ бокалы съ виномъ, — тогда ему море по колѣно, и — хоть трава не рости!—

Въ иныхъ мѣстахъ масляница начинается съ понедѣльника, а съ четверга уже празднуютъ всѣ. Простолюдины, закусивъ порядочно блинами, принимаются распѣвать веселыя пѣсенки; потомъ катаются въ саняхъ и разъѣзжаютъ по знакомымъ. Послѣ катанья посѣщаютъ пріятельскій домъ, въ коемъ ждутъ ихъ новые блины, готовый обѣдъ, и тамъ пируютъ до полночи.

Всякое сословіе пируетъ по-своему: потому иные проводятъ время въ маскированіи, пляскахъ и шумныхъ пирушкахъ; другіе, съ меньшими требованіями на роскошь и свѣтское приличіе, катаются съ ледяныхъ горъ, на саночкахъ-самокаточкахъ, или на лубкахъ; качаются на разнозатѣйливыхъ качеляхъ и веселятся по-русски, припѣваючи.

Нѣтъ картины заманчивѣе, разновиднѣе и восхитительнѣе, какъ народная масляница въ

Петербургѣ. Тутъ всѣ состоянія спѣшатъ насладиться удовольствіемъ. Въ вечеру балы, маскарады и два раза въ день театры. По домамъ, какъ и въ рождественскіе праздники, расхаживаютъ замаскированные, — но вездѣ шумное и неутомимое гостепріимство.

Послѣдніе два дня на сырной недѣлѣ, (субботу и воскресенье), одни изъ приличія, другіе по набожности, посвящаютъ на испрашиваніе другъ у друга прощенія. Встрѣтясь, даже на улицѣ, они цѣлуются, говоря: «прости меня, въ чемъ я тебя обидѣлъ, умышленно и неумышленно, дѣломъ или словомъ.»—Богъ тебя проститъ и Божія Матерь, — отвѣчаетъ ему другой,—и въ знакъ примиренія цѣлуются. — Люди высшаго сословія не стыдятся ѣздить тогда къ своимъ врагамъ и мирятся съ ними. Иностранецъ Албертъ Кампензе, описывая Религію Русскихъ въ началѣ XVI вѣка, замѣчаетъ, *что они гораздо лучше* слѣдуютъ ученію Евангелія, нежели Католики (*). Эта похвальная черта не истребилась донынѣ у насъ.

Въ воскресенье, вечеромъ, совершаются проводы масляницы, и послѣ ужина заключаютъ ее, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, катаньемъ на саняхъ, почти до полночи.

(*) Lettera d'Alb. Campense intorno le cose di Moscovia, al. beat. padr. Clemente VII.

Въ небольшихъ городахъ Россіи, или вообще, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ удовольствіе на масляницѣ сопровождается катаньемъ на саняхъ, и рѣдко вечерними собраніями, простой народъ тѣшится пляскою, играми и пѣснями. Нельзя однакожъ скрыть слабости нашего добраго народа. Во всю масляницу, отъ чрезмѣрно-радушнаго угощенія виномъ, упиваются до того, что бываютъ драки и убійства. Не только иностранцы, описывавшіе нравы нашихъ предковъ, говорятъ объ этомъ, но мы современники сами этому свидѣтели.

По деревнямъ, парни съ дѣвками катаются на дровняхъ, саняхъ и большихъ салазкахъ съ природныхъ горъ. Катаются на скамьяхъ, подмороженныхъ коровьимъ навозомъ и политыхъ водою. Скамьи дѣлаются изъ двухъ большихъ досокъ, соединенныхъ ножками. На нихъ садятся только дѣвки, одна подлѣ другой, правятъ ногами и поютъ пѣсни. Мальчики катаются на скамѣечкахъ, садясь на нихъ верхомъ, а дѣвочки на ледянкахъ: это есть подмороженное рѣшето. Катаются еще на корытахъ подмороженныхъ, бычкахъ и кружкахъ (*); взрослые парни спускаются съ горъ

(*) Бычки имѣютъ видъ скамѣйки, коей низъ составляетъ старое разсошье, а передняя сторона отдѣляется полозьемъ. Разсошье намазываютъ коровьимъ навозомъ, потомъ поливаютъ водою, пока не обмерзнетъ хорошо. Мѣсто,

на ногахъ, сцѣпившись по нѣскольку вмѣстѣ. Но самое лучшее и разгульное катанье,— въ запряженныхъ лошадью саняхъ. Бабы и дѣвки, мужики и парни, усѣвшись около 15 человѣкъ въ сани, разъѣзжаютъ съ колокольчикомъ, при пѣніи разнообразныхъ пѣсней. Лошадь едва везетъ и останавливается весьма часто, какъ бы разслушивая пѣсни разгульныхъ своихъ сѣдаковъ; но ей не даютъ разслушать: дергаютъ возжами то въ ту, то въ другую сторону; она вытягивается лѣниво, поднимаетъ ноги, тащитъ шагъ за шагомъ; потъ на ней кружится паромъ, — она задыхается, лезетъ изъ кожи,—но везетъ.—Передъ сумерками увеличивается число парней, молодыхъ, женатыхъ, дѣвушекъ и молодицъ, — въ избахъ остаются однѣ старухи. Вывозятъ дровни и всѣ тѣснятся на нихъ. Удальцы сидятъ на краешкахъ и облучкѣ, и управляютъ бѣгъ ногами: такое гулянье продолжается до полночи.

Маскарадъ и санное катанье, данное Петромъ I.

Петръ I, насмѣхаясь надъ многими своенравными и застарѣлыми обыкновеніями, изо-

---

на коемъ садятся, устроиваютъ изъ небольшой гладкой доски, прикрѣпленной снизу четырьмя попарно столбиками: двумя напереди, а двумя назади. Кружки дѣлаютъ изъ старыхъ рѣшетъ, низъ переплетаютъ лыками, и потомъ обмазываютъ какъ бычки.

бражалъ ихъ часто въ потѣшныхъ забавахъ. Къ числу таковыхъ принадлежитъ представленная имъ масляница въ Москвѣ (1722 г.). Въ четвертый день масляницы начался большой поѣздъ изъ Всесвятскаго села. Тамъ было заготовлено множество разнаго вида и величины морскихъ судовъ, и всѣ они поставлены были на сани, которыя были запряжены звѣрьми. По данному ракетою знаку, флотъ двинулся и потянулся къ тверскимъ воротамъ пестрыми рядами.—Шествіе началось штукаремъ, ѣхавшимъ на большихъ саняхъ, въ шесть лошадей гуськомъ. Лошади брянчали бубенчиками и побрякушками. На другихъ саняхъ сидѣлъ Зотовъ, Князь—Папа. Онъ былъ одѣтъ въ длинную изъ краснаго бархата эпанчу, подбитую горностаемъ; въ ногахъ его сидѣлъ на бочкѣ пьяный Бахусъ; за нимъ ѣхалъ шутъ въ саняхъ, запряженныхъ четырьмя свиньями.—Послѣ двинулся флотъ, съ Нептуномъ на колесницѣ и трезубцемъ въ рукахъ; колесницу его везли двѣ Сирены. За нимъ ѣхалъ Князь-Кесарь Ромодановскій, на большой лодкѣ, запряженной двумя живыми медвѣдями. Кесарь былъ въ порфирѣ и съ княжескою короной на головѣ. Потомъ шелъ 88-пушечный корабль, съ тремя мачтами и полнымъ вооруженіемъ: его везли 16 лошадей. Самъ Государь

сидѣлъ въ немъ, въ одеждѣ флотскаго Капитана, окруженный генералами и офицерами. За кораблемъ ѣхала гондола; въ ней сидѣла Государыня, въ одеждѣ остъ - фрисландской крестьянки; ее окружали знатныя и придворныя дамы и кавалеры, въ аравійскихъ одеждахъ. — За гондолою тянулась *неугомонная обитель:* такъ назывались маскарадные шуты: они сидѣли въ разныхъ смѣшныхъ положеніяхъ, въ длинныхъ и широкихъ саняхъ, которыя нарочно были сдѣланы на подобіе драконовой пасти. Шуты были наряжены журавлями, лебедями, лисицами, волками, медвѣдями и огненными змѣями. —Пестрое и разновидное шествіе, изумлявшее и забавлявшее жителей, шло въ Кремль, и сюда уже прибыло вечеромъ, при пушечныхъ выстрѣлахъ. Слѣдующіе три дня были проведены въ угощеніяхъ и веселостяхъ. Участвовавшіе въ этомъ маскарадѣ, перемѣняли на себѣ платья по нѣскольку разъ въ день. Послѣдній день заключился сожженіемъ богатаго фейерверка (*).

Разное отправленіе масляницы.

Между жителями петербургскими сохранилось преданіе, что масляница пріѣзжаетъ сначала на Охту, потомъ въ Ямскую, а послѣ

(*) Голик. Дѣян. Петр. В.; Сѣверн. Пчела 1833 г. No 125.

въ городъ. По этой причинѣ, Охта именуется первоначальницею масляницы, потому что въ старые годы строились тамъ ледяныя горы и кто охтенскимъ горамъ не сдѣлалъ чести своимъ посѣщеніемъ, тотъ считался отъявленнымъ врагомъ масляницы. Въ прежніе годы нигдѣ столько не пекли и не ѣли блиновъ, какъ на Охтѣ; въ прежніе годы подъ именемъ первоначальницы масляницы разумѣли Охтянку, которую представляли нагруженную блинами, аладьями и пирогами. Вотъ описаніе Охтянки, первоначальницы масляницы, которая, обращаясь къ своимъ подругамъ, говоритъ:

Сестрицы!
Встрѣчайте масляницу намъ любезную,
И къ весельямъ нашимъ быть полезную.
Вотъ, здѣсь уже растворъ,
Блины и олады подпекать;
А вы готовьте
Болѣе масла подливать.
Не жалѣйте притомъ
Яицъ, сметаны и твороговъ
Для напеченія
Масляничныхъ пироговъ. —
А особливо для дородныхъ молодцовъ, —
Напечемъ мы поболѣе пряженцовъ!

Подруги ея, яичницы и городскія жительницы отвѣчали съ распростертыми обьятіями:

Масляницу съ радостію нашею встрѣчаемъ,
Съ весельемъ и кочерги въ руки принимаемъ:
Въ готовности уже предъ вами строемъ стать,
Ухватами и кочергами честь отдать.
Все уже у нашихъ бабъ, все будетъ исправно,
И съ сковородниками пойдемъ регулярно.
Блины, оладьи, печь давно уже чтимся,
И о масляницѣ весьма веселимся,
Какъ возможно хворость намъ выше возгромоздится,
Тутъ всякой на то зритъ, пусть всякой тому дивится.
По утрамъ мы рано, скоро будемъ вставать,
Растворы и тѣсто спѣшно приготовлять.
Мы устроимъ башни, пирамиды и вышки,
Окружать коихъ будутъ масляныя пышки.
Наполнятся столы съ рыбой, пирогами,
Украсимъ ихъ лаврами и деревами.
Напекутся оладьи, блины и пряженцы,
Пускай сбираются къ намъ хорошіе молодцы,
Пріятельски съ нами обще забавляться,
Потомъ съ горъ на санкахъ вмѣстѣ покататься —
О! какое будетъ тутъ веселье и радость,
Когда вольется въ насъ, толь великая сладость!
Что будемъ мы винцо и пивцо попивать,
А блинами и оладьями заѣдать.

Вдругъ появились на Охтѣ горы, украшенныя флагами и ельникомъ. Отворились кабаки, въ коихъ сидѣли мужички, въ пристойномъ ихъ званію засаленномъ платьѣ, съ искривленными лицами. Повсюду раздавались пѣсни и крики. Въ домахъ били окна и тарелки,

на столахъ лежали горы хворосту, пироговъ, блиновъ и оладьевъ; полуштофики не сходили со столовъ.

Всякая домоводчица старалась, вставъ поутру рано, приготовить растворы, напечь блиновъ, оладьевъ и всякой всячины. Каждый хозяинъ старался, поутру рано, зазывать къ себѣ пріятелей и угощать ихъ, приговаривая отъ всего усердія:

Пожалуй меня послушай,
Сію рюмку водки кушай.
Принимай небось смѣло,
Вѣдь нынѣ то и дѣло.
Нечего кажется трусить,
Есть видишъ чѣмъ и закусить:
Блины и оладьи стоятъ,
Которыхъ нынѣ ѣдятъ.
А если жажду утолить,
Извольте пивомъ промочить.
Не шутя, я васъ прошу,
И съ любовью подношу.

Гости отвѣчали, что они довольны хлѣбосольствомъ хозяина, и просили его посѣтить ихъ масляницу:

Довольны и такъ довольны,
Что утробы стали полны,
А сердца такъ развеселились,
Что иные съ стульевъ повалились.
Не ужели жъ до того дожить,
Что и чувство намъ позабыть?

Мы въ куражѣ, довольно тово,
А прiятство дороже всево.
Такъ за ваше угощенье,
Сдѣлайте и намъ посѣщенье.

Женщины, разгоряченныя масляничнымъ восторгомъ, пѣли, плясали, плакали, скакали, обнимали другъ дружку за шею, приговаривая: «матушка, кумушка, сватушка, кабы ты-то у меня, что бы тамъ было! — Насилу дождались такого праздничка, а его дожидали цѣлой годикъ! Да что дѣлать, хоть на часъ, да вскачь.» — Масляница сидѣла на верху своего торжества: повсюду было катанье, гулянье, пиршество. Наконецъ настало прощанье въ тотъ самый день, когда масляница достигла крайней точки разгула, и все разставалось съ нею грустно и со слезами (*).

Императрица Анна иногда дозволяла себѣ, для развлеченiя, припоминать русскiя забавы на масляницѣ. Она нарочно собирала въ своемъ дворцѣ унтеръ-офицеровъ съ ихъ женами, которыя, бывъ одѣты въ простонародныя одежды, веселили пѣснями, плясками и играми. — Гонитель всего русскаго, Биронъ, желая потѣшиться на масляницѣ маскарадомъ, велѣлъ, для свадьбы одного шута, состроить

(*) Магазинъ всѣхъ увеселенiй; Москва, 1831 г., въ статьѣ: маловременные владѣтели, или блестящая масляница.

ледяной домъ, въ которомъ и заморозилъ того шута. Императрицы Елисавета и Екатерина II очень любили народныя забавы. Онѣ, въ сопровожденіи пышнаго двора, разъѣзжали на саняхъ, и ледяныя горы, если не болѣе, то не менѣе доставляли имъ удовольствія.—И нынѣ въ Петербургѣ знатныя дамы катаются съ ледяныхъ горъ, нарочно для нихъ состроенныхъ, какъ во время масляницы, такъ и въ нѣкоторые дни поста. Это на модномъ языкѣ называется journée falle или dejeuner dansant, а на обыкновенномъ—пикникъ. Сюда съѣзжаются, чтобы порѣзвиться на свободѣ; тамъ танцуютъ и катаются съ горъ на самолетныхъ саночкахъ: въ то время избранная дама сидитъ на колѣняхъ своего кавалера. — Цвѣтъ высшаго круга, утомленный скучными концертами великаго поста, безконечными представленіями живыхъ картинъ и фантастическихъ тѣней, задумываетъ разсѣять себя: онъ назначаетъ пикникъ. И едва эта мысль вырвалась изъ l'êlit du beau monde, какъ она облетаетъ мигомъ дамскіе туалеты и петербургскіе салоны.—Всѣ собираются дружно въ условленный часъ, и всѣ, не на шутку, съѣзжаются въ указанный домъ. Говорливая молодежъ и молчаливый дипломатъ, и важный мужъ летятъ въ пошевняхъ, въ плетеныхъ прозрачныхъ са-

ночкахъ и на иноходцѣ: все торопится, все спѣшитъ, боясь опоздать или не заставить ждать себя.—Когда всѣ соберутся, тогда каждая дама сопровождается избраннымъ своимъ кавалеромъ. Длинный рядъ баловней роскоши несется пестрой вереницею по дорогѣ. Разноцвѣтныя попоны удалой тройки и узорчатые ковры саней, бархатные кафтаны кучеровъ съ бобровой опушкою, малиновыя и голубыя шапки на бекрень, выдвигаются на первомъ мѣстѣ картины; богатыя съ развѣвающимися перьями шляпки и полувоздушныя вуали, вьющіяся бѣлымъ пухомъ, обхватываютъ очаровательныя головки красавицъ; сребристые бобры и черный лисій мѣхъ, окутываютъ нѣжный станъ счастливыхъ сибаритокъ; сверкающіе безпечной радостью глаза, шутки и остроты красавицъ,— занимаютъ средину прекрасной картины. Избранные кавалеры, стоящіе на запяткахъ, дорисовываютъ картину неумолкаемой болтовнею, — все мчится съ восторженной веселостію. Ухабы, мятель, даже грязь и лужи ни по-чемъ... Поѣздъ вдругъ останавливается предъ назначеннымъ домомъ. Дамы, едва вошли въ пышно убраннныя комнаты, немедленно садятся за туалетъ: иныя вновь наряжаются, а другія поправляютъ свои уборы. Послѣ нѣсколькихъ минутъ, всѣ

сходятся въ блестящихъ уборахъ: говоръ, шумъ и хохотъ разносятся повсюду. Подаютъ завтракъ, и каждый кавалеръ старается угостить свою даму; потомъ раздается музыка и начинаются танцы. Въ вихрѣ вальса забываютъ и время страстныхъ дней: все кружится до упаду. Безпрерывные танцы, смѣняемые утонченной изобрѣтательностію, никому не даютъ покоя. Отчаянное веселье въ полномъ разгарѣ, и только пріостанавливается въ то время, когда позовутъ къ обѣду, который начинается не ранѣе шести часовъ вечера. За обѣдомъ тотъ же кавалеръ угощаетъ свою даму, и тотъ же кавалеръ, послѣ обѣда, танцуетъ первый танецъ съ своею дамою. Танцы продолжаются до поздней ночи, потомъ всѣ разстаются, какъ сошлись, безъ сожалѣнія, и весьма равнодушно приглашаютъ: одни—«завтра ко мнѣ на вечеръ!» другіе—«ко мнѣ послѣ завтра на балъ!»

Пикникъ, полный странностей и противуположностей, выходитъ изъ круга обыкновеннаго веселія. Отъ того-то онъ и нравится: и что же онъ? Балъ не балъ, а вѣрное изображеніе пресыщенныхъ пирами и роскошью.

Въ Ярославлѣ масляница имѣетъ свои особенности. По понедѣльникамъ тамъ бываетъ рынокъ; на масляницѣ тоже, но мно-

голюднѣе. Всякій спѣшитъ тогда праздновать *честную масляницу*, — такъ она называется здѣсь. Въ обыкновенные торговые дни съѣзжаются только по надобности, (а въ это время, то есть въ масляницу), по старинному и причудливому желанію: *показать себя и людей посмотрѣть.* — Такъ поступаютъ всѣ, обвѣнчанные въ прошлый годъ. Молодые одѣваются чисто, и судя по деревенскому, даже щегольски. Женщины въ длинныхъ китайчатыхъ, заячьихъ шубахъ; шеи ихъ красиво перевязаны шелковыми платочками. — На верху шубы, накинуты большіе, длинные и пестрые платки. Мужья ихъ, не уступаютъ имъ въ щегольской одеждѣ. Молодые, взявшись рука за руку, образуютъ въ толпѣ народа тихо движущіяся, живыя картины. Около молодыхъ, или недалеко отъ нихъ, стоятъ ихъ отцы и матери, и простодушно любуются милыми дѣтушками. Мимо ихъ безпрестанно ходятъ любопытные. Кромѣ молодыхъ собираются въ этотъ день дѣвицы-невѣсты и парни - женихи. Они составляютъ совсѣмъ особое отдѣленіе. Нѣсколько дѣвицъ одного села, взявшись одружески за руки, стоятъ неподвижно на одномъ мѣстѣ. Парни, охорашиваясь, похаживаютъ мимо дѣвицъ и посматриваютъ на нихъ. Нагулявшись вдоволь, молодые съ родными и

знакомыми расходятся по трактирамъ и ресторацiямъ. Тутъ, за чашкою чая, встрѣчаютъ масляницу, а потомъ начинается пиръ горой.—Поклонники Бахуса также не отказываютъ себѣ въ удовольствiи. Поразвеселившись, начинаютъ пѣть и плясать, а потомъ оставляютъ городъ на цѣлую недѣлю. Всѣ вмѣстѣ они ѣдутъ къ тестю-батюшкѣ, и къ тещѣ-матушкѣ, и тамъ веселятся до первой недѣли поста.— Жители Ярославля и уѣздныхъ городовъ угощаютъ другъ друга блинами, катаются на горахъ и по улицамъ, поютъ *коледу*. Съ четверга сырной недѣли, толпы мастеровыхъ ходятъ по домамъ съ погремушками, бубнами, рожками, балалайками и другими простонародными инструментами, поздравляютъ хозяина съ праздникомъ и говорятъ: *прикажи, сударь-хозяинъ, коледу пропѣть*. Получивъ позволенiе, они поютъ:

Ужъ какъ шли ребята коледовщики,
Виноградъ, красно зеленая моя!
Коледовщики, все фабрищики,
Виноградъ, красно зеленая моя!
Мы искали двора господина своего,
Виноградъ, красно зеленая моя!
Господиновъ дворъ на семи верстахъ,
Виноградъ, красно зеленая моя!
На семи верстахъ, на осьми столбахъ,
Виноградъ, красно зеленая моя!

Посреди двора, посреди широка,
Виноградъ, красно зеленая моя!
Стоятъ три терема,
Виноградъ, красно зеленая моя!
Три терема златоверхіе,
Виноградъ, красно зеленая моя!
Въ первомъ терему красно солнышко,
Виноградъ, красно зеленая моя!
Во второмъ терему часты звѣзды,
Виноградъ, красно зеленая моя!
Самъ хозяинъ въ дому, господинъ въ терему,
Виноградъ, красно зеленая моя!
Хозяйка въ дому, госпожа въ высокомъ,
Виноградъ, красно зеленая моя!
Молодыя дѣвушки въ дому, какъ орѣшки въ меду,
Виноградъ, красно зеленая моя!

Выслушавъ пѣсню, хозяинъ подчуетъ ихъ виномъ, даритъ мелкими деньгами, а коледовщики благодарятъ:

Благодарствуй, хозяинъ, на хлѣбѣ, на солѣ и на жалованьѣ,
Виноградъ, красно зеленая моя!
Накормилъ, напоилъ, со двора пустилъ,
Виноградъ, красно зеленая моя!

По древнему обычаю, нашъ народъ поминаетъ усопшихъ блинами, потому въ тамбовской губерніи и смежныхъ съ нею мѣстахъ, первый испеченый блинъ кладется на слуховое окошко, въ томъ предположеніи, что души родственниковъ, знакомыхъ, особенно

родителей, невидимо съѣдаютъ его. Если онъ остается не тронутымъ, то думаютъ, что злые духи до сего не допускаютъ: въ такомъ случаѣ прогоняютъ ихъ заклинаніями.—Набожныя женщины, садясь за столъ, ѣдятъ первый блинъ за упокой усопшихъ, а слѣдующими блинами встрѣчаютъ масляницу, которая потомъ вся проходитъ во взаимномъ угощеніи и катаньи на саняхъ.

Увеселенія на масляницѣ въ костромской губерніи не вездѣ начинаются одинаково: въ нѣкоторыхъ селеніяхъ со вторника, въ другихъ съ середы, а въ помѣщичьихъ съ четверга. Богатые катаются изъ одной деревни въ другую, или съѣзжаются другъ къ другу на блины, и потомъ отправляются снова кататься и пировать. Новобрачные ѣздятъ въ гости къ сродникамъ, которые дарятъ ихъ мыломъ, а тѣ отдариваются блинами.— По нѣкоторымъ уѣздамъ, изъ деревень съѣзжаются дѣвушки къ своимъ родственникамъ или знакомымъ, въ лучшихъ праздничныхъ одеждахъ; лице красятъ румянами и бѣлилами, а зажиточныя сверхъ того украшаютъ свои шеи коралловыми монистами, пальцы кольцами, а уши блестящими серьгами. Крашеный сарафанъ и пестрый большой платокъ, искусно обвивающійся около стана красавицы, обращаютъ об-

щее вниманіе. Новобрачные, равномѣрно одѣтые въ лучшіе наряды, также появляются на гулянье. Дѣвушки и новобрачные катаются съ горъ отдѣльно отъ мущинъ. Парни въ нарядныхъ одеждахъ стоятъ рядами и высматриваютъ пригожихъ невѣстъ. Въ субботу съѣзжается на горы еще болѣе народа; катанье усиливается: парни катаются съ дѣвицами, даже съ незнакомыми и угощаютъ ихъ пряниками и орѣхами. Другія же сами покупаютъ для себя лакомства на деньги, вырученныя за проданную ими въ ту недѣлю пряжу, и ходя около горъ, хрустятъ орѣхами. Въ послѣдній день масляницы, именно въ воскресенье, составляется изъ наряженныхъ мущинъ, съ соломенными на головѣ колпаками верховая поѣздка, называемая *обозъ*. Вечеромъ за городомъ колпаки сожигаются,—это значитъ *сожигать масляницу*, и потомъ проводятъ ее виномъ.—По деревнямъ поютъ пѣсни, а вечеромъ мущины и женщины, взявъ съ своего двора по пуку соломы, складываютъ ее вмѣстѣ и зажигаютъ, что называется *сожечь соломеннаго мужика*.

Подобное обыкновеніе давно было извѣстно многимъ славянскимъ племенамъ, которыя совершали его при встрѣчѣ весны перваго марта. Они выносили изъ селенія соломенное чучело, представлявшее смерть, сожигали его

и пепелъ бросали въ воду.—Нѣтъ сомнѣнія, что сожженіе соломеннаго мужика есть остатокъ языческаго обряда, который измѣненъ въ послѣдствіи и въ настоящемъ видѣ уже вошелъ въ потѣшные проводы масляницы.

Хотя разгульная масляница начинается вообще съ четверга честнаго, однако по нѣкоторымъ мѣстамъ саратовской губерніи (хвалынскаго уѣзда), между поселянами она начинается съ пятницы. Тамъ старые и молодые обоего пола отправляются поутру рано на рынокъ, за исключеніемъ хозяевъ дома, и гуляютъ на рынкѣ до вечера. Потомъ всѣ, отправляясь домой, везутъ съ собою масляницу (деревянный истуканъ), которую сажаютъ верхомъ на передовой лошади и поютъ веселыя пѣсни. Оставшіеся въ домахъ выходятъ на улицу, встрѣчаютъ масляницу и кланяются ей. Привезенный истуканъ ставится посреди улицы, народъ окружаетъ его и провозглашаетъ: «пріѣхала масляница!»—Мущины и женщины обходятъ вокругъ, и кричатъ: «масляница! масляница!» — Тогда уже начинается общее угощеніе: пекутъ блины, подчуютъ другъ друга, поздравляя съ наступившей масляницею; поютъ пѣсни, играютъ въ гармонику и балалайку и пляшутъ. — Такъ продолжается до вечера воскресенья, въ который

погребаютъ истукана. Наряжаютъ старика въ черное рубище, и навязавъ на веревочку осколки битой посуды, подаютъ ему въ руки; за нимъ несутъ масляницу на носилкахъ, чрезъ всю деревню. Толпы людей провожаютъ истуканъ до другаго конца деревни. Тамъ бросаютъ его и оставляютъ до будущаго года, для того, чтобы масляница не возвратилась къ нимъ. Исполнивъ этотъ обрядъ, приходятъ домой, прощаются другъ съ другомъ, и тѣ, которые жили между собою въ враждѣ, примиряются.

Масляница въ пензенской губерніи начинается собственно съ четверга. Тамъ посѣщаютъ сначала родныхъ, послѣ знакомыхъ, наконецъ безъ разбора. Новобрачные обязаны ходить къ своимъ родителямъ, на горячій блинъ, въ честной четвергъ. Тутъ еще обыкновеніе, что молодой съ своею молодою долженъ прогостить у тещи два или три дня. Въ послѣдній день ходятъ, по заведенному обыкновенію, прощаться къ священнику: ему приносятъ гостинецъ, состоящій изъ мѣры ржи, или другаго какого либо хлѣба. Съ такими гостинцами обходятъ весь причтъ; но при этихъ прощаньяхъ, нерѣдко выпиваютъ гораздо болѣе, нежели чего стоятъ приношенія.

На парняхъ однакожъ лежитъ обязанность проводить честную масляницу съ почестію. Для этого они собираютъ нѣсколько десятковъ боронъ, громоздятъ одну на другую, наподобіе горы, и запрягаютъ молодыми телятами и жеребенками, а гдѣ нѣтъ ихъ, то волами: сколько впряжено скота, столько должно быть поводильщиковъ. На верху взгроможденныхъ боронъ сидитъ смѣльчакъ съ кочергою или помеломъ, и кричитъ на всѣхъ поводильщиковъ: «бравѣе!» Въ этомъ видѣ проѣзжаетъ масляница все село, изъ конца въ конецъ, съ разными прибаутками празднующихъ, какія только прійдутъ имъ въ голову. Почти всѣ поселяне провожаютъ масляницу съ крайнимъ сажалѣніемъ, что она прошла такъ быстро, не долго гостила между ними. По окончаніи шествія, которое прекращается въ концѣ селенія, всѣ прощаются между собою, желаютъ другъ другу благополучнаго перехода отъ блиновъ *на хрѣнъ да на рѣдьку, да на кислую капусту*.

Въ симбирской и пензенской губерніяхъ существуетъ обыкновеніе строить на рѣкѣ городокъ изъ снѣга, съ башнями, двумя воротами и прорубью въ рѣкѣ. Мальчики раздѣляются на двѣ стороны: на конницу—осаждающихъ и пѣхоту—защищающихъ свою позицію. Конные, предводимые своимъ начальникомъ, устремля-

ются на приступъ. Пѣшіе отражаютъ ихъ помелами и метлами; но осаждающіе, послѣ долгой борьбы, прорываются черезъ пѣхоту и въѣзжаютъ въ крѣпостныя ворота,—городъ взятъ. Взявшіе городъ купаютъ въ проруби своего предводителя, а отличившихся на приступѣ и въ защитѣ угощаютъ виномъ. Потомъ всѣ вмѣстѣ разрушаютъ городокъ и возвращаются домой съ пѣснями.

Измѣненія въ отправленіи масляницы замѣтны своею особенностію во владимірской и частію въ вятской губерніяхъ. Тамъ возятъ на саняхъ, запряженныхъ 12 лошадьми, наряженнаго мужика. Онъ сидитъ на колесѣ, утвержденномъ посреди саней; въ рукахъ держитъ полуштофъ съ виномъ и калачи.—Съ нимъ сидятъ наряженные музыканты, которые поютъ и играютъ. Почти такое же дѣйствіе происходитъ въ симбирской, саратовской, пензенской, и нижегородской губерніяхъ. Сколотивъ вмѣстѣ нѣсколько дровень, застилаютъ ихъ досками; посрединѣ ставятъ толстое, высокое дерево съ воткнутымъ на верху его колесомъ; на этомъ колесѣ усаживается наряженный, который веселитъ народъ своими забавами и продѣлками. — Потомъ возятъ по всѣмъ улицамъ сани съ деревомъ и лошадьми наряженными, въ разныхъ другихъ животныхъ: все нароч-

но на нихъ испещрено странными уборами. Многіе, вмѣсто масокъ, расчерчиваютъ лице угольями и сажею; надѣваютъ на себя платье на выворотъ, или шкуры животныхъ съ рогами и скелетомъ головы; при шествіи, скачутъ и поютъ. Вмѣсто музыки, ударяютъ въ бубны и тазы. — Шествіе это называется *проводами честной масляницы* и обыкновенно случается въ прощеное воскресенье. Въ рязанской губ. тоже возятъ на саняхъ большое дерево, увѣшанное пестрыми лоскутьями и погремушками. Вокругъ него идутъ наряженныя толпы, и останавливаются на улицахъ предъ богатымъ домомъ, на нѣсколько минутъ. Тутъ прыгаютъ, скачутъ и потомъ двигаются впередъ. Вечеромъ сходятся на общую пирушку и гуляютъ до разсвѣта. Блины не сходятъ со стола въ продолженіе даже ночи.

Въ пермской губерніи проводятъ масляницу какъ и вездѣ, съ радушіемъ и блинами. Тамъ во всю недѣлю катаются на саняхъ по городу и за городомъ; катаются на конькахъ и на замороженныхъ изъ снѣга катушкахъ съ рѣчки Слюдки на Каму.

Казалось бы, что угощеніе блинами въ Россіи есть повсемѣстное: однакожъ находятся мѣста, гдѣ замѣняютъ ихъ особыми явствами, и это—въ Сибири. Тамъ, вмѣсто блиновъ пода-

ютъ, жареное изъ тѣста на маслѣ, похожее на пирожное и называемое хворостами. Не смотря на старинный обычай употребленія хвороста, блины мало по малу вытѣсняютъ его изъ своего круга. Было тамъ обыкновеніе возить по улицамъ огромной величины корабль, съ парусами и снастями, поставленный на нѣсколькихъ вмѣстѣ сколоченныхъ саняхъ, запряженныхъ 20 лошадьми. Въ немъ сидѣли наряженные скоморохи, медвѣдь и госпожа масляница. Весь этотъ снарядъ назывался честной масляницею. Онъ возился по улицамъ, въ сопровожденіи толпы мальчиковъ и любопытнаго народа (*). Возка корабля съ парусами и снастями и пр., заимствована отъ маскарада, даннаго Петромъ Великимъ въ Москвѣ на масляницѣ, и введена въ Сибирь поселенцами и должностными людьми, которые понынѣ вводятъ въ этотъ край многое новое, и распространяютъ вкусъ и охоту ко всему хорошему и изящному. — Тамъ имѣются уже свои собранія, вечера и балы, на коихъ, если вѣрить разсказамъ, гремятъ отличные хоры музыки.— Обитатели Сибири умѣютъ веселиться: тамъ, среди снѣжныхъ горъ и морозныхъ вьюгъ, они забываютъ, что живутъ въ такой странѣ, ко-

(*) Записки и замѣчанія о Сибири. С. П. Б. 1817 г. 8.—

торая однимъ именемъ своимъ наводитъ трепетъ на каждаго человѣка. Избалованному роскошью столицы и въ голову не пріидетъ, чтобы тамъ могли радоваться и наслаждаться даже прихотями утонченной нѣги!

Въ енисейской губ. на масляницѣ, переодѣтые, въ маскахъ, ходятъ изъ дома въ домъ, или ѣздятъ на саняхъ изъ деревни въ деревню. Веселятся у хозяина: поютъ и пляшутъ и потомъ отправляются къ другому, третьему и т. д. Парни строятъ ледяную крѣпость съ воротами; сажаютъ туда охранительную стражу, и потомъ пѣшіе и конные идутъ въ атаку: пѣшіе лѣзутъ на стѣны, а конные врываются въ ворота. Осажденные обороняются метлами и нагайками. По взятіи крѣпости, побѣдители идутъ съ торжествомъ: поютъ пѣсни и кричатъ радостно. Отличившихся изъ нихъ ведутъ впередъ, а за ними плѣнниковъ. Потомъ всѣ отправляются пировать, и всю ночь проводятъ въ шумныхъ забавахъ.

На сѣверномъ концѣ Россіи, именно въ архангельской губерніи сохранялся обычай отправленія масляницы, нѣсколько сходствующій съ римскими вакханаліями. Въ Италіи понынѣ водятъ быка, обвѣшеннаго лентами, игрушками, и обвитаго цвѣтами. На немъ сидитъ мясникъ, представляющій Бахуса. — Въ

Архангельскѣ совершалось почти тоже. Въ пятницу, мясники возили по городу быка, на большихъ саняхъ, въ которыя сами впрягались по нѣскольку десятковъ. Здѣсь масляница начинается съ четверга. Въ этотъ день ѣздятъ по городу на большихъ саняхъ, съ кораблемъ, который обвѣшивается флагами разноцвѣтными и испещряется изображеніями рыбъ, птицъ, волковъ, медвѣдей, тигровъ, лисицъ, львовъ и пр., съ разинутою пастью. На мачтахъ висятъ шкуры этихъ животныхъ и чучелы птицъ и рыбъ. Замаскированные идутъ позади; музыка сопровождаетъ общее веселіе. Почетные жители, купцы, мѣщане и другіе горожане одѣваются въ нарядное платье; нѣкоторые изъ нихъ являются въ уродливыхъ маскахъ; за этой веселой толпою тянутся рядами экипажи, и всѣ отправляются съ поздравленіемъ къ начальнику города и другимъ почетнымъ особамъ. Послѣ поздравленія, возвращаются домой пировать. Въ пятницу и субботу продолжается поѣздъ, но съ меньшею пышностію, и уже ѣздитъ каждый ремесленный цѣхъ, съ своими значками, наприм., рыболовы, съ изображеніями рыбъ и другихъ предметовъ, принадлежащихъ къ ихъ ремеслу; мастеровые съ своими вывѣсками, а купцы съ вывѣскою своихъ товаровъ, кто чѣмъ торгу-

етъ. Въ воскресенье повторяется первый поѣздъ. Все это дѣйствіе называется *масляница ѣдетъ.* Въ эти дни также на саняхъ катаются съ горъ, качаются на качеляхъ и ѣдятъ блины съ икрою (*).

(*) Въ бытность мою въ Парижѣ, я видѣлъ карнавалъ, который происходилъ очень шумно. Тамъ онъ начинается въ воскресенье и оканчивается во вторникъ. Для учебныхъ заведеній позволяется гулять цѣлую недѣлю; почти тоже самое право, присвоили себѣ городскіе жители: балы, вечера, танцы и маскарады, занимаютъ ихъ до излишества. — Въ воскресенье мясники водятъ по улицамъ откормленнаго быка, который обвѣшивается погремушками, украшается разноцвѣтными лентами и кусками матерій. — На немъ сидитъ мальчикъ, похожій болѣе на амура, нежели на бахуса. — Мясники, въ миѳологическихъ одеждахъ, ведутъ за рога быка, за ними идетъ музыка и ѣдетъ огромная колесница, которая биткомъ набита здоровыми мясниками, въ разныхъ положеніяхъ: иной держитъ дубину, представляя изъ себя Геркулеса; другой шатающагося Вакха, третій Силена, четвертый Сатира съ козьими ногами и рогами и проч. На колесницѣ развѣваются флаги; ее тащутъ весьма медленно нѣсколько паръ лошадей. — Ряды экипажей, съ замаскированными лицами, сопровождаютъ это шествіе; а тысячи народа замыкаютъ его. На пространствѣ полуверсты тянутся еще новые экипажи съ людьми въ уродливыхъ маскахъ. — Во вторникъ (mardi gras), водятъ быка ко двору Короля, потомъ по домамъ знатныхъ особъ, министровъ, пословъ и богачей, но преимущественно къ таковымъ людямъ, коихъ уважаютъ. Въ среду убиваютъ быка, и разрѣзавъ на извѣстное число кусковъ, разсылаютъ ихъ по тѣмъ домамъ, куда водили его. — Прежде всего отсылаютъ самый лучшій кусокъ Королю, который даритъ за то нѣсколько сотъ франковъ. Прочія особы также обдариваютъ ихъ. Въ послѣдній день веселья Парижъ кипитъ толпами за-

По деревнямъ не менѣе веселятся на масляницѣ. Наѣвшись блиновъ, ходятъ другъ къ другу съ поздравленіями: женщины къ женщинамъ, дѣвушки къ дѣвушкамъ, старики къ старикамъ, а молодые парни къ тѣмъ и другимъ. Всѣ они одѣваются въ нарядныя одежды, особенно взрослыя невѣсты. Старики, сидя въ избѣ съ гостями, разговариваютъ о своихъ домохозяйственныхъ занятіяхъ, и запиваютъ бесѣду чарой водки. На улицѣ, подъ окнами избъ собираются дѣвушки, взрослыя и не взрослыя, въ праздничныхъ сарафанахъ и бѣлыхъ суконныхъ шушунахъ (родъ полукафтанья за колѣна); головы повязаны красными шерстяными платками, а шушуны подпоясаны шерстяными домашней работы поясами; ноги обуты въ лапти, обвязанные цвѣтными шнурками; зажиточныя обуваются въ сапоги и башмаки; косы переплетены лентами, болѣе красными. Точно въ такомъ уборѣ показываются тогда и молодухи, но съ тою разницею, что онѣ убираютъ голову повойниками, кичками и даже вѣнцемъ. Въ губерніяхъ: московской, рязанской, тамбовской и пензенской, мнѣ случалось видѣть, что въ эти дни, самыя

маскированныхъ, и это веселіе продолжается далеко за полночь.—На масляной и въ теченіе всего поста, продаютъ въ Парижѣ окрашенныя краснымъ цвѣтомъ яйца.

дѣвушки надѣваютъ на голову повойники и кички, крытыя позументомъ и вышитыя шелками. На пѣніе дѣвушекъ собирается толпа парней, которые, подступая къ нимъ, привѣтствуютъ ихъ снятіемъ шапки, и потомъ становятся въ кружокъ подлѣ нихъ. Тогда и пѣсни раздаются веселѣе и дружнѣе, и пѣніе часто продолжается безумолкно нѣсколько часовъ сряду. Въ то время, съ одного конца деревни въ другой разъѣзжаютъ на саняхъ, нарядныя молодухи, которыя на этотъ разъ не забываютъ пригласить къ себѣ дѣвушекъ. Парни ѣздятъ за ними на особыхъ саняхъ, а иногда и дѣвушки и парни вмѣстѣ; послѣ ѣдутъ пожилыя и старыя, мужья и старики на отдѣльныхъ саняхъ и всѣ поютъ. Сани у зажиточныхъ окрашены въ разноцвѣтныя краски, со звонкомъ на дугѣ и бубенчиками около лошади. Поѣздъ продолжается до поздняго вечера, который оканчиваютъ у кого либо изъ знакомыхъ пиршествомъ. Поѣзды начинаются иногда съ дальнихъ деревень. Случалось видѣть, что барыни и барышни, равномѣрно катаются изъ деревни въ деревню, и потомъ отправляются вечеромъ къ сосѣду. Въ послѣдній день масляницы всѣ ѣздятъ прощаться; пѣсенъ не поютъ, за исключеніемъ дѣвушекъ, которымъ позволяется пѣть. Набожность въ этотъ день доходитъ у многихъ

до того, что они, встрѣчая на улицѣ знакомаго и незнакомаго, останавливаются, и троекратными поклонами и слезными словами, просятъ взаимнаго прощенія. Одинъ, на-прим., говоритъ: *прости меня въ чемъ я виноватъ, или согрѣшилъ предъ тобою.* Другой отвѣчаетъ: *да проститъ тя Богъ и я прощаю*; потомъ цѣлуются и расходятся. Въ прощальный день грѣхъ ссориться, и если кто напьется, нагрубитъ или нанесетъ кому либо увѣчье, то на этомъ не взыскиваютъ, думая, что все должно прощать, не гнѣваться и *не серчаться*: для того-то и насталъ прощальный день, и что въ это время, самъ Богъ прощаетъ всѣ прегрѣшенія человѣческія, съ тѣмъ, чтобы съ наступленіемъ поста покаялись, и не грѣшили болѣе. Многіе изъ набожныхъ становятся на проѣзжихъ дорогахъ на колѣна, и молятъ проѣзжающихъ, чтобы они простили ихъ.

По нѣкоторымъ мѣстамъ Малороссіи, было прежде въ обыкновеніи съ пѣніемъ носить по улицамъ чучело; толпа дѣтей сопровождала его крикомъ и бросала въ него снѣжные комки. Ввечеру сходились на вареники. Въ другихъ мѣстахъ возили на саняхъ масляницу,— деревянное изображеніе женщины, съ распущенными волосами и въ пестрой одеждѣ, и потомъ бросали въ воду, или сожигали за го-

родомъ, въ воскресенье. Нынѣ отправляется масляница безъ всякихъ лицедѣйствій. На улицахъ появляются толпы людей, въ праздничныхъ одеждахъ, и забавляются катаньемъ по льду и съ горъ. Здѣсь не дѣлаютъ искуственныхъ ледяныхъ горъ, а наливаютъ на не большія возвышенія воду, которая замерзаетъ и образуетъ ледяныя горы. Все зависитъ отъ мѣстности. Дѣти строютъ себѣ снѣжные холмики и осаждаютъ ихъ: кто отличится изъ нихъ на приступѣ, того дарятъ орѣхами и пряниками. Катанье на саняхъ и здѣсь въ употребленіи. Во всю недѣлю столы бываютъ покрыты блинами и варениками, съ утра до полночи посѣщаютъ другъ друга и угощаютъ взаимно. Почти никакого не готовятъ другаго кушанья, кромѣ вареников. Въ субботу и воскресенье ходятъ прощаться, безъ подарковъ. Въ Россіи кумовья носятъ другъ другу большіе пряники и куски мыла.

Суевѣрныя замѣчанія. Въ Малороссіи считается за великій грѣхъ, оставлять недоѣденными блины и вареники, почему остатки этихъ яствъ отдаютъ нищимъ и бѣднымъ. Есть домы, которые цѣлую недѣлю кормятъ ихъ. Если что остается къ первому дню поста, то все выбрасываютъ собакамъ, а самую посуду вымываютъ на-чисто кипяткомъ, чтобы нечистые духи не мучили ихъ

душу на томъ свѣтѣ. Когда остается на зубахъ сыръ,—то думаютъ, что черти будутъ выдергивать остатки его каждую ночь по не многу, пока всего не выдернутъ вмѣстѣ съ зубами: потому стараются выполаскивать ротъ, какъ можно чище; другіе встаютъ ночью по нѣскольку разъ для совершенія полосканья, и этимъ самымъ мѣшаютъ чертямъ выдергивать сыръ. Господствуетъ между суевѣрными еще предубѣжденіе, что кто хочетъ пріобрѣсть дешевою цѣною талисманъ, съ коимъ можно являться повсюду, и пріобрѣтать все, что пожелаетъ душа, въ такомъ случаѣ надобно, въ послѣднее воскресенье на масляницѣ, положить въ ротъ кусокъ сыра, во время полночи, и держать его три дня сряду, не вынимая изъ рта и не дозволяя чертямъ дотрогиваться до него. Кто совершитъ этотъ подвигъ, тотъ счастливецъ въ мірѣ! Стоитъ ему пожелать, и все явится къ его услугамъ. Золото ли, красавицы, и все, что вздумаетъ, все будетъ въ его власти. По народнымъ преданіямъ извѣстно, что самые удалые козаки пробовали достигнуть этого сверхъ-естественнаго счастія, но и имъ это не удавалось. Многіе увѣряютъ, что для успѣха въ томъ, впередъ надобно продать душу чорту, но козакъ, правдивая душа, не полѣзетъ въ адъ прежде другихъ.

Есть въ Россіи мѣстами обыкновеніе, что въ послѣдній день, прощаясь другъ съ другомъ, ходятъ просить отпущенія грѣховъ у своихъ священниковъ, и потомъ отправляются къ могиламъ родныхъ и знакомыхъ. Въ семействахъ не прежде ложатся спать, какъ примирившись другъ съ другомъ: дѣти испрашиваютъ прощеніе у родителей, а слуги у господъ. Самые господа нетолько не считаютъ за стыдъ, испросить прощеніе у своихъ слугъ, но даже вмѣняютъ это въ священный долгъ. Такой обычай повсемѣстенъ въ Россіи. Въ послѣдній вечеръ сырной недѣли не должно ни разводить огня, ни зажигать свѣчъ.

Пословица, — не все коту масляница, — произошла отъ того, что послѣ масляницы наступаетъ постъ, а съ нимъ вмѣстѣ строго воздержная жизнь. Съ перваго дня поста, многіе не пьютъ даже воды, пока не отслушаютъ утрени, не пьютъ чаю и не ѣдятъ, не отслушавъ часовъ. Первые три дня, ничего не варятъ: ѣдятъ одно сухое, соленые огурцы, грибы, квашеную капусту, хрѣнъ да рѣдьку, и пр. и пр. Съ четверга варятъ изъ овощей кушанье безъ постнаго масла.—Въ рѣзкую противоположность примѣрному пощенію вообще, къ сожалѣнію, можно представить людей, которые, въ теченіе всей первой недѣли, не пе-

рестаютъ ходить другъ къ другу, прощаться. Ничего не жаль для дружка! и какъ не порадоваться ему? Ну, похмѣлимся, братъ, авось не пройдетъ ли головная боль. Послѣ первыхъ рюмокъ, друзья говорятъ: довольно. Надобно же выполоскать всякую дрянь! Друзья подумавъ, не ломая головы, признаютъ это весьма здоровымъ и даютъ себѣ слово только полоскать ротъ, не болѣе. Они полощутъ ротъ и удивляются, чтобы это такое? ротъ моется усердно, а дрянь не выплевывается!—Когда порядочно наполоскаются, тогда, взявшись дружески рука за руку, и поддерживая одинъ другаго, идутъ къ своимъ знакомымъ тоже полоскать ротъ. Тамъ полосканье превращается въ круговую попойку, и продолжается почти всю первую недѣлю поста. Не одни мущины, но и женщины соревнуютъ имъ. Таковое постыдное обыкновенiе не прежде можетъ быть истреблено, какъ съ запрещенiемъ продажи водки по питейнымъ домамъ, хотя на время великопостныхъ дней.

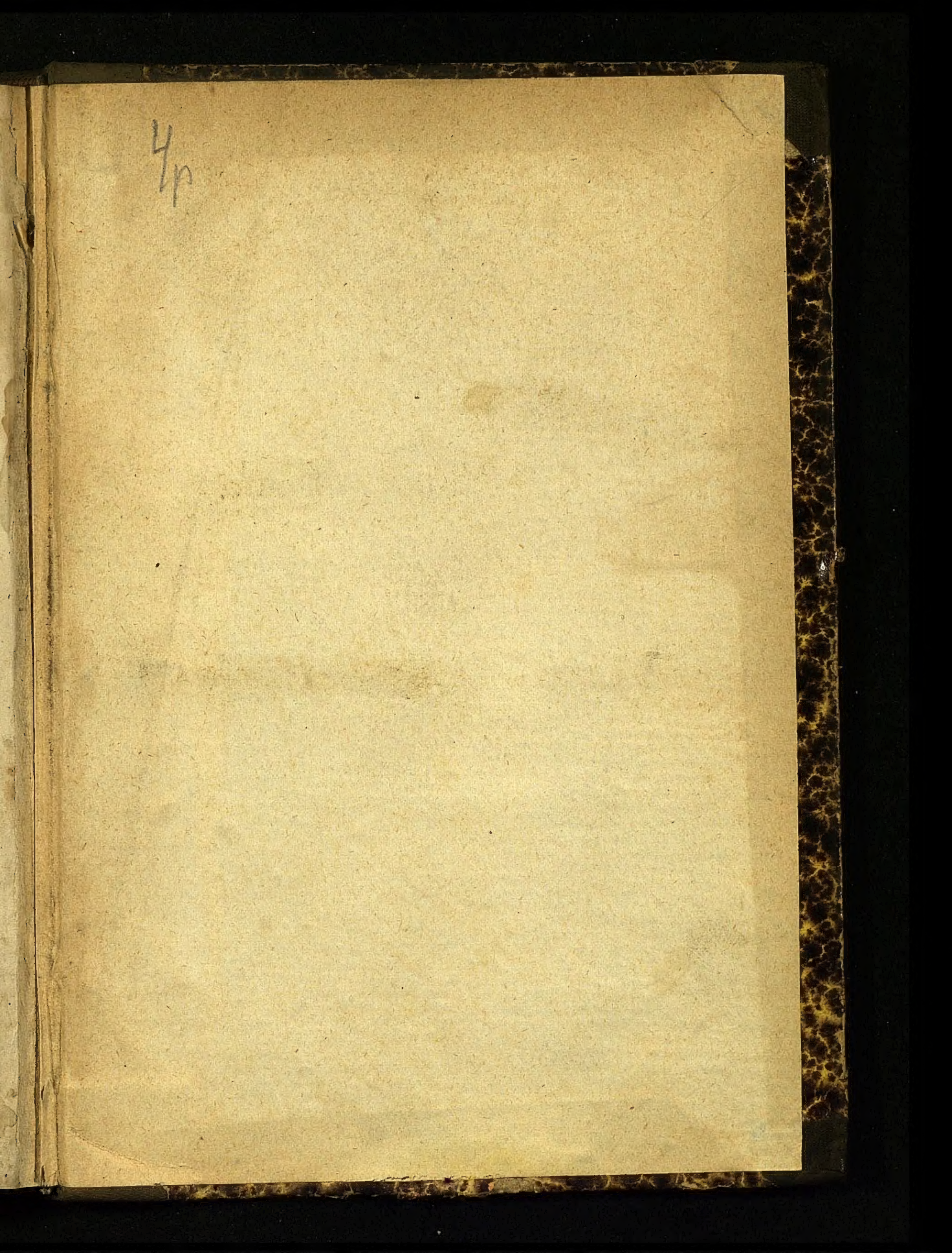
Банные проводы.

По окончанiи масляницы, народъ стекается толпами въ бани, какъ бы для смытiя съ себя всѣхъ нечистотъ. Тогда парятся болѣе обыкновеннаго; бани натапливаются жарче прежняго, и во время парки кричатъ: *поддай пару послѣ масляницы!* — Выпарившись хо-

рошенько, требуютъ водки и пьютъ за здоровье масляницы. — Это дѣлается для того, чтобы выпроводить честную масляницу изъ бани.

Первый понедѣльникъ великаго поста въ нѣкоторыхъ мѣстахъ называется чистымъ понедѣльникомъ. Тогда, во многихъ городахъ, поутру собираются кучами ребятишки, идутъ толпою къ дому каждаго хозяина съ ухватами, кочергами, помелами, сковородами, и кричатъ: «мы масляницу прокатали, святы вечеры проиграли; мы рожественъ постъ пропряли. Свѣтъ наша масляница, дорогая! гдѣ ты ночь ночевала? Подъ кустомъ на дорожкѣ. Ѣхали скоморошки, вырѣзали по прутичку, сдѣлали по гудочку, и вы, гудушки, не гудите, и вы масляницу не будити».

Въ Литвѣ, во время масляницы запрягаютъ необъѣзжанныхъ лошадей въ сани, и думаютъ, что объѣзжанныя въ это время, бываютъ крѣпкія, здоровыя и не подвергаются никакому дурному глазу.


4p